

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

2019

№ 3 (50)

научно-теоретический журнал

Выходит 4 раза в год

Основан в 2006 г.

ТЕМА НОМЕРА: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

От редактора рубрики	5
Симоненко О. А. "Оформление образования" как часть молодёжной политики в РФ и КНР	7
Обручникова С. Р. Социализация студентов в современной системе образования (на примере студентов высших учебных заведений г. Хабаровска) ...	19
Горяченко Е. А. Практика индивидуализации обучения в Дальневосточном федеральном университете	29
Зубова О. Г., Костина Е. Ю., Машкина И. В. География детства – новое исследовательское и образовательное направление в российской географической науке	38
Абросимова Е. Е., Бухтиярова И. Н., Филипова А. Г. Участие детей в решении вопросов, затрагивающих их интересы: анализ региональных образовательных мероприятий и материалов СМИ	50
ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ РЕГИОНОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	
Кремнёв Е. В., Лесниковская Е. В. К вопросу о целях и задачах современной трансдисциплинарной регионологии	65
ИСТОРИЧЕСКОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ	
Пчела И. В. Материальное положение учителей сельских школ Приморской области в 1900–1914 гг.	76
Петров А. С. Причины распространения проституции в начале XX века в отдаленных регионах Российской империи (на примере Забайкальской области)	86
Стась И. Н. Историческая урбанистика в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке	93
Круглый стол	
Ардальянова А. Ю., Винокурова А. В., Власов С. А., Гончарова С. В., Ермолаева Ю. Н., Костина Е. Ю., Купряшкин И. В., Малкова Н. Ю., Орлова Н. А., Панфилова А. О., Парфенова О. А., Радченко Н. Н., Яковлев А. И., Ячин С. Е. Феномен города в фокусе гуманитарных наук	105

СОЦИАЛЬНЫЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ

- Захаркин Р. А.** Исследование проблемы отождествления вторичной социализации с такими социальными процессами, как ресоциализация и альтернатива **111**

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И УПРАВЛЕНИЕ РЕГИОНОМ

- Бахлов И. В., Бахлова О. В.** Совершенствование федеративных отношений в России в контексте национальной и региональной политики **119**
- Антюшин Н. А.** Роль "верхних" палат в бикамеральных парламентах в укреплении парламентаризма в условиях обновления их состава (на примере России, Казахстана и Франции) **127**

МИРОВАЯ СИСТЕМА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ РЕГИОНЫ

- Алексеев Д. Ю.** НТС и спецслужбы Запада: союзники по холодной войне **138**

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

- Севастьянов С. В., Лукин А. Л.** Обзор монографии "Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России" (под ред. А. В. Торкунова, Д. В. Стрельцова) **146**
- Кузнецов А. М.** Рецензия на книгу В. Ц. Головачева "Этнополитическая история Тайваня в мировой историографии XVII–XXI вв." **152**

Редакционная коллегия:

Т. Г. Римская (главный редактор), Я. А. Барбенко, В. А. Бурлаков, А. В. Винокурова, С. М. Дударенок, Г. Кристофферсен, М. Г. Ганопольский, К. В. Григоричев, А. Н. Демьяненко, Е. В. Журбей (ответственный редактор), И. Н. Золотухин, В. Н. Караман, А. А. Киреев, В. В. Кожевников, А. М. Кузнецов, Ю. В. Латушко, М. М. Лебедева, Д. А. Литошенко, А. Л. Лукин, Ю. А. Наумов, Н. П. Рыжова, С. В. Севастьянов, А. Г. Филипова, О. И. Шестак, Шин Беом-Шик, Сасаки Широ, С. Е. Ячин.

Учредитель: Государственное образовательное учреждение высшего образования "Владивостокский государственный университет экономики и сервиса".

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации

Адрес редакции: 692000, Приморский край, г. Находка, ул. Озерная, д. 2.
Официальный сайт журнала: <http://www.ojkum.ru>
E-mail: ojkum@rambler.ru

Редактор электронной верстки: В. Н. Караман
Графическое оформление: Я. А. Барбенко, В. Н. Караман, В. В. Постников.
Корректор: Е. В. Абрамова

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство о регистрации – серия ПИ № ФС77–30578, выданное 12.12.2007 г.

scientific-
theoretical
journal

Issued
4 times a year

Founded
in 2006

THE THEME: EDUCATIONAL POTENTIAL OF THE RUSSIAN REGIONS: MODERN CONDITION, PROBLEMS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

From the editor of the heading	5
Simonenko O. A. "Education Packaging" as Part of Youth Policy in Russia and China	7
Obruchnikova S. R. Socialization of students in the modern education system (on the example of students of higher educational institutions of Khabarovsk)	19
Goryachenko E. A. Practice of individualization of education at the Far Eastern Federal University	29
Zubova O. G., Kostina E. Yu., Mashkina I. V. Geography of Childhood – a New Research and Educational Direction in Russian Geographical Science	38
Abrosimova E. E., Bukhtiyarova I. N., Filipova A. G. Children's participation in the solution of the questions affecting their interests: analysis of regional educational actions and regional mass media	50

THEORY AND METHODOLOGY OF REGIONAL STUDIES

Kremnyov E. V., Lesnikovskaya E. V. On the question of the goals and objectives of transdisciplinary regionology	65
---	----

HISTORICAL REGIONAL STUDIES

Pchela I. V. The economic conditions of teachers of rural schools in the Primorsky region in 1900–1914	76
Petrov A. S. The reasons for the spread of prostitution in remote regions of the Russian Empire in the early XX century (on the example of the Transbaikal region)	86
Stas' I. N. Urban history in Eastern Siberia and the Far East	93

ROUND TABLE

Ardalyanova A. Yu., Vinokurova A. V., Vlasov S. A., Goncharova S. V. Ermolaeva Y. N., Kostina E. Yu. Kupryashkin I. V., Malkova N. Yu., Orlova N. A., Panfilova A. O., Parfenova O. A., Radchenko N. N., Yakovlev A. I., Yachin S. E. The phenomenon of the city in the focus of humanities	105
---	-----

SOCIAL AND DEMOGRAPHIC STRUCTURES

Zakharkin R. A. The problem of correlating secondary socialization with such social processes as resocialization and alternation	111
---	-----

POLITICAL RELATIONS AND MANAGEMENT OF THE REGION

- Bakhlov I. V., Bakhlova O. V.** Improving Federal relations in Russia in the context of national and regional policies **119**
- Antyushin N. A.** The role of the "upper" chamber in the bicameral parliaments on strengthening parliamentarism in the conditions of updating their composition (on the example of Russia, Kazakhstan) and France **127**

WORLD SYSTEM AND INTERNATIONAL REGIONS

- Alekseev D.Yu.** NTS and Western intelligence: cold war allies **138**

REVIEWS

- Sevast'yanov S. V., Lukin A. L.** Monograph review: Transformation of international relations in Northeast Asia and national interests of Russia (ed. by A. V. Torkunov, D. V. Streltsov) **146**
- Kuznetsov A. M.** Review of V. Ts. Golovachev's book "Ethnopolitical History of Taiwan in the World Historiography of the XVII–XXI Centuries" **152**

Editorial board:

T. G. Rimskaya (Editor-in-chief), Ya.A. Barbenko, V. A. Burlakov, A. V. Vinokurova, S. M. Dudaryonok, G. Christoffersen, M. G. Ganopolskij, K. V. Grigorichev, A. N. Demyanenko, E. V. Zhurbey (Editor), I. N. Zolotukhin, V. N. Karaman, A. A. Kireev, V. V. Kozhevnikov, A. M. Kuznetsov, Yu.V. Latushko, M. M. Lebedeva, D. A. Litoshenko, A. L. Lukin, Yu.A. Naumov, N. P. Ryzhova, S. V. Sevastyanov, A. G. Filipova, O. I. Shestak, Beom-Shik Shin, Shiro Sasaki, S. E. Yachin.

Founder: State educational institution of the higher education
"Vladivostok state university of Economics and Service".

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific journals recommended by VAK in the Ministry of Education and Science of Russian Federation

Address: 2 Ozernaja St., Nakhodka 692000, Primorskyi krai, Russia.
Official site of journal: <http://www.ojkum.ru>
E-mail: ojkum@rambler.ru

Electronic computer is made up by V. N. Karaman
Graphic registration: J. A. Barbenko, V. N. Karaman, V. V. Postnikov.
Corrector E. V. Abramova

Authors' points of view on the problems under investigation do not necessarily coincide with those of the Editorial Board.

Journal is registered by Federal service on supervision in sphere of mass communications, connection and cultural heritage protection.

Certificate on registration of the journal ser. PI № FS77–30578, given by 12.12.2007.

От редактора рубрики

С одной стороны, в современных условиях образовательные ресурсы являются важным источником профессионального становления и развития молодежи, мобильности на рынке труда. С другой – они способствуют миграционной устойчивости населения, формированию и закреплению в регионе профессиональных кадров. Образовательная система, образовательные процессы и результаты – это постоянный объект как зарубежных, так и отечественных исследований. В нашей рубрике мы обращаемся к образовательному потенциалу в региональном разрезе, рассматриваем влияние регионального фактора/среды на образовательные возможности детей и молодежи.

Открывает рубрику статья О. А. Симоненко со сравнительным анализом образовательной политики России и КНР. В ней образование представлено как услуга, получение которой сопряжено с рядом проблем, а само оно не всегда дает необходимые бонусы, например, в виде желаемой работы после окончания вуза. В двух других статьях рубрики тема высшего образования получает дальнейшее развитие в ракурсах рассмотрения социализации студентов-первокурсников и тьюторского сопровождения одаренных студентов. С. Р. Обручникова затрагивает проблему адаптации студентов младших курсов в российских вузах. Автор приводит результаты опроса студентов г. Хабаровска, связанного с выявлением факторов успешной адаптации и социализации учащейся молодежи. В качестве одного из таких факторов выделено кураторство. Наставничество – это тренд современной системы образования, оно принимает разные формы, начиная от кураторства старшекурсников над студентами младших курсов, представленного в статье С. Р. Обручниковой, и заканчивая тьюторским сопровождением, вписанным в практику индивидуализации обучения, которое освещается в работе Е. А. Горяченко. Е. А. Горяченко подводит первые итоги реализации программы "Academic Excellence and Honors Education" (АЕНЕ), осуществляемой в Дальневосточном федеральном университете (ДФУ) с начала 2018–2019 учебного года.

Авторские коллективы двух других статей рубрики представляют результаты реализации исследовательских проектов, выполненных при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Теоретической рамкой обоих проектов выступает социология детства – новое и перспективное направление социологических исследований, рассматривающее детей как акторов, конструирующих социальную реальность наравне со взрослыми. Первая статья подготовлена междисциплинарным коллективом, состоявшим из социологов и географа (О. Г. Зубова, Е. Ю. Костина, И. В. Машкина). В поисках ответа на вопрос, – есть ли место в российской образовательной системе для географии детства, – авторы переходят от рассмотрения общих тенденций развития географического образования в России к анализу школьных и вузовских программ географической подготовки.

В статье Е. Е. Абросимовой, И. Н. Бухтияровой и А. Г. Филиповой представлены результаты анализа региональных ресурсов, используемых для реализации участия детей в решении вопросов, затрагивающих их интересы. В качестве ключевых региональных ресурсов рассматриваются региональные образовательные мероприятия и публикации региональных СМИ. Авторы статьи подчеркивают важность работы не только с детьми, но и со взрослыми как с проводниками идеи детского участия, в т.ч. через привлечение средств массовой информации.

Статьи, предлагаемые вниманию читателей в данной рубрике, подчеркивают разноплановость и множественность образовательных ресурсов,

находящихся в распоряжении современных детей и молодежи, а также их востребованность на протяжении всей жизни человека. При этом российские регионы обладают неодинаковым культурно-образовательным потенциалом, что является еще одной причиной воспроизводства регионального неравенства, провоцирующего трудовую и образовательную миграцию детей и молодежи.

А. Г. Филипова

УДК 316.334.3

Симоненко О. А.

"Оформление образования" как часть молодежной политики в РФ и КНР

Исследование широкого спектра проблем образования давно приобрело междисциплинарный характер и породило значительное количество теоретических и прикладных работ, оставляя, однако, широкое пространство для новых размышлений.

Целью данной статьи является анализ приемов, используемых политическими институтами России и КНР для "оформления образования" как процесса, в ходе которого целевая аудитория в соответствующей стране формирует лояльное отношение не только к приобретению определенных знаний, но и к государственной политике в целом.

При анализе усилий государства по применению потенциала социального института образования большой интерес, на наш взгляд, представляют труды А. Грамши "о борьбе за установление контроля над ключевыми институтами гражданского общества", к которым он относит систему образования и СМИ [8], Э. Тофлера об "образовании будущего" [26], С. Боулза и Г. Гинтиса о воспитании лояльных государству граждан [33] и особенно Л. Альтюссера, считающего образование специализированной формой "идеологического государственного аппарата" [2].

Следует упомянуть российских исследователей проблем современного образования: И. Н. Трофимову и Е. Ю. Хамидуллину, рассматривающих группы интересов в контексте государственной инновационной политики России [27], И. С. Кузнецова, поднимающего вопрос доверия в рамках института образования [13], М. Д. Напсо, анализирующую факторы, способствующие символизации образования в обществе потребления [17]. Тем не менее, необходимо отметить, что ни одно из известных нам исследований не ставило целей, тождественных настоящей публикации.

Социальный институт образования играет большую роль в социализации личности. Большинство детей в развивающихся и особенно в развитых странах мира проводят в учебных заведениях все возрастающее количество часов и дней ежегодно, выполняя предписанные задания и дома. Значительная часть населения продолжает обучение на более высоких ступенях системы, кроме того в современных условиях повышение квалификации и переподготовка становится необходимостью практически для любого человека.

Увеличение продолжительности жизни и пенсионного возраста вынуждает обращать внимание на образование в средних и старших возрастных когортах, однако базовые навыки, способность и готовность к обучению, привычка учиться формируется в первые десятилетия жизни.

Учебная программа играет важную роль в формировании мировоззрения, особенно это справедливо в отношении дисциплин социально-гуманитарного цикла. Многое зависит от официальных взглядов на исторические события, характеристик политического режима, от идеологий, присутствующих и доминирующих в политической жизни общества.

Система образования с раннего возраста прививает способность встраиваться в деятельность общества, используя определенный набор социальных ролей, различать социально одобряемое и порицаемое поведение, понимать и применять механизмы сдерживания отклонений.

С другой стороны, она может закрепить нежелательные формы поведения, присвоив индивиду статусы, например, неудачника, бунтаря или агрес-

сора. Таким образом, помимо основных – обучающей и воспитательной – социальный институт образования выполняет еще ряд социально значимых функций, например, коммуникативную и функцию социального контроля.

Столь широкий набор функций, конечно, не остается без внимания государства, стремящегося поместить образовательный процесс в центр своей молодежной политики. Так, например, согласно распоряжению Правительства РФ, утверждающему цели молодежной политики и соответствующий им план мероприятий до 2025 г. [22], государство обязуется предоставить базовый объем услуг в сфере образования и при этом рассчитывает на "повышение качества подготовки молодых специалистов", "совершенствование условий... образовательного и воспитательного процессов" и в результате хотело бы видеть воспитанную в патриотическом ключе, независимо и созидательно мыслящую, демонстрирующую высокую культуру и профессиональные знания личность.

Масштабность государственных запросов не выглядит столь демагогично в сравнении с теми позициями, которые предписывается занять молодому поколению китайских граждан. Партийная и сливающаяся с ней государственная активность в сфере образования отводит молодежи заметную роль в процессе "великого возрождения китайской нации" и достижении "великой китайской мечты" – базисных конструкций современной идеологии КНР. Под руководством Компартии Китая действует Всекитайская федерация молодежи, объединяющая практически все легальные молодежные организации и способствующая реализации образовательной политики [30]. Министерство образования КНР в качестве структуры Госсовета контролирует образование по всей стране. На уровне провинций в КНР есть отделы образования или соответствующие комиссии, непосредственно осуществляющие стратегии, разработанные Пекином, детализируя их практическими рекомендациями. Таким образом, политика, генерируемая центральным правительством, скорее стремится ставить общие цели, чем диктовать конкретные методы.

Определенное представление о состоянии дел в системе образования можно получить на основании *таблицы 1*, материалы которой включают данные официальных статистических служб РФ и КНР.

Вопрос о том, является образование услугой или системой ценностей, стал частым предметом дискуссий, в том числе и среди профессионалов, имеющих непосредственное отношение к организации процесса [например, 24]. Позиционирование образования как системы ценностей придает ему глубокий идеологический смысл и объясняет интерес государственных институтов. Образование как услуга должно соответствовать и запросам общества (в том числе целенаправленно сформированным), и государственным стандартам качества, то есть объема, интенсивности, содержания и так далее.

При любой точке зрения, образование должно быть соответствующим образом "оформлено". Термин "оформление образования" мы предлагаем использовать по аналогии с оформлением политики, который в свою очередь, очевидно, уходит корнями в маркетинговые технологии и рекламную деятельность, а традиция приукрашивать коммуникацию определенно имеет гораздо более долгую историю.

Предложенное Б. Франклином [32] видение процесса "оформления политики" как перманентной цепочки продажи определенных идей, использования для их продвижения определенных образов, которые привлекали бы внимание аудитории и вызывали ее интерес, можно, на наш взгляд, применить для характеристики образовательной политики, которая на государственном уровне включает социальный институт образования в структуру качества жизни. Государство и организации системы образования используют СМИ не только для информирования общественности о различных событиях, но и для формирования доверия и поддержки, указания наиболее важных целей политического и социального развития.

"Оформить образование" намного сложнее, чем оформить товар, который может быть представлен визуально и тактильно. Услуга или социальная ценность неосвязаема, при этом круг потенциальных получателей весьма широк и эклектичен. В предложении образовательных продуктов нередко присутствует намек или указание на "картину светлого будущего", которое придет

Таблица 1. Основные показатели деятельности системы образования на разных уровнях в РФ и КНР в 2018 г.

Критерий сравнения	РФ	КНР
Доля государственных расходов на образование в ВВП	3,6%	≈ 2%
Общая численность населения на конец 2018, млн чел.	146,88	1395,38
Число воспитанников в дошкольных образовательных учреждениях, тыс. чел.	7582,4	46564,0
Число обучающихся по программам начального, основного и среднего общего образования, тыс. чел.	16137,3	173673,0
Число обучающихся по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих и специалистов среднего звена, тыс. чел. В том числе,	3006,4	15552,0
принято на обучение в 2018 г., тыс. чел.	990,1	5570,0
выпущено в 2018 г., тыс. чел.	700,1	4873,0
Число обучающихся по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры, тыс. чел В том числе,	4161,7	28310,0
принято на обучение в 2018 г., тыс. чел.	1147,9	7910,0
выпущено в 2018 г., тыс. чел.	933,2	7533,0
Число обучающихся по программам аспирантуры и докторантуры*, тыс. чел В том числе,	91,871	2731,0
принято на обучение в 2018 г., тыс. чел.	27,401	858,0
в аспирантуру	27,008	-
в докторантуру	0,393	-
выпущено в 2018 г., тыс. чел.	1,048	604,0
из аспирантуры	0,303	-
из докторантуры	0,330	-

Примечание*: первый уровень аспирантуры в КНР соответствует уровню магистратуры в РФ и данные о нем приводятся в строке выше.

Источник: составлено на основе [5; 9; 19; 37].

к получателю, решит его проблемы, придаст уверенности. Тем не менее, дорисовать эту лишенную конкретики картину каждому придется самостоятельно.

В современном обществе на каждого индивида непрерывно обрушивается поток информации, который может создать иллюзию легкого доступа к любому ее сегменту. "Недоросль" нашего времени нередко уверен, что его ускоренная способность задавать поисковый интернет-запрос не только ставит его выше "архаичного" и медлительного педагога, но и вообще избавляет от необходимости изучения чего бы то ни было. Для чего, в самом деле, изучать географию, если вместо неповоротливого фонвизинского извозчика к его услугам почти бесплатно интернациональные интернет-сервисы? Образование (как ценность или как услугу) придется "оформить" таким образом, чтобы получатель осознавал, для чего ему тратить временные и финансовые ресурсы на его приобретение.

Первый тезис, который преподносится в современном обществе как самоочевидная аксиома – **учиться должен каждый**. При таком подходе адресатом образовательной политики становится практически любой. Всеобщая декларация прав человека закрепляет право на образование, направленное на полное развитие человеческой личности [6, ст. 26]. Декларация призна-

ется и в России, и в КНР важным международным документом, закладывающим фундамент практического осуществления прав человека. Тем не менее, руководство КНР неизменно утверждает, что соблюдение прав человека невозможно без учета исторических условий, культурных традиций, уровня экономического развития страны.

Первоначально КНР, как и Советский Союз в первые годы своего существования, ориентировалась на создание системы всеобщей грамотности для обеспечения растущей экономики кадрами, что способствовало формированию общих государственных принципов и, в целом, соответствовало индивидуальным и социальным запросам, хотя их удовлетворение не было основной задачей модернизации, осуществлявшейся в рамках насильственно-мобилизационной модели, в том числе за счет страха и энтузиазма молодёжи. Созданные системы образования подверглись серьезным потрясениям в результате социально-политических событий (войны, репрессии научно-педагогических кадров [например, 21], авантюрные инициативы авторитарных лидеров).

В КНР в конце 1950-х гг. и далее, с началом культурной революции политика в сфере образования лишилась сколько-нибудь научной основы и находилась под сильнейшим воздействием одиозных кампаний. В классовые враги, с которыми руководство партии и государства позволило бороться бунтарям-хунвейбинам, была записана и интеллигенция, в том числе школьные учителя, вузовские преподаватели, в целом работники интеллектуального труда. По инициативе председателя Мао, грамотные молодые люди должны были направляться в деревню и там "получать перевоспитание от бедняков и низших середняков". В 1969 г. в числе грамотных молодых людей, приехавших в глухие деревни в бедной провинции Шэньси, оказался и 16-летний сын опального партработника Си Цзиньпин, Генеральный секретарь ЦК КПК с 2012 г. и председатель КНР с 2013 г. По его воспоминаниям, деревенские жители относились к "городским умникам" плохо, жить приходилось в пещерах, кишаших грызунами и блохами, а работать в качестве пахаря, носильщика угля и навоза, а также строителя дамб [25, с. 26]. Историки и публицисты нередко называют людей, родившихся в Китае между 1947 и 1960 гг. "потерянным поколением" [18], их юность пришлась на период разгула анархии, многим не удалось вернуться к нормальной жизни, система образования была серьезно деформирована. В 1980–1990-х гг. отношение к образованию в КНР кардинально изменилось, его стали рассматривать как важнейшую составляющую качества человеческого потенциала, последовали масштабные реформы, которые привели к тому, что к настоящему времени средняя продолжительность обучения составляет 14 лет, при этом грамотность (на уровне умения читать и писать) составляет 98,2% среди мужчин и 94,5% среди женщин [31]. В современной России средняя продолжительность обучения составляет 16 лет, а грамотность среди взрослого населения – 99,7% [36].

При этом очевидны диспропорции в доступности качественного образования. В 2000–2018 гг. в нашей стране, по данным Росстата, в результате программы оптимизации закрылось 25,5 тысяч школ, причем из них 20,1 тысяч образовательных учреждений находились в сельской местности [4]. Совершенно очевидно, что 20–30 км в российских климатических и дорожных условиях становятся труднопреодолимыми. Число высших учебных заведений в России также сокращается, но не столь драматически, примерно на 3% ежегодно. Этот процесс в большей степени затрагивает негосударственные вузы [19] и представляется нам намного более целесообразным.

В КНР, несмотря на декларируемую политику всеобщего равенства, на деле абитуриенты из сельских семей сталкиваются с завышенными требованиями престижных китайских университетов, при том что даже средний результат для выпускника школы в отдаленном районе – редкое личное достижение ввиду нехватки учителей и слабой материальной базы школ. В китайских университетах, не входящих в престижные рейтинги, оплата обучения может быть даже выше, чем в ведущих учебных заведениях, которые получают государственное финансирование и могут поддерживать относительно низкие цены за обучение.

Как отмечают китайские и отечественные ученые, если отсутствуют основные гарантии качественного образования, декларирование равных возможностей по факту зачисления в школу является лишь формальным прояв-

лением истинной образовательной справедливости. О её достижении можно говорить только при равном качестве образования на всей территории государства [15]. Заметим, что, как показывает мировой опыт, переход к массовому образованию всегда обостряет противоречия между количеством и качеством.

Следующий тезис в "оформлении образования" – **учиться может каждый**. В России термин "необучаемый ребенок" отсутствует в законе № 273-ФЗ "Об образовании в Российской Федерации" с 2013 г., его применение не рекомендуется в отношении людей с различными нарушениями развития. Много говорится об инклюзивном образовании и дополнительных гарантиях при его организации. В КНР идея об инклюзивном образовании в основном ориентируется на западные традиции в этом вопросе, его юридическая основа развивается с конца XX в. Социальная значимость этих предложений сомнений не вызывает в отличие от их осуществимости в реальных обстоятельствах.

Необходимо отметить, что термин "необучаемый" в иной коннотации, лишенный указания на физические или психические недостатки широко используется социологии образования. В качестве критериев применяется уровень базовой подготовки при поступлении в учебное заведение, а также мотивационные и поведенческие факторы, делающие обучение невозможным [10]. В школе такой ученик зачастую, даже терроризируя весь класс и педагогический коллектив, не может быть исключен ввиду закона о всеобщем образовании. В вузах же действует стратегия "сохранения контингента", которая отчетливо доносится до каждого преподавателя. Эта практика распространяется и на иностранных студентов, в том числе из КНР – именно они составляют большинство в дальневосточных университетах. Обучаясь в специально сформированных группах со своими соотечественниками или совместно с россиянами, некоторые студенты не проявляют даже минимальной готовности к процессу познания и часто не стремятся этот факт скрывать. Неспособность к обучению и нежелание учиться при этом не является основанием для добровольного отчисления, так как не отменяет желания получить диплом об образовании.

Представляется, что эта проблема носит интернациональный характер, хотя доля обучающихся, соответствующих приведенным критериям, может различаться. Слоган "Вуз для каждого", используемый в рамках приемной кампании 2019 г. одним из дальневосточных университетов, хорошо отражает двусмысленность сложившейся ситуации.

Учиться нужно, чтобы работать и зарабатывать. В государстве, обладающем или развивающем экономику инновационного типа, дополнительные доказательства приведенного тезиса избыточны. Очевидно, что до определенного возраста ребенок пользуется материальной поддержкой семьи и / или государства и его ведущей деятельностью остается учёба. Раннее начало трудовой деятельности рассматривается межгосударственными и некоммерческими организациями как нарушение прав ребенка, не только потому, что детский труд чаще всего принудительный и малооплачиваемый, но и потому, что он лишает возможности выбора иного будущего.

После принятия в КНР в 1994 г. "Закона о труде" наём несовершеннолетних младше 16 лет запрещён кроме исключительных случаев (например, учреждениями культуры и спорта), при которых работодатель обязан обеспечить реализацию права на обязательное образование [11, ст. 15]. Официальная позиция руководства КНР, провозглашающая образование детей важным элементом качества жизни и социального благополучия, уже четверть века совпадает с подходами, принятыми в развитых странах мира, однако многовековые традиции, оправдывающие применение детского труда в сельском хозяйстве, промышленности и сфере услуг, оказываются очень устойчивыми [34]. В РФ трудовой кодекс запрещает привлечение к труду несовершеннолетних, если это может причинить вред их здоровью и нравственному развитию, а Федеральный закон № 273 "Об образовании" не позволяет привлекать ребенка к труду вне системы образования в школе.

Но при получении послешкольного образования именно вопрос трудоустройства выходит на первый план. Хотя выбор образовательного учреждения не всегда означает выбор будущей профессиональной карьеры, большинство абитуриентов хотели бы рассчитывать на такую корреляцию. В 1990-е гг. и в

РФ, и в КНР усилились установки на получение высшего образования. Китай начал с существенно более низких позиций, в 1997 г. в вузы КНР было зачислено немногим более 1 млн человек, в 2018 г. на программы бакалавриата и магистратуры было принято почти 8 млн, а общее число студентов составило 28,31 млн [37], хотя в ряде публикаций оно представлено как еще более значительное [29]. В России в 2018 г. на программы высшего образования поступило 1,15 млн человек, а общее число обучающихся составило 4,16 млн [19]. Таким образом, при том, что абсолютное число студентов в КНР представлено почти фантастической (и существенно различающейся) цифрой, доля студентов в общей численности населения, хотя и неуклонно растет, российских показателей достигнет еще не скоро. Тем не менее, по общему числу обучающихся система образования КНР является крупнейшей в мире.

Расширение доступа к качественному образованию, с одной стороны, увеличивает шансы на индивидуальный успех в жизни, а с другой стороны, повышает амбиции и претензии в отношении политического руководства. В 1999 г. Госсовет КНР утвердил положение "О государственных кредитах на обучение", после чего стал активно пропагандироваться лозунг: "Есть деньги – иди учиться, нет денег – бери кредит и иди учиться" [14, с. 79]. С одной стороны, такое решение правительства расширило доступ к высшему образованию за счет малоимущих слоев населения, с другой стороны, необходимость возвращения кредита в течение четырех лет после окончания учебы уже на старте карьеры сделало молодых людей заложниками ситуации. В 2008 г. в КНР широко распространилось понятие "ицзу" ("муравьиное племя"), которое применяют для описания труда и стили жизни выпускников вузов в городах Китая. Они не могут вернуться в родные города и деревни, где нет работы, но и устроиться в мегаполисах им не под силу из-за дороговизны жилья, поэтому они вынуждены селиться на окраинах и в пригородах, проводить время в пробках при поездке на работу, борясь за существование, лишившись иллюзий [16, с. 679].

По данным опроса, проводимого в России сервисом по поиску работы, доля родителей, заявлявших о том, что их ребенок после школы продолжит обучение в вузе, снизилась с 80% в 2010 г. до 47% в 2019 г. За этот период доля родителей, отмечающих ориентиры своих детей на получение среднего профессионального образования, выросла с 8 до 27% [20]. Возможно, это означает, что среднее образование перестает ассоциироваться исключительно с тяжелым физическим трудом (что очень важно в связи с повышением пенсионного возраста), популярную квалификацию, например, программиста, можно приобрести и в колледже за более короткий срок, а также с тем, что сам по себе диплом о высшем образовании ничего не гарантирует в вопросе заработной платы. Это подтверждается постепенным снижением амбиций выпускников российских вузов, которые перед лицом безработицы склонны соглашаться на меньшие оклады, чем прежде [7]. Вероятно, определенную роль играет и популяризация рабочих профессий, например, через проведение конкурса WorldSkills Russia, о презентационных возможностях которого нельзя забывать в контексте "оформления образования". Возможен, однако, и другой ответ: большая доля семей в России находится в стесненных экономических условиях, для них высшее образование для детей, тем более на договорных условиях, выглядит непозволительной роскошью.

Учиться у лучших, чтобы стать лучшим. Основной вопрос, возникающий после постулирования данного тезиса: кого считать лучшим или достаточно хорошим, чтобы у него учиться? Возможна ли выработка объективных критериев? К примеру, таким критерием применительно к школьной ступени могли бы стать результаты сдачи выпускниками учебных заведений Единого государственного экзамена (в РФ) и гаокао (в КНР). В действительности редкий родитель руководствуется этим обстоятельством, даже если имеет доступ к показателям конкретной школы. Частым ориентиром становится статус учебного заведения. Запись первокурсника в лицей или гимназию может потребовать от его родителей определенной настойчивости. Главным же мотивом остается доверие к педагогу или руководству школы, сформированное из личного опыта или аккумулированных отзывов, а также расположение учебного заведения.

Ради получения высшего образования абитуриенты нередко готовы преодолевать большие расстояния и даже пересекать границы государств. В качестве одного из ориентиров для них предлагаются национальные и международные рейтинги вузов.

В России традиционно особым статусом наделяются Московский и Санкт-Петербургский государственные университеты, кроме них еще десять вузов в 2006–2014 гг. получили статус федеральных университетов с особым порядком финансирования. Девять из них (за исключением Балтийского) созданы в результате слияния нескольких региональных вузов.

В КНР формирование мегауниверситетов началось несколько раньше. В 1993 г. была принята "Программа 211", предусматривавшая, что к началу XXI в. около ста ($\approx 6\%$ от общего числа) китайских университетов, получающих дополнительное финансирование, станут учебными заведениями мирового класса [3, с. 59]. В 1998 г. Председатель КНР Цзян Цзэминь предложил еще больше сузить рамки: "Проектом 985" были отобраны девять университетов, которые предстояло вывести на мировой уровень в короткие сроки.

Об успехе выполнения поставленных задач говорят позиции в рейтинге лучших университетов мира, составляемом ежегодно на основании сведений о научной репутации, репутации среди работодателей, частоте научного цитирования, соотношении преподавателей и студентов, а также участия вуза в международной образовательной деятельности. Семь университетов материкового Китая (на 16, 22, 40, 54, 60, 89 и 120 местах) и пять университетов Гонконга (на 25, 32, 46, 52 и 91 местах) входят в число двухсот лучших. Московский государственный университет – единственный российский вуз, представленный в рейтинге, – занимает 84 место. Кроме названных в тысячу лучших входят 25 российских (из них четыре федеральных) университета, 35 университетов материкового Китая, 2 вуза Гонконга и 1 университет Макао [1]. Впрочем, о том, что позиция в рейтинге еще не означает неперемогного успеха, свидетельствует и разнообразие альтернативных рейтингов [35], несовпадение их результатов и даже попытки национального конструирования "международных" рейтингов, с заведомо более выигрышными критериями для "своих" [3, с. 58–59].

Серьезным контраргументом, подрывающим доверие к образовательной политике государства, выступают регулярно появляющиеся сообщения о коррупции на разных уровнях системы [например, 12; 28]. Хотя коррупционное поведение в ряде случаев может находить поддержку в неформальных отношениях субъектов взаимодействия и отчасти оправдываться как особенность национальной культуры и в РФ, и в КНР, оно препятствует адекватному функционированию важнейших социальных институтов, в том числе института образования [23].

Таким образом, если представить современную образовательную политику в форме слоганов или тезисов – все выглядит логично и привлекательно, а с реальной жизнью наблюдаются расхождения, причем проблемы в РФ и КНР представляются весьма схожими. Так часто бывает с разными коммерческими предложениями, которые глянцево сверкают во время презентации, но не выдерживают столкновения с реальностью. Однако от отличие от приобретения ненужного товара, затраты на образование, которое не пригодились, вызывают намного более глубокое разочарование, стимулируют рост недоверия к образовательной политике и государству в целом.

В рамках образовательной политики РФ и КНР придется постараться, чтобы (1) сохранить и расширить представления о всеобщности образования (без гарантий бесплатного образования, особенно на его высших уровнях); (2) обеспечить инвестиционную привлекательность образования в глазах обучающихся, их родителей и особенно потенциальных работодателей (без гарантий обязательного трудоустройства); (3) стимулировать рост конкурентоспособности учебных заведений (в отсутствие единой международно признанной системы оценки их успешности).

Не вызывает сомнения тот факт, что реформирование системы образования, начатое несколько десятилетий назад и в РФ, и в КНР, будет продолжено, поскольку без его развития невозможно ни теоретически, ни практически аргументировать проекты по наращиванию политической и экономической мощи государства. При всей объективной сложности реализации этих амби-

ционых планов в силу внешних и внутренних факторов, образование продолжит оставаться на острие молодежной политики, а молодежь сохранит свой имидж строителей будущего наших демографически стареющих обществ.

Литература

1. 200 лучших университетов мира – 2019 // РИА Новости. Россия сегодня. [Электронный ресурс]. URL: <https://na.ria.ru/20190618/1555290583.html> (дата обращения: 08.07.2019).
2. Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // Неприкосновенный запас. 2011. № 3 (77). С. 159–175. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/nz/ neprikosnovennyj-zapas-77-32011/10296-ideologiya-i-ideologicheskie-apparaty-gosudarstva-zametki-dlya-issledovaniya.html> (дата обращения: 03.06.2019).
3. Балзер Х. Обучение инновациям в России и в Китае // Pro et Contra. 2010. Май-июнь. С. 52–71. [Электронный ресурс]. URL: http://carnegieendowment.org/files/ProetContra_49_52-71.pdf (дата обращения: 08.12.2018).
4. Бутузова Л. Вымирание по плану. Вслед за больницами в деревнях закрывают школы. [Электронный ресурс]. URL: <https://newizv.ru/news/society/03-07-2018/vumiranje-po-planu-vsled-za-bolnitsami-v-derevnyah-zakryvayut-shkoly> (дата обращения: 17.12.2018).
5. Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики. 2019. Вып. № 41. Замедление роста экономики Китая // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/20868.pdf> (дата обращения: 03.06.2019).
6. Всеобщая декларация прав человека (принята резолюцией 217 А Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций в Париже 10 декабря 1948 г.). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/universal-declaration-human-rights/index.html> (дата обращения: 08.03.2019).
7. Выпускники согласны больше работать за меньшие деньги // Коммерсантъ. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3643287> (дата обращения: 02.07.2019).
8. Грамши А. Тюремные тетради. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.civisbook.ru/files/File/Gramshi%2Ctetradi.pdf> (дата обращения: 03.06.2019).
9. Демография. Оперативная информация // Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 01.08.2019).
10. Денисова-Шмидт Е. В., Леонтьева Э. О. Категория "необучаемых" студентов как социальный феномен университетов (на примере дальневосточных вузов) // Социологические исследования. 2015. № 9. С. 86–93.
11. Закон КНР "О труде" (принят 05.07.1994; с изм. от 27.08.2009, 29.12.2018) // Chinalaw.Center. [Электронный ресурс]. URL: https://chinalaw.center/labour_law/china_labour_law_revised_2009_russian/ (дата обращения: 02.07.2019).
12. Коррупция в сфере образования Китая: справедливость наносит ответный удар // ТАСС. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/519002> (дата обращения: 02.07.2019).
13. Кузнецов И. С. Доверие как способ выбора образовательной траектории в условиях неопределенности // Высшее образование в российских регионах: вызовы XXI века: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (17 сентября 2018 г., УрФУ, Екатеринбург) [Электронный ресурс] / отв. ред. Г. Е. Зборовский, П. А. Амбарова. – Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2018. С. 236–240
14. Кузнецова В. В., Машкина О. А. Высшая школа КНР: успехи, проблемы, решения // Экономика образования. 2009. № 2. С. 64–82.
15. Ли Сюй, Тенчерина Л. Проблемы справедливости в сфере образования КНР // Власть. 2013. № 10. С. 118–121.
16. Лю Юй, Чэнь Диндин. Почему Китай станет демократическим государством // Современная наука о международных отношениях за рубежом : Хрестоматия в трех томах / Под общ. ред. И. С. Иванова. М.: НП РСМД, 2015. Т. 3. С. 673–699.
17. Напсо М. Д. Образование в обществе потребления // Социология образования. 2018. № 2. С. 94–100.
18. О том, как Мао повесил свое дацзыбао, и о том, что из этого вышло // РИА Новости. Россия сегодня. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/society/20060808/52385611.html> (дата обращения: 08.12.2017).
19. Образование в 2018 г. Оперативная информация // Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/wps/wcm/>

connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/ population/education/ (дата обращения: 07.07.2019).

20. Программист – самая популярная профессия у выпускников школ // Superjob. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/112206/programmist/> (дата обращения: 08.07.2019).

21. Протасова Э. Е., Суворов М. В. Репрессии против учителей Урала в 1937-1938 гг. // Историко-педагогические чтения. 2003. № 7. С. 179–182.

22. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р // Российская газета. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2014/12/08/molodej-site-dok.html> (дата обращения: 02.07.2019).

23. Симоненко О. А. Коррупционное поведение и неформальные практики в системе высшей школы и их восприятие актуальными участниками образовательного процесса. Университетское управление: практика и анализ. 2013. № 5. С. 90–96.

24. Солонин Ю., Каспржак А. Образование – сфера услуг или система ценностей? // Учительская газета. 2011. № 12. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ug.ru/archive/39599> (дата обращения: 05.06.2019).

25. Тавровский Ю. В. Си Цзиньпин : По ступеням китайской мечты. М.: Эксмо, 2015. 272 с.

26. Тоффлер Э. Образование в будущем времени // Шок будущего. М. : "Издательство АСТ", 2002. С. 200-216.

27. Трофимова И. Н., Хамидулина Е. Ю. Государственная инновационная политика и группы интересов // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 13. Ч. 2 / Под ред. В. И. Герасимова. М.: ИНИОН, 2018. С. 412–415.

28. Чиновников Минобрнауки уличили в мошенничестве на 365 млн рублей // Известия. [Электронный ресурс]. URL: https://iz.ru/895767/2019-07-03/chinovnikov-minobrnauki-ulichili-v-moshennichestve-na-365-mln-rublei?utm_source=uxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 02.07.2019).

29. Число студентов в вузах Китая приблизилось к 40 миллионам // Труд : общественно-политическая газета. [Электронный ресурс]. URL: http://www.trud.ru/article/27-02-2019/1372937_chislo_studentov_v_vuzax_kitaja_priblizilos_k_40_millionam.html (дата обращения: 02.07.2019).

30. All-China Youth Federation: official site. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.acyf.org.cn/index.htm> (дата обращения: 24.06.2019).

31. China: People and Society // Central Intelligence Service. The World Factbook. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ch.html> (дата обращения: 24.06.2019).

32. Franklin V. Packaging Politics: Political Communications in Britain's Media Democracy. London: Bloomsbury Academic, 2004. 279 p.

33. Gintis H., Bowles S. Schooling in Capitalist America: Educational Reform and the Contradictions of Economic Life. Chicago, Illinois: Haymarket Books, 2011. 359 p.

34. Global estimates of child labour: Results and trends, 2012-2016 // International Labour Office (ILO), Geneva, 2017. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/documents/publication/wcms_575499.pdf (дата обращения: 21.06.2019).

35. Marginson S. Russian Science and Higher Education in a More Global Era // Educational Studies. 2014. № 4. Pp. 8–35.

36. Russia: People and Society // Central Intelligence Service. The World Factbook. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/rs.html> (дата обращения: 24.06.2019).

37. Statistical Communiqué of the People's Republic of China on the 2018 National Economic and Social Development // National Bureau of Statistics of China. [Электронный ресурс]. URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/201902/t20190228_1651335.html (дата обращения: 28.06.2019).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. 200 luchshikh universitetov mira – 2019 // RIA Novosti. Rossiya segodnya. [Электронный ресурс]. URL: <https://na.ria.ru/20190618/1555290583.html> (дата обращения: 08.07.2019).

2. Al'tyusser L. Ideologiya i ideologicheskie apparaty gosudarstva (zametki dlya issledovaniya) // Neprikosnovennyj zapas. 2011. № 3 (77). S. 159–175. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/nz/neprikosnovennyj-zapas-77-32011/10296-ideologiya-i-ideologicheskie-apparaty-gosudarstva-zametki-dlya-issledovaniya.html> (дата обращения: 03.06.2019).

3. Balzer KH. Obuchenie innovatsiyam v Rossii i v Kitae // Pro et Contra. 2010. Maj-iyun'. S. 52–71. [Электронный ресурс]. URL: http://carnegieendowment.org/files/ProetContra_49_52-71.pdf (дата обращения: 08.12.2018).

4. Butuzova L. Vymiranie po planu. Vsled za bol'nitsami v derevnyakh zakryvayut shkoly. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://newizv.ru/news/society/03-07-2018/vymiranie-po-planu-vsled-za-bolnitsami-v-derevnyah-zakryvayut-shkoly> (data obrashheniya: 17.12.2018).

5. Byulleten' o tekushhikh tendentsiyakh mirovoj ehkonomiki. 2019. Vyp. № 41. Zamedlenie rosta ehkonomiki Kitaya // Analiticheskij tsentr pri Pravitel'stve Rossijskoj Federatsii. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/20868.pdf> (data obrashheniya: 03.06.2019).

6. Vseobshhaya deklaratsiya prav cheloveka (prinyata rezolyutsiej 217 A General'noj Assamblei Organizatsii Ob"edinennykh Natsij v Parizhe 10 dekabrya 1948 g.). [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.un.org/ru/universal-declaration-human-rights/index.html> (data obrashheniya: 08.03.2019).

7. Vypuskniki soglasny bol'she rabotat' za men'shie den'gi // Kommersant". [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3643287> (data obrashheniya: 02.07.2019).

8. Gramshi A. Tyuremnye tetradi. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.civis-book.ru/files/File/Gramshi%20tetradi.pdf> (data obrashheniya: 03.06.2019).

9. Demografiya. Operativnaya informatsiya // Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (data obrashheniya: 01.08.2019).

10. Denisova-SHmidt E. V., Leont'eva E.H. O. Kategoriya "neobuchaemykh" studentov kak sotsial'nyj fenomen universitetov (na primere dal'nevostochnykh vuzov) // Sotsiologicheskie issledovanie. 2015. № 9. S. 86-93.

11. Zakon KNR "O trude" (prinyat 05.07.1994; s izm. ot 27.08.2009, 29.12.2018) // Chinalaw.Center. [EHlektronnyj resurs]. URL: https://chinalaw.center/labour_law/china_labour_law_revised_2009_russian/ (data obrashheniya: 02.07.2019).

12. Korruptsiya v sfere obrazovaniya Kitaya: spravedlivost' nanosit ovetnyj udar // TASS. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/519002> (data obrashheniya: 02.07.2019).

13. Kuznetsov I. S. Doverie kak sposob vybora obrazovatel'noj traektorii v usloviyakh neopredelennosti // Vysshee obrazovanie v rossijskikh regionakh: vyzovy XXI veka: sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferentsii (17 sentyabrya 2018 g., UrFU, Ekaterinburg) [EHlektronnyj resurs] / otv. red. G. E. Zborovskij, P. A. Ambarova. – Ekaterinburg: Kabinetnyj uchenyj, 2018. S. 236-240

14. Kuznetsova V. V., Mashkina O. A. Vysshaya shkola KNR: uspekhi, problemy, resheniya // EHkonomika obrazovaniya. 2009. № 2. S. 64-82.

15. Li Syuj, Tencherina L. Problemy spravedlivosti v sfere obrazovaniya KNR // Vlast'. 2013. № 10. S. 118-121.

16. Lyu YUj, CHEhn' Dindin. Pochemu Kitaj stanet demokraticeskim gosudarstvom // Sovremennaya nauka o mezhdunarodnykh otnosheniyakh za rubezhom : KHrestomatiya v trekh tomakh / Pod obshh. red. I. S. Ivanova. M.: NP RSMD, 2015. T. 3. S. 673–699.

17. Napsu M. D. Obrazovanie v obshhestve potrebleniya // Sotsiologiya obrazovaniya. 2018. № 2. S. 94–100.

18. O tom, kak Mao povetil svoe datszybao, i o tom, chto iz ehtogo vyshlo // RIA Novosti. Rossiya segodnya. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://ria.ru/society/20060808/52385611.html> (data obrashheniya: 08.12.2017).

19. Obrazovanie v 2018 g. Operativnaya informatsiya // Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/education/ (data obrashheniya: 07.07.2019).

20. Programmist – samaya populyarnaya professiya u vypusknikov shkol // Superjob. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/112206/programmist/> (data obrashheniya: 08.07.2019).

21. Protasova E.H. E., Šuvorov M. V. Repressii protiv uchitelej Urala v 1937-1938 gg. // Istoriko-pedagogicheskie chteniya. 2003. № 7. S. 179–182.

22. Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federatsii ot 29 noyabrya 2014 g. № 2403-r // Rossijskaya gazeta. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://rg.ru/2014/12/08/molodej-site-dok.html> (data obrashheniya: 02.07.2019).

23. Simonenko O. A. Korruptsionnoe povedenie i neformal'nye praktiki v sisteme vysshej shkoly i ikh vospriyatie aktual'nymi uchastnikami obrazovatel'nogo protsesssa. Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz. 2013. № 5. S. 90–96.

24. Solonin YU., Kasprzhak A. Obrazovanie – sfera uslug ili sistema tsennostej? // Uchitel'skaya gazeta. 2011. № 12. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.ug.ru/archive/39599> (data obrashheniya: 05.06.2019).

25. Tavrovskij YU. V. Si TSzin'pin : Po stupenjam kitajskoj mechty. M.: EHksmo, 2015. 272 s.

26. Toffler E.H. Obrazovanie v budushhem vremeni // SHok budushhego. M. : "Izdatel'stvo ACT", 2002. S. 200-216.

27. Trofimova I. N., KHamidullina E. YU. Gosudarstvennaya innovatsionnaya politika i gruppy interesov // Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya. Ezhegodnik. Vyp. 13. CH. 2 / Pod red. V. I. Gerasimova. M.: INION, 2018. S. 412–415.

28. CHinovnikov Minobrnauki ulichili v moshennichestve na 365 mln rublej // Izvestiya. [EHlektronnyj resurs]. URL: https://iz.ru/895767/2019-07-03/chinovnikov-minobrnauki-ulichili-v-moshennichestve-na-365-mln-rublei?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (data obrashheniya: 02.07.2019).

29. CHislo studentov v vuzakh Kitaya priblizilos' k 40 millionam // Trud : obshchestvenno-politicheskaya gazeta. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.trud.ru/article/27-02-2019/1372937_chislo_studentov_v_vuzax_kitaja_priblizilos_k_40_millionam.html (data obrashheniya: 02.07.2019).

30. All-China Youth Federation: official site. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.acyf.org.cn/index.htm> (data obrashheniya: 24.06.2019).

31. China: People and Society // Central Intelligence Service. The World Factbook. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ch.html> (data obrashheniya: 24.06.2019).

32. Franklin B. Packaging Politics: Political Communications in Britain's Media Democracy. London: Bloomsbury Academic, 2004. 279 p.

33. Gintis H., Bowles S. Schooling in Capitalist America: Educational Reform and the Contradictions of Economic Life. Chicago, Illinois: Haymarket Books, 2011. 359 r.

34. Global estimates of child labour: Results and trends, 2012-2016 // International Labour Office (ILO), Geneva, 2017. [EHlektronnyj resurs]. URL: https://www.ilo.org/wcms-sp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/documents/publication/wcms_575499.pdf (data obrashheniya: 21.06.2019).

35. Marginson S. Russian Science and Higher Education in a More Global Era // Educational Studies. 2014. № 4. Rr. 8–35.

36. Russia: People and Society // Central Intelligence Service. The World Factbook. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/rs.html> (data obrashheniya: 24.06.2019).

37. Statistical Communiqué of the People's Republic of China on the 2018 National Economic and Social Development // National Bureau of Statistics of China. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/201902/t20190228_1651335.html (data obrashheniya: 28.06.2019).

Симоненко О. А. "Оформление образования" как часть молодёжной политики в РФ и КНР.

Современные государства предъявляют к системе образования амбициозные запросы по формированию всесторонне развитой личности. Через официальные каналы и средства массовой информации индивиду преподносятся несколько заявлений, "оформляющих образование" подобно социальной ценности или услуге. При таком подходе адресатом образовательной политики становится практически любой. Практическая характеристика сформулированных тезисов демонстрирует ряд реальных проблем, существующих в системе образования РФ и КНР.

Ключевые слова: *социальный институт образования, молодёжная политика государства, образование как ценность, образование как услуга, "оформление образования", Российская Федерация, Китайская Народная Республика*

Simonenko O. A. "Education Packaging" as Part of Youth Policy in Russia and China.

Modern states impose ambitious requests to the education system aimed at the formation of a comprehensively developed personality. Through official channels and the media, an individual receives several statements that "package education" like a social value or service. With this approach, almost anyone becomes the addressee of the educational policy. The practical characterization of the formulated theses demonstrates a number of real problems existing in the education system of Russia and China.

Key words: *Social institute of education, state youth policy, education as a value, education as a service, "education packaging", Russian Federation, People's Republic of China*

Для цитирования: Симоненко О. А. "Оформление образования" как часть молодёжной политики в РФ и КНР // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 3. С. 7–18. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-3/7-18

For citation: Simonenko O. A. "Education Packaging" as Part of Youth Policy in Russia and China // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 3. P. 7–18. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-3/7-18

УДК 316

Обручникова С. Р.

Социализация студентов в современной системе образования (на примере студентов высших учебных заведений г. Хабаровска)

Современный этап развития российского общества характеризуется активными изменениями в традиционных социальных институтах. Особое значение приобретают процессы, происходящие в высшей школе. Высшее образование является основой для любого общества, так как осуществляет образовательную, воспитательную, а соответственно и социализирующую функции. Роль образования в реализации обучения и воспитания расширяется, соответственно возрастает и роль студенчества, осваивающего и транслирующего информацию, предоставляемую системой образования. В настоящий момент объем информации постоянно увеличивается. Для современного человека нарастает важность способностей принимать, обрабатывать и транслировать поступающую информацию. Поэтому, исследование социализации студенчества в условиях высшей школы приобретает особое значение.

Образование является целенаправленным процессом воспитания и обучения молодого поколения. В процессе получения образования обучающиеся приобретают знания, умения, ценностные установки, профессиональные навыки, первоначальный опыт профессиональной деятельности, осваивают необходимые компетенции [21, с. 72]. В образовательном учреждении создаются условия для самоопределения и социализации обучающихся на основе духовных, нравственных ценностей и социокультурных норм поведения.

В соответствии с федеральным государственным образовательным стандартом, обучающиеся получают соответствующую профессиональную квалификацию. Обучающемуся необходимо выполнить обязательные требования определенного уровня к профессии, специальности и направлению подготовки. Образовательный стандарт направления подготовки утверждается образовательной организацией высшего образования. Содержание и структура профессиональных программ, условия их реализации и сроки обучения также соответствуют федеральным государственным требованиям. Подготовленность молодого специалиста к требованиям рынка во многом зависит от социализации и адаптации студента в условиях высшей школы.

По данным статистического ежегодника "Образование в Российской Федерации", свыше 80% выпускников российских школ поступают в высшие учебные заведения. В условиях рынка формируется повышенный спрос на образовательные услуги высшей школы [20, с. 74].

В последнее время значимость исследований в области социологии студенчества особенно возрастает, так как студенчество, как социальная группа, становится все более многочисленной. Студенчество исследуется с позиции социально-демографических характеристик, политических взглядов и ценностных ориентиров, жизненного самоопределения и жизненных стратегий в работах Ю. Г. Волкова, М. К. Горшкова, В. А. Лукова, В. И. Чупрова [6, с. 289; 9, с. 314; 19, с. 70; 27, с. 101].

Социальный облик студенчества в переходный период исследовался в работах Е. М. Авраамова, Ю. Р. Вишневого, Г. Е. Зборовского, В. И. Филоненко [1, с. 54; 5, с. 6; 14, с. 40; 25, с. 33].

В работах В. И. Жукова, А. А. Овсянникова анализируются проблемы отечественной системы высшего образования, место и роль студентов в этих процессах [12, с. 75; 22, с. 73].

Влияние социокультурной среды на ценностные установки студентов, деятельностные мотивы изучали В. Т. Лисовский [18, с. 23; 22, с. 75] С. Н. Иконникова [15, с. 114]. Основным направлением исследований Д. Л. Константиновского является поведение молодежи, в том числе и образовательной среде [17, с. 233].

И. С. Вуколов, Е. Н. Заборова, А. В. Родин и др. изучали социальное положение студентов, их отношение к системе высшего образования и к качеству получаемого образования [7, с. 146; 13, с. 105; 23, с. 74].

Во всех вышеперечисленных работах прямо или косвенно рассматриваются проблемы социализации студентов в условиях высшей школы.

Термин "социализация" обозначает совокупность всех социальных процессов, благодаря которым индивид усваивает и воспроизводит определенную систему знаний, норм, ценностей, позволяющих полноценно функционировать. Социализация это важнейший вид социального взаимодействия [24, с. 173]. В социологии этот термин используется для описания процесса, в ходе которого и с помощью которого люди приспособляются к социальным нормам, процесса, делающего возможным продолжение развития общества и передачу его культуры из поколения в поколение.

Социализацию можно понимать, как интернализацию социальных норм. Этот процесс подразумевает внутреннюю потребность индивида в приспособлении к окружающей социальной среде. Социализацию можно представить как сущностный элемент социального взаимодействия на основе предположения о том, что люди добиваясь одобрения со стороны других, и социализируются в той мере, в какой они направляют свои действия в соответствии с ожиданиями других. Социализация объясняет происхождение человеческих обычаев, норм, ценностей в многообразии человеческих отношений.

Социализация студентов высших учебных заведений в современных условиях существенно отличается от процесса социализации студентов советской системы образования. Советская модель социализации формировала иждивенческую позицию студентов и молодых специалистов. Система распределения молодых специалистов гарантировала рабочее место на предприятии, стабильную заработную плату, различные льготы и гарантии.

В девяностые годы прошлого столетия социализация студенческой молодежи проходила трудно. Состояние аномии общества проецировалось и на молодое население страны.

В современных условиях молодежь обладает автономностью, свободно осуществляет свой жизненный выбор, более ответственна за свои действия. Для этой возрастной группы характерно многообразие жизненных и социальных ориентиров, интересов, мотивов, установок. Эта группа молодежи подвергается важному этапу социализации [2, с. 543]. В работе В. Т. Лисовского отмечается, что "молодежь – поколение людей, проходящее стадию социализации, усваивающее образовательные, профессиональные, культурные и другие социальные функции" [18, с. 23]. Студент – это человек получающий образование в образовательном учреждении. Студенчество – это социально-демографическая группа, с определенным статусным и ролевым набором, на особом этапе социализации, которому присущи определенные социально-психологические особенности.

Студенты обладают определенной системой ценностей, имеют определенное единство интересов, групповое сознание, специфический образ жизни [4, с. 88]. В период обучения в вузе студенты включаются в процесс самоопределения. Однако многие студенты осознают, что высшее образование они получают формально, и не прилагают особых усилий для повышения уровня знаний и саморазвития.

Основным предназначением студентов является подготовка в высших учебных заведениях к профессиональной и общественной деятельности в роли специалиста того или иного вида профессиональной деятельности [1, с. 57]. Эта группа характеризуется специфическим видом деятельности, заключающимся в накоплении специализированных знаний и умений, необходимых для выбранной профессии.

Следует отметить, что студенты являются преемниками социального опыта старших поколений. В то же время они создают новый опыт, от которого зависит успешность/неуспешность как отдельного молодого человека, так

и общества в целом. Поэтому наиболее важной целью деятельности образовательных учреждений, и особенно высшей школы, является успешная социализация обучающихся, как одно из обязательных условий формирования личности [3, с. 79].

На рынке труда востребованы компетентные и активные специалисты, которые способны быстро и эффективно реагировать на постоянно изменяющиеся социально-экономические условия. Поэтому к образованию общество предъявляет высокие требования обеспечения социализации и успешной адаптации студентов. Роль образования в социализации студенческой молодежи несомненна. Однако современные общественные процессы характеризуются нестабильностью и инициируют появление новых тенденций, ценностных ориентаций, которые в свою очередь формируют новые условия для социализации современных студентов. Образование, как социальный институт, действует в интересах общества и интересах личности, способствуя трансляции социальных, культурных и нравственных ценностей, общепризнанных социальных норм поведения, необходимых знаний, умений и навыков. Образование, как социальный институт, выполняет функции социализации и социальной мобильности [30, с. 14].

Социализация студенческой молодежи включает в себя многообразие социальных отношений, проявляющихся в обычаях, нормах, ценностях и установках. Социально значимые качества, формирующиеся в образовательном процессе, позволяют молодым людям занять стабильное положение в обществе, реализовать себя профессионально, способствуют повышению их социального статуса.

Нормативно-правовое регулирование образования регламентируется Федеральным законом от 29.12.2012 № 273 "Об образовании в Российской Федерации" и федеральными государственными образовательными стандартами. Федеральный государственный стандарт обеспечивает единое образовательное пространство, преемственность образовательных программ, государственные гарантии уровня и качества образования [21, с. 72].

В соответствии с законодательством абитуриентам предоставляется возможность подавать документы в несколько учебных заведений. Выбирая направление образовательной подготовки, большая часть абитуриентов ориентируется на достижение жизненного и карьерного успеха. В рыночных условиях молодежь относится к работе, как к источнику дохода. Уходят в небытие такие понятия как "династия", "призвание", "семейная профессиональная традиция". На первый план выходят рейтинги престижных высокооплачиваемых профессий, а в качестве ориентира выбора профессии для современной молодежи выступает уровень дохода.

В анкетных опросах, проводимых с целью изучения профессиональных предпочтений современных студентов и социального самочувствия, респонденты выбирают следующие качества, необходимые для достижения карьерного успеха – уверенность, хитрость, стрессоустойчивость, конкурентоспособность, расчетливость, прагматизм, целеустремленность, работоспособность. Редко кто из респондентов выбирает из предложенных ответов профессиональное знание ("это не к чему, освою все, что необходимо в процессе работы"), исполнительность, ответственность [16, с. 201; 28, с. 133].

Образовательные программы в процессе освоения формируют у студента общекультурные, общепрофессиональные и профессиональные компетенции. Обучающийся в процессе освоения программы должен "знать", "уметь", "владеть", у него должны быть сформированы мировоззренческая и гражданская позиции, осознание социальной значимости своей будущей профессии и соответствующие компетенции. Важным фактором успешной социализации обучающегося является организация всех видов практик (учебной, производственной и преддипломной). Все виды практик обязательны. Образовательным стандартом допускается проведение учебной и производственной практик в структурных подразделениях организации.

Для успешной социализации и адаптации студентов образовательная организация должна располагать материально-технической базой, обеспечивающей проведение всех видов дисциплинарной и междисциплинарной подготовки. Обучающиеся должны быть обеспечены доступом к библиотечным системам, в том числе и электронным, к информационно-телекоммуникаци-

онной сети "Интернет". Научно-педагогический состав образовательной организации должен соответствовать квалификационным требованиям.

Важным направлением социализации обучающихся является формирование социальной активности. В учебном заведении должны быть созданы условия для активной общественной жизни студентов, что способствует моральному, культурному развитию студентов, формированию позитивных форм социальной активности. Наличие в вузе творческих коллективов, молодежных студенческих объединений, студенческих движений является залогом успешной социализации студентов. Однако приоритетным направлением социализации студентов при получении высшего образования является освоение профессиональных компетенций.

С целью выявления особенностей социализации современных студентов вузов в декабре 2018 г. был проведен социологический опрос. Выборочная совокупность составила 150 респондентов, в число которых вошли студенты первых–четвертых курсов различных специальностей высших учебных заведений города Хабаровска.

Исследование основано на теоретических положениях, представленных в работах П. Бергера, Р. Бейлза (теория социального действия и социальных систем), Т. Лукмана (социальное распределение знания и конструирование реальности), Р. Мертон (социализация в нестабильном обществе). Методология структурно-функционального подхода, представленная в работах Т. Парсонсом, позволила изучить факторы, влияющие на социализацию студентов вузов.

Для сбора эмпирического материала использовался конкретно-социологический метод – анкетирование.

По данным социологического опроса, проведенного среди студентов г. Хабаровска, около 30% студентов получают второе высшее образование одновременно с первым. В условиях быстро изменяющихся требований рынка труда, это способствует повышению социальной защищенности будущих выпускников высших учебных заведений. Желание получать второе высшее образование отметили 75% студентов. Однако сдерживающими факторами получения второго высшего образования являются отсутствие финансовой возможности (57%) и свободного времени (15%), физические и психические возможности студента в освоении образовательных программ (28%).

При поступлении в учебное заведение, каждый студент проходит период адаптации к новым условиям жизни. Успешность адаптации зависит от того, насколько студент принимает и соблюдает требования учебного заведения. Так, 97% респондентов (студенты первых курсов), не читали и не считают необходимым ознакомиться с Уставом учебного заведения, где прописаны сведения об образовательном учреждении и его правила. 33% респондентов вспомнили, что слышали об Уставе образовательного учреждения на кураторском часе, а вот содержание Устава воспроизвести неспособны.

Условием успешной адаптации и социализации могут быть устойчивые духовные и нравственные ориентиры, сформированные у обучающегося до поступления в высшее учебное заведение [26, с. 154]. Целенаправленная воспитательная и педагогическая работа учебного заведения влияют на результативность социализации студента. Институты кураторства и наставничества способствуют успешной адаптации и социализации студентов первых курсов. Так, по данным анкетирования, 45% студентов отметили, что кураторы, помогают студентам в решении проблем, как в учебном процессе, так и в бытовом плане, организуют культурные мероприятия, содействуют в подготовке пакета документов на выплату материальной помощи, предоставляют информацию, касающуюся организации обучения. До 20% студентов первых курсов, считают, что они вполне самостоятельно могут решать все вопросы, возникающие в процессе обучения. 15% студентов первых курсов признались в том, что у них были мысли оставить обучение и вернуться домой или сменить направление подготовки. Особенно это отмечали иногородние студенты. 3% студентов приняли решение остаться в вузе самостоятельно, 5% обратились за советом к куратору, 7% респондентов остались в вузе по настоянию родителей. Среди студентов, сомневающихся в правильности выбора подготовки направления, 2% респондентов пожалели, что не сменили направление подготовки на первом курсе.

Наставничество одобряют 76% студентов. Наставники – это студенты старших курсов, которые занимают активную общественную позицию в вузе. Студенты-наставники сопровождают студентов на протяжении первого года обучения. При необходимости, при трудных жизненных ситуациях или дезадаптации студента, наставники сопровождают студентов и на вторых–третьих курсах. При дезадаптации, обучающийся не соблюдает требования учебного заведения, пропускает занятия, вовремя не входит в сессию, допускает академическую неуспеваемость. Обучающийся не может позитивно выполнять свои социальные роли, взаимодействовать с окружающими его людьми, с преподавателями и студентами. Наставники транслируют свой студенческий опыт, помогают таким студентам в решении проблем. При необходимости студент-наставник обращается за помощью к администрации вуза, в студенческую профсоюзную организацию. Студенты-наставники постоянно консультируются с профессионалами – педагогами и психологами – и регулярно проходят школу подготовки. Около 39% студентов первого курса столкнулись с дезадаптацией (бытовые проблемы, проблемы с успеваемостью, конфликтные отношения в группе), у студентов второго курса дезадаптация отмечалась в 20% случаев, студенты третьего и четвертого курса сталкивались с дезадаптацией в 15% случаев. Студенты четвертого курса, отмечали процессы дезадаптации при подготовке к государственной итоговой аттестации ("земля уходит из-под ног"). Это было связано с прохождением преддипломной практики и выполнением выпускной квалификационной работы. Часть студентов четвертых курсов была слабо подготовлена к этой деятельности (4%). Можно предположить, что эта часть студентов недостаточно социализирована в условиях образовательного учреждения. Эти студенты не стремились себя реализовать в полученной профессии, а к окончанию обучения в вузе они осознали, что выбор профессии был сделан ошибочно. Уже на первом курсе обучения эти студенты утратили интерес к учебе, испытывали трудности при освоении образовательной программы, не видели перспективы самореализации. При обучении студенты были малоинициативны, отличались низкой успеваемостью и социальной активностью, плохо шли на контакт с преподавателями и сокурсниками, отрицали социальную значимость получаемой профессии. От 0,7 до 1% студентов не способны вовремя подготовить выпускную квалификационную работу, а 50% студентов из этой группы не получают диплом высшего образования, даже окончив последний курс направления подготовки в высшем заведении.

Начало обучения в высшей школе для вчерашнего выпускника средней школы является мощным стрессом. До 70% студентов первого курса иногородние. Обучение в высшей школе резко отличается по содержанию, формам, нагрузкам, результатам от общеобразовательной школы. У первокурсников происходит смена окружения, образа жизни, возрастает ответственность за свою судьбу. У 40% респондентов дезадаптационные процессы имели яркое проявление в первый семестр обучения. Студенты отмечали, что им был необходим постоянный контакт с родителями (18%), 8% респондентов испытывали сильную тоску по дому, 14% скучали по дому, но понимали, что это новый трудный жизненный этап, который необходимо преодолеть и находили возможные способы – спорт, кино, чтение книг, сон. 17% студентов из этой группы в первые месяцы обучения в высшем учебном заведении отмечали отсутствие интереса к учебе. По результатам социологического опроса выявлено, что 25% студентов недовольны преподавательским составом. Это связано с требованиями со стороны преподавателей к уровню знаний студентов. Студенты первых курсов отмечают, что преподаватели могли бы давать некоторые послабления к знаниям студентов. Студенты старших курсов (28%) отмечают, что они могли бы готовиться к занятиям лучше, но после занятий в университете отправляются на работу.

Для 47% респондентов важен социально-психологический климат в учебном заведении. Для этой группы респондентов важны такие качества как доброжелательность, внимательность и приветливость. Студенты (15%) отмечают, что сталкиваются с равнодушием со стороны административных структур вуза. Практически все респонденты (97%) отметили высокий уровень материально-технической базы вузов – наличие электронных залов в

библиотеках, возможность пользования интернет-ресурсами. Однако "постоянно" и "часто" посещают библиотеки лишь 21 % студентов.

Социализация студента включает несколько этапов. В период организационной адаптации студент осваивается в организационной среде учебного заведения, изучает требования и нормы, внутренне принимает эту информацию и выстраивает свое организационное поведение. На деятельностном этапе студент определяет степень ответственности, права и обязанности, требования к качеству учебной деятельности. Привыкание к студентам в группе, налаживание деловых и личных отношений, завоевание признания, самоутверждение в группе, налаживание отношений с преподавателями и администрацией характеризует социально-психологический этап. Бытовой этап социализации выражается в привыкание к рабочему режиму, повышенным психологическим и умственным нагрузкам, решению вопросов питания, досуга, жилищных проблем [8, с. 94]. По данным социологического исследования, можно сделать вывод, что если у студента проявляется дезадаптация, то она имеет проявления в той или иной степени на всех этапах адаптации. Дезадаптация является существенным барьерным фактором для социализации значительной части студентов первого курса (39%), и до 4% студентов последнего, четвертого курса высшего учебного заведения на этапах прохождения производственной практики и подготовки выпускной квалификационной работы.

Успешность социализации студента высшего учебного заведения можно оценивать по степеням адаптивности, которая выражается в следующем:

– психологическая идентификация – студент внутренне принимает нормы и требования учебного заведения, способен в полном объеме включиться в учебу, проявляет интерес к коллективной студенческой жизни, активно участвует в различных видах студенческой деятельности во внеучебное время;

– приспособление к учебной деятельности – студент внешне соблюдает основные нормы и требования учебного заведения, касающиеся учебной деятельности (посещает занятия, готовится к практическим занятиям, вовремя сдает экзамены и зачеты).

Особенности социализации молодежи, и в частности студенческой молодежи, заключается в том, что на этот процесс могут негативно влиять различные проблемы социума (сложность получения достойного образования, нахождение подходящей работы после окончания учебного заведения, уровень заработной платы, наличие жилья, наличие зависимостей [29, с. 53]).

По данным Фонда общественного мнения, современная молодежь отличается от предшествующих поколений иным менталитетом (51%). Среди существенных характеристик современной молодежи называют наглость, невоспитанность, бестактность, неуважение к старшему поколению, грубость, дерзость (35%), развитость, образованность, сообразительность (43%), отсутствие желания работать (47%). Более 55% респондентов отмечают такие качества как раскрепощенность, раскованность, отсутствие комплексов, "продвинутость" в области современных технологий.

Таким образом, социализация студентов занимает важное место в организации образовательного процесса. Социализация студентов в образовательных учреждениях происходит в непростых условиях. Обновление образовательных программ (как их структуры, так и содержания), изменение технологий профессионального образования связаны с изменениями запросов общества к успешной интеграции молодых специалистов. Перспектива развития высшей школы во многом зависит от этого процесса. В процессе социализации обучающихся в высшей школе формируются социальная активность, социальная мобильность, профессиональная компетентность, способность адаптироваться в сложных ситуациях, самостоятельность в принятии решений, ответственность, способность к поиску. Именно вузы, как институты социализации могут обеспечить подготовку конкурентоспособных специалистов на рынке труда, так как на современном этапе развития общества наиболее востребованной формой деятельности человека выступает самореализация, позволяющая успешно осваивать различные уровни подготовки специалистов.

Анализ результатов авторского социологического исследования позволяет сделать следующие выводы. Социализация студентов высших учебных заведений представляет собой направляемый и социально контролируемый процесс, способствующий адаптации индивида к определенному виду деятельности. Кураторство и наставничество являются важными институтами социализации студентов. В настоящее время молодые люди рассматривают высшее образование как необходимый уровень базовой подготовки и при возможности желали бы получить второе высшее образование. Особенности социализации студенческой молодежи в вузе определяются преподавательским составом, социально-психологическим климатом и материально-технической базой вуза. Только 4% респондентов выпускных курсов испытывали трудности при прохождении практики и подготовке выпускной квалификационной работы. 96% успешно усвоили знания, предусмотренные федеральным государственным образовательным стандартом, и осознали свои интересы и потребности по окончании вуза, что свидетельствует об успешной социализации в условиях высшей школы.

Литература

1. Авраамова Е. М. Поступление в вуз как начало формирования индивидуальных социальных практик // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2004. № 2. С. 54–60.
2. Актуальные проблемы социологии культуры, образования, молодежи и управления : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Екатеринбург, 24-25 февраля 2016 г.) / под. общ. ред. Ю. Р. Вишневецкого. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. 1210 с.
3. Вартанян Е. В. Институт высшего образования как агент социализации современной российской молодежи // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2017. № 1. С. 77–80.
4. Васильева Т. В. Проблемы формирования ценностных ориентаций студентов // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 2(2). С. 87–91.
5. Вишневецкий Ю. Р. Социология молодежи – о молодежи, для молодежи / Ю. Р. Вишневецкий, В. Т. Шапко // Актуальные проблемы социологии молодежи, культуры, образования и управления: материалы всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург, 28 февраля 2014 г. Екатеринбург: УрФУ, 2014. Т. 1. С. 5–9.
6. Волков Ю. Г., Добренчиков В. И., Кадария Ф. Д., Савченко И. П., Шаповалов В. А. Социология молодёжи: Для студентов вузов. Ростов н/Д.: Феникс, 2001. 576 с.
7. Вуколов И. С. Учебные стратегии. Проблема определения и классификация явления // Альманах современной науки и образования. Грамота. 2010. № 3 (34): в 2-х ч. Часть 1. С. 146–148.
8. Гейдарова Ф. Ф. Критерии и оценка качества образования // Педагогика и психология: актуальные вопросы теории и практики: материалы X Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 19 марта 2017 г.). Чебоксары: ЦНС "Интерактив плюс", 2017. № 1 (10). С. 93–98.
9. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. Второе издание, дополненное и исправленное. М.: Институт социологии РАН, 2010. 592 с.
10. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Российская молодежь: истоки и этапы социологического изучения // Гуманитарий Юга России. 2012. № 4. С. 11–36.
11. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. О жизненных планах российской молодежи: настоящее и будущее // Россия и Китай: молодежь XXI века [монография] / отв. редакторы: М. К. Горшков, Ли Чунлинь, З. Т. Голенкова, П. М. Козырева. М.: Новый хронограф, 2014. С. 384–404.
12. Жуков В. И. Университетское образование: история, социология, политика; Рос. гос. соц. ун-т. М.: Перспектива, 2005. 252 с.
13. Заборова Е. Н. Образовательные стратегии: подходы к определению понятия и традиции исследования // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2013. № 3 (116). С. 105–111.
14. Зборовский Г. Е. Уроки неудавшейся модернизации // Социальная стратегия российской системы образования. СПб.: РГПУ, 2016. С. 39–44.
15. Иконникова С. Н., Лисовский В. Т. Динамика ценностных ориентаций молодежи в период реформ // Молодежь в условиях социально-экономических реформ. СПб.: СПбГУ, 1995. 268 с.

16. Коломенская А. С. Социальное самочувствие студенческой молодежи в условиях модернизации российского общества // Вестник Омского университета. Серия Экономика. 2015. № 3. С. 201–205.
17. Константиновский Д. Л., Вознесенская Е. Д., Чередниченко Г. А. Молодежь России на рубеже XX–XXI веков: образование, труд, социальное самочувствие. М.: ЦСП и М, 2014. 548 с.
18. Лисовский В. Т. Молодежь и современность / под ред. В. Т. Лисовского и В. А. Ядова. М., 1978. 135 с.
19. Луков В. А. Теории молодежи: пути развития // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 3. С. 70–82
20. Образование в Российской Федерации // Статистический ежегодник. М.: НИУ ВШЭ, 2018. 464 с.
21. Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Консультант плюс. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 01.07.2019).
22. Овсянников А. А. Система образования в России и образование России // Мир России. 1999. № 3. Т. 8. 1999. С. 73–132.
23. Родин А. В. Проблемы развития образовательной активности специалистов в послевузовской профессиональной деятельности: Дис... канд. социол. наук : 22.00.06. Екатеринбург, 2005. 156 с.
24. Студенчество: проблемы социализации и социального самоопределения. А. Р. Дзиов, А. П. Ветошкин. М., 2014. 241 с.
25. Филоненко В. И. Студенчество современной России: проблемы типологизации // Философия права. 2009. № 2. С. 29–34.
26. Чередниченко Г. А. Российская молодежь в системе образования: от уровня к уровню // Вопросы образования. 2017. № 3. С. 152–182.
27. Чупров В. И. Молодежь в обществе риска / В. И. Чупров, Ю. А. Зубок, К. Уильямс; Ин-т соц.-полит. исслед. 2-е изд. М.: Наука, 2003. 230 с.
28. Шемелева И. И. Социальная активность студенческой молодежи: факторный и кластерный анализ // Социологические исследования. 2019. № 4. С. 133–141.
29. Шереги Ф. Э. Российская молодежь: настроение, ожидания, ценностные ориентации. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга. 2013. 93 с.
30. Шереги Ф. Э. Образование как социальный институт: функции и дисфункции // Россия реформирующаяся. Вып. 13 : Ежегодник. М.: Новый хронограф. 2015. С. 12–36.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Avraamova E. M. Postuplenie v vuz kak nachalo formirovaniya individual'nykh sotsial'nykh praktik // Vestnik obshhestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii. 2004. № 2. S. 54–60.
2. Aktual'nye problemy sotsiologii kul'tury, obrazovaniya, molodezhi i upravleniya : materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (Ekaterinburg, 24-25 fevralya 2016 g.) / pod. obshh. red. YU. R. Vishnevskogo. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2016. 1210 s.
3. Vartanyan E. V. Institut vysshego obrazovaniya kak agent sotsializatsii sovremennoj rossijskoj molodezhi // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya. 2017. № 1. S. 77–80.
4. Vasil'eva T. V. Problemy formirovaniya tsennostnykh orientatsij studentov // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 2(2). S. 87–91.
5. Vishnevskij YU. R. Sotsiologiya molodezhi – o molodezhi, dlya molodezhi / YU. R. Vishnevskij, V. T. SHapko // Aktual'nye problemy sotsiologii molodezhi, kul'tury, obrazovaniya i upravleniya: materialy vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii. Ekaterinburg, 28 fevralya 2014 g. Ekaterinburg: UrFU, 2014. T. 1. S. 5–9.
6. Volkov YU. G., Dobren'kov V. I., Kadariya F. D., Savchenko I. P., SHapovalov V. A. Sotsiologiya molodyozhi: Dlya studentov vuzov. Rostov n/D.: Feniks, 2001. 576 s.
7. Vukolov I. S. Uchebnye strategii. Problema opredeleniya i klassifikatsiya yavleniya // Al'manakh sovremennoj nauki i obrazovaniya. Gramota. 2010. № 3 (34): v 2-kh ch. CHast' 1. S. 146–148.
8. Gejdarova F. F. Kriterii i otsenka kachestva obrazovaniya // Pedagogika i psikhologiya: aktual'nye voprosy teorii i praktiki: materialy KH Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (CHEboksary, 19 marta 2017 g.). CHEboksary: TSNS "Interaktiv plyus", 2017. № 1 (10). S. 93–98.
9. Gorshkov M. K., SHeregi F. EH. Molodezh' Rossii: sotsiologicheskij portret. Vtoroe izdanie, dopolnennoe i ispravlennoe. M.: Institut sotsiologii RAN, 2010. 592 s.
10. Gorshkov M. K., SHeregi F. EH. Rossijskaya molodezh': istoki i ehtapy sotsiologicheskogo izucheniya // Gumanitarij YUga Rossii. 2012. № 4. S. 11–36.

11. Gorshkov M. K., SHeregi F. EH. O zhiznennykh planakh rossijskoj molodezhi: nastoyashchee i budushhee // Rossiya i Kitaj: molodezh' XXI veka [monografiya] / otv. redaktory: M. K. Gorshkov, Li CHunlin', Z. T. Golenkova, P. M. Kozyreva. M.: Novyj khronograf, 2014. S. 384-404.
12. ZHukov V. I. Universitetskoe obrazovanie: istoriya, sotsiologiya, politika; Ros. gos. sots. un-t. M.: Perspektiva, 2005. 252 s.
13. Zaborova E. N. Obrazovatel'nye strategii: podkhody k opredeleniyu ponyatiya i traditsii issledovaniya // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury. 2013. № 3 (116). S. 105–111.
14. Zborovskij G. E. Uroki neudavshejsya modernizatsii // Sotsial'naya strategiya rossijskoj sistemy obrazovaniya. SPb.: RGPU, 2016. S. 39–44.
15. Ikonnikova S. N., Lisovskij V. T. Dinamika tsennostnykh orientatsij molodezhi v period reform // Molodezh' v usloviyakh sotsial'no-ehkonomicheskikh reform. SPb.: SPbGU, 1995. 268 s.
16. Kolomenskaya A. S. Sotsial'noe samochuvstvie studencheskoj molodezhi v usloviyakh modernizatsii rossijskogo obshchestva // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya EH-konomika. 2015. № 3. S. 201–205.
17. Konstantinovskij D. L., Voznesenskaya E. D., CHerednichenko G. A. Molodezh' Rossii na rubezhe XX–XXI vekov: obrazovanie, trud, sotsial'noe samochuvstvie. M.: TSSP i M, 2014. 548 s.
18. Lisovskij V. T. Molodezh' i sovremennost' / pod red. V. T. Lisovskogo i V. A. YAdova. M., 1978. 135 s.
19. Lukov V. A. Teorii molodezhi: puti razvitiya // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2007. № 3. S. 70–82
20. Obrazovanie v Rossijskoj Federatsii // Statisticheskij ezhegodnik. M.: NIU VSHEH, 2018. 464 s.
21. Ob obrazovanii V Rossijskoj Federatsii : Federal'nyj zakon ot 29.12.2012 № 273-FZ (red. ot 29.07.2017) // Konsul'tant plyus. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (data obrashheniya: 01.07.2019).
22. Ovsyannikov A. A. Sistema obrazovaniya v Rossii i obrazovanie Rossii // Mir Rossii. 1999. № 3. T. 8. 1999. S. 73–132.
23. Rodin A. V. Problemy razvitiya obrazovatel'noj aktivnosti spetsialistov v poslevuzovskoj professional'noj deyatel'nosti: Dis.... kand. sotsiol. nauk : 22.00.06. Ekaterinburg, 2005. 156 c.
24. Studenchestvo: problemy sotsializatsii i sotsial'nogo samoopredeleniya. A. R. Dzirov, A. P. Vetoshkin. M., 2014. 241 s.
25. Filonenko V. I. Studenchestvo sovremennoj Rossii: problemy tipologizatsii // Filosofiya prava. 2009. № 2. S. 29–34.
26. CHerednichenok G. A. Rossijskaya molodezh' v sisteme obrazovaniya: ot urovnya k urovnyu // Voprosy obrazovaniya. 2017. № 3. S. 152–182.
27. CHuprov V. I. Molodezh' v obshchestve riska / V. I. CHuprov, YU. A. Zubok, K. Uil'yame; In-t sots.-polit. issled. 2-e izd. M.: Nauka, 2003. 230 s.
28. SHemeleva I. I. Sotsial'naya aktivnost' studencheskoj molodezhi: faktornyj i klasternyj analiz // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2019. № 4. S. 133–141.
29. SHeregi F. EH. Rossijskaya molodezh': nastroyenie, ozhidaniya, tsennostnye orientatsii. M.: TSentr sotsial'nogo prognozirovaniya i marketinga. 2013. 93 s.
30. SHeregi F. EH. Obrazovanie kak sotsial'nyj institut: funktsii i disfunktsii // Rossiya reformiruyushhayasya. Vyp. 13 : Ezhegodnik. M.: Novyj khronograf. 2015. S. 12–36.

Обручникова С. Р. Социализация студентов в современной системе образования (на примере студентов высших учебных заведений г. Хабаровска).

Преобразования общественного устройства диктуют необходимость исследования процессов происходящих в высшем образовании. Важным условием высшего образования является успешная социализация студентов. Социализация студентов в образовательных учреждениях происходит в непростых условиях. Обновление образовательных программ, изменение технологий профессионального образования связаны с изменениями запросов общества к успешной интеграции молодых специалистов. Перспектива развития системы образования, и в частности высшего образования, во многом зависит от этого процесса. Именно вузы, как институты социализации, могут обеспечить подготовку конкурентноспособных специалистов на рынке труда.

Ключевые слова: *студент, система образования, социализация, адаптация, дезадаптация, высшее образование*

Obruchnikova S. R. Socialization of students in the modern education system (on the example of students of higher educational institutions of Khabarovsk).

Social transformations dictate the need to study the processes taking place in higher education. An important condition for higher education is the successful socialization of students. Socialization of students in educational institutions occurs in difficult conditions. Updating educational programs, changing the technology of vocational education are associated with changes in the needs of society in the successful integration of young professionals. The prospect of development of the education system, and in particular higher education, depends largely on this process. It is universities that, as socialization institutions, can provide training for competitive specialists in the labor market.

Key words: *student, education system, socialization, adaptation, disadaptation, higher education*

Для цитирования: Обручникова С. Р. Социализация студентов в современной системе образования (на примере студентов высших учебных заведений г. Хабаровска) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 3. С. 19–28. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-3/19-28

For citation: Obruchnikova S. R. Socialization of students in the modern education system (on the example of students of higher educational institutions of Khabarovsk) // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 3. P. 19–28. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-3/19-28

УДК 316.334:37

Горяченко Е. А.

Практика индивидуализации обучения в Дальневосточном федеральном университете

В последнее десятилетие XXI в. индивидуализация образования стала одной из наиболее актуальных тем, обсуждаемых как на площадках научных мероприятий, так и в средствах массовой информации, и в социальных сетях. Интерес к данной теме связан с двумя факторами:

– с признанием и стремительным развитием гуманистического подхода в образовании, благодаря которому культивируется мысль о необходимости развития персональных способностей человека, поддержке его интересов;

– нарастания глобальной неопределённости в мире, стихийное и динамичное появление новых граней жизнедеятельности общества, которые образуют потребности в специалистах, владеющих уникальными компетенциями.

Такое положение дел подтверждается футурологическими исследованиями, результаты которых изложены в докладе экспертов Global Education Futures и WorldSkills Russia [8]. В докладе дано описание современных трендов развития общества: автоматизации в сфере экономики, цифровизации в коммуникациях, формирования сетецентрического общества, экологизации – бережного отношения к окружающему миру и гуманизации в широком смысле – заботе о человеке, вера в его безграничные возможности и способность к развитию.

Однако новые требования к компетенциям человека традиционные образовательные организации удовлетворить не в силах. Основная причина неадекватности существующих образовательных систем любого уровня в том, что здесь существует и негласно поддерживается формальный подход к образовательной деятельности, который проявляется

– в демонстрационном, а не глубинно-сущностном обучении;

– в преобладании субъект-объектных отношений между участниками образовательного процесса;

– в поверхностном, количественном, а не качественном оценивании;

– игнорировании индивидуальных особенностей и потребностей обучающихся.

Из этого следует, что

– в большинстве учебных заведений не ставится цель личностного развития обучающихся и содействие их профессиональному самоопределению;

– неадекватно используются ресурсы участников образовательного процесса, в том числе самый ценный из них – время;

– как следствие, у обучающихся не формируются мировоззренческие установки личной ответственности за то, что происходит с ними и вокруг них (в ближнем и дальнем окружении).

Таким образом, становятся явными противоречия, сложившиеся на разных социально-антропологических уровнях.

Во-первых, тенденции развития мировой экономики и выявление глобальных проблем человечества требуют новых оригинальных, соответствующих каждой конкретной ситуации, решений, которые могут быть сформулированы, приняты и реализованы людьми, владеющими эксклюзивными знаниями, умениями, навыками, отличными от тех, которые формируются сложившимися образовательными системами.

Во-вторых, несмотря на предъявление новых требований к подготовке учащегося, на уровне организаций, реализующих программы основного обра-

зования, в настоящий момент существуют устойчивые форматы ведения учебных процессов, которые практически исключают индивидуализацию.

В-третьих, хотя участники образовательного процесса принимают факт индивидуальности каждого человека, однако действительность часто расходится с практикой: педагоги не ставят перед собой в качестве приоритетной задачу развития индивидуальных способностей учащегося, и учащиеся в силу сложившихся традиций, как правило, не склонны акцентировать внимание на своих талантах.

В настоящее время достаточно известны практики индивидуализации, сформировавшиеся в странах, унаследовавших культуру протестантизма, где традиционно ответственность за собственную судьбу возлагается на самого индивида. Наиболее популярные практики индивидуализации обучения за рубежом: тьюторское сопровождение в Оксфордском и Кембриджском университетах, "кредит-система" Гарварда, Персонализированная система обучения (PSI) Ф. Келлера, реализующаяся в странах Южной и Северной Америки.

Специфика российского образования, препятствующая индивидуализации, в том, что заказчиком образования является государство, и возможно лишь частичное приспособление образовательной программы под запросы студента. Сегодня в России не существует механизмов индивидуализации обучения, которые можно было бы реализовать в существующих условиях. Однако в последние двадцать лет в этом направлении ведется активная деятельность.

Индивидуализация обучения в современной России ассоциируется, прежде всего, с развитием тьюторства. Вычленение, осмысление феномена индивидуализации произошло именно в связи реформированием системы образования и развитием тьюторского движения в России в конце 1980-х годов. У истоков российского тьюторского движения стоит П. Г. Щедровицкий. Сподвижником П. Г. Щедровицкого, главным организатором, практиком реализации принципа индивидуализации и тьюторского движения стала Т. М. Ковалева.

П. Г. Щедровицкий полагает, что индивидуализированная система образования должна содержать в себе набор услуг, которые могут быть востребованы потребителем. Каким образом они будут реализованы через образовательные организации, тьюторство, супервизорство, губернёрство – другой вопрос, однако важна развитая образовательная инфраструктура и поддержка учащихся [4].

Т. М. Ковалева обращает внимание, что реализация принципа индивидуализации обеспечивается существованием избыточного открытого образовательного пространства с максимально возможным широким набором ресурсов [6, с. 104]. Такая образовательная среда способствует развитию у учащегося навыков ориентации в поле образовательных предложений, ответственности за свой выбор, нивелирует страх принятия ошибочного решения.

Поворот на индивидуализацию обучения поддерживается на законодательном уровне. Согласно "Национальной доктрине образования Российской Федерации" одной из основных задач образования является обеспечение индивидуализации образования, в том числе за счёт вариативности образовательных программ [9]. В Национальном проекте "Образование" в разделе 4.7. "Федеральный проект "Новые возможности" в пункте 1.1 обозначено, что в декабре 2020 г. будет создан набор сервисов, которые обеспечат навигацию и поддержку граждан при выборе образовательных программ [11, с. 50].

В статье С. В. Кривых на основе анализа ФГОС делается вывод о направленности государственной политики в области образования на создание условий для реализации принципа индивидуализации за счет "раздельного функционирования" стандарта и учебного плана, широкой вариативности и, в некоторой степени, открытости его наполнения [7, с. 6]. Вариативная часть учебного плана увеличена до 50%, причем не менее 30% из них – предметы по выбору учащихся. Здесь прописана обязательная доля занятий (20% от всей совокупности аудиторных) в активной и интерактивной формах обучения, которые предполагают, в том числе, участие студентов в экспедициях, конкурсах, фестивалях, тренингах, ролевых и деловых играх. Таким образом, в ФГОС ВПО третьего поколения заданы возможности реализации принципов индивидуализации обучения студентов.

Однако, несмотря на очевидные подвижки в сторону индивидуализации, в существующих условиях организации системы образования и финансирования образовательных услуг, когда заказчиком является государство, практически невозможно выстроить учебный процесс в соответствии с образовательными потребностями каждого студента. Поэтому вузы используют индивидуализацию обучения фрагментарно: при проведении занятий отдельных дисциплин, при работе с отдельными категориями студентов, при организации онлайн обучения. Поэтому сегодня можно говорить лишь о частичной реализации принципа индивидуализации обучения через создание и осуществление проектных программ вузов, финансируемых за счет спонсорских и грантовых средств.

Одной из таких программ стала программа Academic Excellence and Honors Education (АЕНЕ), которая реализуется в Дальневосточном федеральном университете (ДФУ) с начала 2018–2019 учебного года. Уникальность данной программы заключается в том, что при работе с запросами студентов она стремится задействовать всю ресурсную базу Дальневосточного федерального университета и его партнеров.

Интересно проследить преобразование программы в течение учебного года. Данный процесс позволяет увидеть и оценить возможности реализации принципа индивидуализации обучения и отследить структурные изменения вуза. Реализация программы в 2018–2019 учебном году проходила в два этапа. В данной статье рассматривается первый этап реализации программы.

Первоначально критериями отбора в программу являлись три фактора: поступление на первый курс бакалавриата или специалитета ДВФУ на бюджетной основе, высокий балл вступительных испытаний и знание английского языка на уровне не ниже Intermediate (B1). Кроме того, чтобы стать участником программы, студент должен был подать заявление и написать мотивационное эссе.

Планировалось сформировать две группы участников: топ-20 студентов, у которых более 270 баллов за три экзамена или более 370 – за четыре; во вторую группу должны были войти 500 студентов с баллами 250+/350+ [12]. Для каждой группы был предусмотрен набор дополнительных образовательных услуг.

Перечень дополнительных образовательных услуг предусмотренных для участников первой группы (20 человек) [12]:

- персональный тьютор;
- грант в 1 млн. рублей на курсы, стажировки, образовательные программы, реализуемые как в ДВФУ, так и в партнерских организациях.

Перечень дополнительных образовательных услуг для участников второй группы (500 человек) был менее конкретизирован и включал в себя [12]:

- широкую линейку образовательных траекторий;
- специальную поддержку академической мобильности в мировых научных центрах и университетах;
- помощь в организации практик и стажировок в ведущих компаниях.

Информации о тьюторском сопровождении участников второй группы в анонсе не было [13].

Когда приёмная кампания была завершена, на сайте ДВФУ вторично разместили информацию о программе АЕНЕ. В этот раз ничего не говорилось о дифференциации первокурсников-высокобалльников по группам, критерии отбора участников были изменены. В соответствии с новой информацией на сайте, критериями отбора для участия в программе стали следующие альтернативы:

- результаты трёх ЕГЭ более 230 баллов;
- результаты четырёх экзаменов более 320 баллов (для программ "Дизайн", "Дизайн архитектурной среды", "Архитектура", "Журналистика");
- результаты ЕГЭ более 75 баллов хотя бы по одной из естественнонаучных или точных дисциплин (физике, химии, биологии, географии или информатике), даже если в сумме менее 230 баллов.

Появился новый термин для обозначения участников программы, они стали именоваться онорами.

Перечень дополнительных образовательных услуг для участников стал более детализирован, но по-прежнему имел лишь декларативный характер, он включал в себя

- тьютора, сопровождающего построение индивидуальных траекторий;
- диагностику soft skills и мероприятия по их развитию;
- участие в стажировках и программах академического обмена, travel-гранты, обучение на онлайн-курсах;
- участие в стипендиальном конкурсе "Альфа-Шанс";
- возможность получить дополнительное финансирование из специального фонда для реализации образовательных инициатив.

Во второй версии представления программы стала более подробно прописана роль тьютора и, таким образом, отражена его значимость для участников программы [13].

Вся важная информация о программе АЕНЕ и процессе её реализации была размещена в социальной сети ВКонтакте в группах для оноров и для тьюторов – FEFU. Academic Excellence and Honors Education (URL: <https://vk.com/honorsedu> (дата обращения: 05.11.2018) и "Тьюторы АЕНЕ" (URL: <https://vk.com/tutoraeh> (дата обращения: 05.11.2018)). Информационная поддержка программы стала одной из наиболее сильных ее сторон.

Деятельностная фаза первого этапа программы АЕНЕ была рассчитана на семестр и длилась с 10 октября по 23 декабря 2018 г.

К началу октября был завершён набор участников программы и запущен процесс её реализации [10]. Всего на программу было зачислено 413 оноров, для которых назначили 28 тьюторов.

Распределение оноров между тьюторами было осуществлено следующим образом. Сначала были составлены алфавитные списки участников программы по Школам, затем, следуя алфавитному порядку, каждый список разделили на списки, включающие по 13–16 человек, которые и стали группами, закреплёнными за определёнными тьюторами. Такое механическое распределение, кроме того, что не соответствует принципам тьюторства, уже на этапе запуска программы во многом замедлило процессы взаимодействия между тьютором и онорами и значительно снизило активность последних. Особенно процессы замедлялись в тех случаях, если оноры и тьюторы были представителями разных Школ университета, так как

- тьюторы, являясь преподавателями одной Школы, могли быть не знакомы с инфраструктурой другой Школы, что затрудняло поиск оноров, чьи контакты стали неактуальными;
- Школы университета – частично обособленные подразделения, обладающие большой самостоятельностью, часто конкурируют друг с другом, что создавало дополнительные трудности для преподавателя, работающего тьютором не в своей Школе.

Заметим, что выявленные сложности не являлись непреодолимыми, однако важно было пересмотреть систему формирования тьюторских групп.

В процессе реализации программы большая часть трудностей во взаимодействии между тьюторами и онорами была преодолена. Площадками для общения внутри тьюторских групп стали групповые тьюториалы, созданные группы в соцсетях и/или мессенджерах. Также проводились индивидуальные тьюториалы, благодаря которым между каждым онором и его тьютором были созданы устойчивые коммуникационные связи, позволяющие тьютору осуществлять сопровождение максимально эффективно.

В календаре работы программы фиксировалось необходимое количество тьюториалов: всего восемь групповых – раз в две недели и три индивидуальных – не менее одного раза в месяц. Для каждого группового тьюториала был разработан подробный тематический план, на каждый индивидуальный тьюториал также существовали установки организаторов, основанные на последовательности событий программы, однако в каждом отдельном случае тьютор был вправе действовать по своему усмотрению, в соответствии с запросами оноров. Кроме того, один раз в месяц проводились мегатьюториалы для анонсирования событий программы, коммуникаций с организаторами, решения коллективных вопросов и выявления общих запросов тьюторантов.

Кроме сведений о тьюториалах, в календаре содержалась информация о других очных активностях: мастер-классах, деловых играх, интенсивных курсах, направленных на развитие soft skills.

Наиболее масштабными мероприятиями программы стали интенсивные курсы приглашенных тренеров. В рамках программы АЕНЕ было запланировано и проведено два "интенсива", каждый явился одновременно программой повышения квалификации тьюторов.

Первый интенсивный курс, "Погружение", начался с двухдневного обучения тьюторов. Затем, на протяжении четырех дней ведущие интенсива с помощью подготовленных тьюторов "погружали" в программу АЕНЕ участников-первокурсников. Полезным результатом первого "интенсива" стала разработка ресурсной карты ДВФУ и организация рабочей группы по её оцифровыванию.

Второй курс "Картирование ИОТ (Индивидуальной образовательной траектории)" прошёл в виде шестидневной интерактивной игры. Курс включал, в том числе, и подготовку тьюторов на этот раз в качестве игропрактиков.

Несмотря на современность идеи программы АЕНЕ, логически выстроенную последовательность её реализации, информационные и коммуникационные преимущества, многие студенты, заявившие о своем участии в программе, на первом этапе так и не включились в неё либо были крайне неактивны.

Таблица 1. Результаты опроса тьюторов относительно активности участия оноров в мероприятиях программы

Номер тьюторской группы	Количество оноров в группе	Оноры, участвующие в 80–100% мероприятий	Оноры, участвующие в менее чем 80% мероприятий	Оноры, не посещающие мероприятия
1	12	4	3	5
2	14	3	9	2
3	12	0	9	3
4	14	5	7	2
5	9	9	0	0
6	17	7	7	3
7	15	7	5	3
8	15	2	7	6
9	16	2	11	3
10	17	4	6	7
11	16	2	6	8
12	17	1	10	6
13	17	4	10	3
14	15	1	7	7
15	5	1	4	0
16	7	4	2	1
Среднее	14	4	6	4
Всего	218	56	103	59

В первой трети ноября 2018–2019 учебного года был проведён опрос тьюторов по поводу активности участия оноров в мероприятиях программы. Результаты опроса приведены в *таблице 1*.

К сожалению, не все тьюторы, а лишь 16 из 28, отозвались на просьбу организаторов поучаствовать в опросе и, таким образом, было охвачено 218 оноров из 413, составлен портрет лишь 50% тьюторских групп. Тем не менее, на основе собранных данных можно сделать некоторые выводы. Около 71% оноров каждой тьюторской группы принимали участие в мероприятиях программы, в том числе 29% оноров являлись активными участниками и посещали практически каждое мероприятие. В то же время около 29% каждой тьюторской группы совсем не проявляли активности, некоторые из них уже в тот момент приняли решение выйти из программы.

Самой очевидной причиной слабой активности оноров стала невозможность совмещать учебную деятельность и участие в мероприятиях программы АЕНЕ, которые позиционировались как обязательные.

Кроме того, у большинства студентов-участников только к началу ноября начало складываться представление о том, что представляет собой программа и чем она может быть полезна для них. Скорее всего, это случилось из-за нечеткого обозначения цели программы на ее старте, противоречивого и недостаточного информирования о ней.

Таблица 2. SWOT-анализ реализации Программы АЕНЕ

	Положительное влияние	Отрицательное влияние
Внутренние факторы	<p>Преимущества</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Поддержка проекта администрацией ДВФУ. 2. Приятие проекта сотрудниками ДВФУ. 3. Наличие подготовленных к деятельности в программе тьюторов. 4. Наличие у организаторов и тьюторов опыта участия в подобных проектах. 5. Наличие на данном этапе финансовых средств и возможность дальнейшего финансирования. 7. Эффективная информационная поддержка и регулярное оповещение участников программы – налаженные коммуникационные связи. 8. Наличие плана тьюториалов. 9. Современность идеи программы. 	<p>Слабые стороны</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Отсутствие веры у тьюторов в долгосрочность и масштабность проекта. 2. Отсутствие инициативного запроса от студентов. 3. Изменение условий вступления в программу 4. Неопределённость, непрозрачность программы. 5. Отсутствие видения участниками программы четкого плана действий. 6. Не учитывается занятость участников программы и временные образовательные нормативы. 7. Слабое информирование потенциальных участников в период набора на программу. 8. Недостаточно опытных тьюторов.
Внешние факторы	<p>Возможности</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Демонстрация партнёрам нового позитивного опыта, трансляция опыта. 2. Привлечение новых партнёров. 3. Привлечение наиболее талантливых и успешных абитуриентов. 4. Инициация точки роста образовательной системы нового типа. 6. Создание прорывных образовательных технологий. 7. Выпуск высококвалифицированных конкурентоспособных кадров. 8. Реализация программ образования будущего: ведущая позиция. 9. Реализация проекта 5-100. 10. Развитие программ молодёжной и научной мобильности. 11. Привлечение иностранных абитуриентов с Востока и с Запада. 	<p>Угрозы</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. В России не принято обращаться за консультациями и помощью в личностном развитии. 2. У молодежи нет уверенности в возможности реализации собственных желаний и интересов. 3. В обществе не сформирована культура выбора и культура свободного конструктивного волеизъявления. 4. Системно-административная волокита и барьеры. Бюрократия ДВФУ. 5. Высокая степень занятости на основных местах работы/учебы тьюторов и оноров. 6. Слабая транспортная доступность к кампусу ДВФУ. 7. Неэффективные коммуникации между сотрудниками администрации университета и администраций Школ.

Источник: составлено автором.

В *таблице 2* представлен SWOT-анализ реализации программы АЕНЕ, источником которого стала переписка в тьюторской группе, созданной организаторами программы в мессенджере WhatsApp.

Уточним, что при анализе программы к внутренним факторам относили те, которые находятся под влиянием организаторов и участников программы, а к внешним – те, на которые участники и организаторы имели лишь косвенное влияние или не имели его совсем.

В целом из анализа можно вывести, что основными внешними препятствиями для реализации программы стали общекультурные и организационные факторы, которые могут быть преодолены за счёт преимуществ: поддержки администрации и принятия сотрудников университета. Несмотря на слабые стороны программы для её реализации имелись достаточные условия, однако отсутствие стратегии развития, системы мотивации студентов, а также организации процесса запуска и реализации программы не позволили ей уже на первом этапе стать участником изменений образовательной системы и образовательного процесса ДВФУ.

Тем не менее, уже в первом семестре в рамках программы удалось создать пространство для личностно-образовательного ориентирования студентов-участников. Главная роль в этом процессе отводилась тьюторам, перед которыми стояли задачи:

- разбирать общие ситуации по запросам оноров;
- проводить диагностику образовательных запросов;
- способствовать разработке индивидуальной образовательной траектории каждого онора;
- способствовать формированию осмысленного представления о едином образовательном пространстве университета;
- сопровождать и анализировать вместе с онорами их эмоциональные высказывания/оценки и постепенно выводить эмоциональные высказывания на осмысленные суждения с понятной аргументацией.

Кроме того, в первом семестре в рамках программы были заявлены и уже частично проведены клубы мышления, полезные встречи с представителями структурных подразделений, организующими учебную, научную, обеспечивающую деятельность студентов ДВФУ, образовательные модули soft skills, два интенсивных курса, семь групповых тьюториалов и для каждого онора по три индивидуальных.

Таким образом, в I семестре прошла апробация программы, которую в целом можно назвать успешной попыткой реализации принципа индивидуализации обучения студентов. Анализ процесса осуществления первого этапа программы отразил тактические недоработки, противоречащие принципу индивидуализации, которые были учтены при реформатировании программы для её реализации во II семестре.

Литература

1. Боровкова Т. И. Теория и практика педагогического проектирования индивидуальных образовательных программ: Учебное пособие / Т. И. Боровкова. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2015. 160 с.
2. Дводненко Е. В. Организация обучения иностранным языкам в больших группах: формы индивидуализации обучения // Педагогические технологии в современном образовании Материалы международной научно-практической конференции "Педагогика профессионального образования: проблемы и перспективы развития" и международной научно-методической конференции "Методика преподавания гуманитарных дисциплин в современном вузе" / Е. В. Дводненко, Н. И. Петряева, А. С. Кожевникова. Белгородский университет кооперации, экономики и права, 2016. С. 291–302.
3. Зарипова Е. И. Средства индивидуализации обучения на практических занятиях в бакалавриате педагогического вуза // Образование из будущего: обучение, воспитание, развитие. Сборник статей научно-практической конференции, посвященной 40-летию юбилею кафедры педагогики и кафедры психологии Омского государственного педагогического университета. Омский государственный университет, 2018. С. 27–33.

4. Клебанова Л. Глобализация образования: тенденции и перспективы: Интервью с П. Г. Щедровицким [Электронный ресурс]. URL: <http://edu.futurisrael.org/Vesti/Kleb3.htm> (дата обращения: 22.05.2019).
5. Ковалева Т. М. Инициативная среда университета как механизм управления персоналом в условиях трансформации / совм. С Сухановой Е. А., Зоткиным А. О. // Университетское управление: практика и анализ. 2016. № 101(1). С. 90–97.
6. Ковалева Т. М. Тьюторство как антропопрактика // Человек.RU: Гуманитарный альманах. Новосибирск: НГУЭУ, 2016. С. 71–81.
7. Кривых С. В. Индивидуализация образования в вузе // Академия профессионального образования. 2016. № 4. С. 3–11.
8. Навыки будущего. Что нужно знать и уметь в новом сложном мире: Доклад [Электронный ресурс]. URL: https://futuref.org/futureskills_ru (дата обращения: 05.11.2018).
9. Национальная доктрина образования в Российской Федерации // Инновации в образовании [Электронный ресурс]. URL: <http://sinncom.ru/content/reforma/index5.htm> (дата обращения: 15.01.2019).
10. О включении студентов ДВФУ в адаптационный семестр Программы "Academic Excellence and Honors Education". Приказ от 23.10.2018. № 12-13-1899. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2018. 18 с.
11. Образование. Паспорт национального проекта / Президиум Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 3 сентября 2018 г. № 10). [Электронный ресурс]. URL: <http://mo.mosreg.ru/download/document/1524233> (дата обращения: 07.05.2019).
12. Талантливые первокурсники ДВФУ развивают soft skills на специальных лекциях и тренингах // Байкал 24: Наука. 27.10.2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://baikal24-nauka.ru/article.php?type=news&id=8743> (дата обращения: 05.11.2018).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Borovkova T. I. Teoriya i praktika pedagogicheskogo proektirovaniya individual'nykh obrazovatel'nykh programm: Uchebnoe posobie / T. I. Borovkova. Vladivostok: Dal'nevostochnyj federal'nyj universitet, 2015. 160 s.
2. Dvodnenko E. V. Organizatsiya obucheniya inostrannym yazykam v bol'shikh gruppakh: formy individualizatsii obucheniya // Pedagogicheskie tekhnologii v sovremenom obrazovanii Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii "Pedagogika professional'nogo obrazovaniya: problemy i perspektivy razvitiya" i mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoy konferentsii "Metodika prepodavaniya gumanitarnykh distsiplin v sovremenom vuze" / E. V. Dvodnenko, N. I. Petryaeva, A. S. Kozhevnikova. Belgorodskij universitet kooperatsii, ehkonomiki i prava, 2016. S. 291–302.
3. Zaripova E. I. Sredstva individualizatsii obucheniya na prakticheskikh zanyatiyakh v bakalavriate pedagogicheskogo vuza // Obrazovanie iz budushhego: obuchenie, vospitanie, razvitie. Sbornik statej nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashhennoj 40-letnemu yubileyu kafedry pedagogiki i kafedry psikhologii Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Omskij gosudarstvennyj universitet, 2018. S. 27–33.
4. Klebanova L. Globalizatsiya obrazovaniya: tendentsii i perspektivy: Interv'yu s P. G. SHhedrovitskim [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://edu.futurisrael.org/Vesti/Kleb3.htm> (data obrashheniya: 22.05.2019).
5. Kovaleva T. M. Initsiativnaya sreda universiteta kak mekhanizm upravleniya personalom v usloviyakh transformatsii / sovm. S Sukhanovoj E. A., Zotkinym A. O. // Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz. 2016. № 101(1). S. 90–97.
6. Kovaleva T. M. T'yutorstvo kak antropopraktika // CHElovek.RU: Gumanitarnyj al'manakh. Novosibirsk: NGUEHU, 2016. S. 71–81.
7. Krivykh S. V. Individualizatsiya obrazovaniya v vuze // Akademiya professional'nogo obrazovaniya. 2016. № 4. S. 3–11.
8. Navyki budushhego. CHto nuzhno znat' i umet' v novom slozhnom mire: Doklad [EHlektronnyj resurs]. URL: https://futuref.org/futureskills_ru (data obrashheniya: 05.11.2018).
9. Natsional'naya doktrina obrazovaniya v Rossijskoj Federatsii // Innovatsii v obrazovanii [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://sinncom.ru/content/reforma/index5.htm> (data obrashheniya: 15.01.2019).
10. O vkluchenii studentov DVFU v adaptatsionnyj semestr Programmy "Academic Excellence and Honors Education". Prikaz ot 23.10.2018. № 12-13-1899. Vladivostok: Dal'nevostochnyj federal'nyj universitet, 2018. 18 s.
11. Obrazovanie. Pasport natsional'nogo proekta / Prezidium Soveta pri Prezidente Rossijskoj Federatsii po strategicheskomu razvitiyu i natsional'nyim proektam (protokol ot 3 sentyabrya 2018 g. № 10). [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://mo.mosreg.ru/download/document/1524233> (data obrashheniya: 07.05.2019).

12. Talantliyve pervokursniki DVFU razvivayut soft skills na spetsial'nykh lektsiyakh i treningakh // Bajkal 24: Nauka. 27.10.2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://bajkal24-nauka.ru/article.php?type=news&id=8743> (data obrashheniya: 05.11.2018).

Горяченко Е. А. Практика индивидуализации обучения в Дальневосточном федеральном университете.

Индивидуализация обучения – одно из наиболее актуальных направлений трансформации института образования в XXI в.. В настоящий момент известно несколько мировых практик реализации принципа индивидуализации обучения, прежде всего в вузах Европы и Америки. Попытки российских вузов индивидуализировать обучение носят фрагментарный характер, касаясь, как правило, деятельности не всего вуза, а его отдельных структурных подразделений. Уникальность практики Дальневосточного федерального университета заключается в её масштабности: она охватила все ключевые подразделения данного вуза. В статье представлен анализ данных о результатах реализации принципа индивидуализации обучения студентов ДВФУ в I семестре 2018–2019 учебного года.

Ключевые слова: образование, принцип индивидуализации обучения студентов, университет, вуз, молодежь, трансформация института образования

Goryachenko E. A. Practice of individualization of education at the Far Eastern Federal University.

Individualization of education is one of the most relevant transformation areas of the Institute of Education in the 21st century. At the moment, there are several global practices in the implementation of the principle of education individualization, primarily in universities in Europe and America. Attempts by Russian universities to individualize education are fragmented referring, as a rule, not including to the activities of the entire university, and only its individual structural divisions. The uniqueness of the practice of the Far Eastern Federal University lies in its scale: it has covered all key divisions of this university.

Key words: education, principle of individualization of education, university, youth, transformation of the Institute of Education

Для цитирования: Горяченко Е. А. Практика индивидуализации обучения в Дальневосточном федеральном университете // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 3. С. 29–37. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-3/29-37

For citation: Goryachenko E. A. Practice of individualization of education at the Far Eastern Federal University // Oikumena. Regional researches. 2019. № 3. P. 29–37. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-3/29-37

УДК 316.23

Зубова О. Г., Костина Е. Ю., Машкина И. В.

География детства – новое исследовательское и образовательное направление в российской географической науке

География детства – это область, сформировавшаяся на стыке социальной и гуманитарной географии. Она включает в себя изучение мест и пространств жизни детей, характеризующихся на основе детского опыта, политики и этики [17]. География детства играет важную роль в понимании жизни детей, их социально-пространственной идентичности и повседневных практик. Гуманистическая география достигает понимания мира человека путём изучения его отношений с природой, географического поведения людей, их чувств и идей в отношении пространства и места [26]. Именно это позволило географии рассмотреть детей как отдельную социальную группу со своими собственными культурными и социальными характеристиками [17]. Географические исследования детей и методологические инновации в работе с детьми развиваются с 1970-х годов [18; 19; 20; 21]. Предпосылкой географического взгляда на детство стала глобализация, стирающая экономические, политические, социокультурные различия между регионами [15].

Исследования, проводимые в области географии детства, позволяют очертить основные проблемы, на изучение которых ориентируются современные исследователи. Так Трейси Скелтон к ним относит игру, работу, миграцию и мобильность детей [22]. Роджер Харт написал ключевую для данной области работу "Детский опыт места: развивающее исследование" [19]. В США под его руководством сложилась группа исследователей влияния окружающей среды на детей (Children`s Environments Research Group). Она занимается изучением политики в отношении детей, окружающей детей среды, прав детей и вопросов улучшения качества их жизни.

На базе Королевского географического общества с Институтом британских географов создана исследовательская группа географии детей, молодежи и семей (GCYFRG). Ее задача – повышение ценности географии детей, молодежи и семей в рамках академической географии и за ее пределами. Решая эту задачу, GCYFRG организует форум для обсуждения новых исследовательских направлений в географии детей, молодежи и семей; стимулирует критические дебаты по проблемам географии детей, молодежи и семей в пределах и за пределами географии; способствует налаживанию междисциплинарных научных связей, а также связей исследователей и преподавателей курсов. Особый интерес вызывают исследования GCYFRG независимых мобильностей детей-мигрантов, культурных конструкций детства коренных народов, находящихся в условиях высокой бедности и неравенства, детского труда, а также вопросы вовлечения детей в совместное со взрослыми планирование городской среды [23; 24; 25; 27]. На ежегодной конференции Королевского географического общества в конце августа этого года планируется подвести

© Зубова О. Г., Костина Е. Ю., Машкина И. В., 2019

ЗУБОВА Оксана Геннадьевна, канд. полит. наук, доцент социологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (г. Москва). **E-mail:** zubovaoksana@bk.ru

КОСТИНА Елена Юрьевна, канд. социол. наук, доцент департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** kostinaeu2000@mail.ru

МАШКИНА Ирина Валерьевна, учитель географии МОУ СОШ № 37 (г. Комсомольск-на-Амуре). **E-mail:** pushik73@mail.ru

определенную черту под проведенными к настоящему времени исследованиями в области географии детства. На конференции Трейси Скелтон представит серию книг, вышедших под ее редакцией, о географии детства, которые были изданы с 2016 по 2019 год, а также даст оценку исследованиям, проведенным за годы становления и развития данной субдисциплины. Совокупность исследований представлена в 12 томах:

1. Определение географии детей и молодежи;
2. Методологические подходы;
3. Космос, ландшафт и окружающая среда;
4. География идентичностей и субъектов;
5. Семьи, отношения между поколениями и группами сверстников;
6. Передвижение, мобильность и путешествия;
7. Политика, гражданство и права;
8. География глобальных проблем: изменения и угроза;
9. Играть, отдыхать, быть здоровым и благополучным;
10. Труд и обучение;
11. Конфликт, насилие и мир;
12. Риски, защита, обеспечение и политика.

География детства на современном этапе преодолевает дисциплинарные и территориальные границы, открывая новые горизонты исследований и формируя новые исследовательские команды. Ученых интересует уже не только вопрос создания и трансформации детьми пространства, но и вопросы эмпирической, политической, эстетической оценки пространства детей в мире, а также привлечения самих детей к исследованию их миров. В настоящее время исследователи активно погружены в проблемы гендерных, расовых и классовых детерминант устремлений и мобильностей детей и молодежи, чему будут посвящены специальные секции на предстоящей 28–30 августа 2019 г. конференции, которую проводит Королевское географическое общество.

В нашей стране развитие географии детства как нового исследовательского направления связано, с одной стороны, с особенностями географического образования в целом, начиная со школьных уроков географии и заканчивая вузовской подготовкой географов, а, с другой, с отношением к детям как к специфической социально-демографической общности, как правило, это отношение к детям как к социально незрелым, не готовым принимать участие в жизни общества. В рамках данной статьи мы остановимся на первом аспекте и проанализируем его в части возможностей, которые дает географическое образование для вписывания детей и детства в пространство географической науки.

Цель рассмотрения географии детства в пространстве российского географического образования распадается на две задачи: (1) анализ преемственности географического образования в системе "школа-вуз"; (2) выявление возможностей интеграции географии детства в школьные уроки географии и вузовскую образовательную подготовку.

Методы исследования

Для решения этих задач были использованы методы анализа учебных программ (школа, вуз) по географии, школьных и вузовских учебников, а также были проведены экспертные интервью с учителями-участниками IV Калининградского международного фестиваля "Балтийский регион России в XXI в.: траектория экономического, демографического и территориального развития" (N=3); групповые дискуссии с победителями конкурса географических проектов, школьниками-участниками географического фестиваля; интервью со студентами 2 курса, проходящими практику на базе музея Мирового океана; фокус-группа со студентами 1 курса, обучающимися в Российском университете дружбы народов, групповые дискуссии со студентами 4 курса, обучающимися на географических специальностях в Московском педагогическом государственном университете. Всего было опрошено 27 экспертов, среди них учителя, преподаватели вузов, ученые, организаторы международного географического фестиваля на базе БФУ имени И. Канта, проведено 6 фокус-групп со школьниками и студентами. Используемые методы позволили рассмотреть изучаемую проблему с точки зрения разных участников и решить поставленные исследовательские задачи.

Особенности географического образования в России

Основные проблемы системы географического образования в современном российском обществе связаны не только с уменьшением количества часов в школьной программе, методами преподавания [1], отставанием в возможностях привлечения и широкого использования информационных ресурсов и технологий [4], необходимостью создания условий для повышения квалификации школьных педагогов, но и недооценкой важности географических знаний и умений для общей подготовки современных специалистов, их непосредственной связи с реальными жизненными потребностями.

У современной молодежи складывается отношение к предмету географии как вторичному и архаичному, не связанному с получением необходимых практических навыков, востребованных в повседневной жизни, в частности, это умение и знание географической карты, ориентирование на местности, экологическая грамотность, системность мышления и т.д. Все это влияет на снижение уровня географической грамотности. Так, согласно данным ВЦИОМ, лишь 9% респондентов смогли правильно ответить на тестовую часть ЕГЭ по географии, 47% респондентов, участвовавших в опросе, не справились с данными заданиями и получили результат, приравнивающийся к неудовлетворительной оценке [3]. Образование не влияло на полученный результат, главными управляющими факторами оказались возраст и пол. Верные ответы больше давали мужчины, чем женщины, возрастная граница 35–59 лет. Возраст соотносит отвечающих с тем периодом получения географического образования, когда учащиеся еще "бредили подвигами полярников" и понимали ценность географии как науки.

Проведенные групповые дискуссии по проблеме интереса к географии и понимания важности географического образования со студенческой молодежью, закончившей недавно школу и выбравшей специальности, соотносящиеся с географией, и учащимися, участниками образовательных географических мероприятий, позволили выявить значимые проблемы, связанные с институциональными проблемами формирования естественнонаучной культуры в современной образовательной школьной системе.

Первая проблема касается того, что современные школьники не понимают, зачем им нужен такой предмет, как география. Только столкнувшись с конкретными ситуациями в реальной жизни, благодаря путешествиям (реальным и предполагаемым), они начинают осознавать важность получения элементарных географических знаний. В одном из интервью участница вспомнила следующий момент: "... У нас на курсе учится мальчик из Гватемалы. И когда мы встретились первый раз, и он сказал, что из Гватемалы, и мы такие всем курсом: "аааа... это где?". Сейчас мы знаем, что это центральная Америка. И это немножко неприятно, когда осознаешь свою глупость в таких простых вещах...". В том числе на это влияет ситуация завершенности, когда для современного человека уже открыт весь мир и кажется, что уже нет тех великих открытий, которые делали географию популярной наукой.

Второй блок проблем связан с преподаванием географии в школе, которые активно рассматриваются в научной литературе [6], а также подкрепляются полученными данными. В групповой дискуссии большинство участников, студентов первого курса РУДН, выбравших специальность, связанную непосредственно или косвенно с географией, не считали ее своим любимым школьным предметом, так же как и студенты, проходящие практику на базе Музея мирового океана. Приведем несколько наиболее ярких высказываний: *"...учителя слушали 2-3 человека, а все остальные быстро делали задания из учебника и в телефонах"; "я помню, как нам преподавали географию, и, если честно, не особо любила это предмет. У нас так было, что мы приходили, нам давали какую-то работу, мы ее делали, получали оценки, уходили. У нас не было взаимодействия между учениками. Такие были работы – напишите конспект, заполните карту. Вроде знаний немножко осталось, но интереса к предмету никакого нет"*.

Сами учителя подчеркивают системный характер науки и ее связи с другими предметами. *"География это такая наука, которая объединяет очень многое, много наук, не зря сказали, что химико-биологический профиль связан с географией, и многие другие науки, география древнейшая наука, которая создавалась не в тиши кабинета, а именно с познанием мира,*

историей, начиная с первобытнообщинного человека". Это удастся наглядно показать на совмещенных уроках, именно они (особенно ориентирование на местности), а также уроки, проведенные не за партой, а в музее, природных объектах, назывались как самые интересные и запоминающиеся.

Одним из возможных решений задачи повышения статуса географии как науки, изменения общественного мнения, привлечение новой молодежной аудитории, является тесное сотрудничество школ и профильных вузов, связанное с просветительской и профориентационной работой. Задачи по популяризации географии среди молодежи успешно решает деятельность кружков и школ юного географа на базе географических факультетов и вузов. Многие из этих Школ имеют уже давние традиции существования и развития. Так на географическом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова для старшеклассников с 1948 г. работает Школа юного географа (ЮНГ) [16]. Основной задачей ЮНГ является не только углублённое изучение географии и выявление исследовательских возможностей школьников, но и формирование у них экологического сознания и культуры. Обучение, как правило, рассчитано на 2–3 года и включает расширенное изучение всех разделов географии, в том числе и социально-экономической географии России и зарубежных стран, географии мирового хозяйства. Так, ЮНГ включает лекционные занятия по различным курсам первого года обучения студентов на данном факультете, например курс "История географических открытий". Обязательным компонентом работы школьников выступает научно-исследовательская деятельность.

Деятельность в системе "школа-вуз" осуществляется практически на всех крупнейших факультетах высших учебных заведений нашей страны, осуществляющих подготовку специалистов в области географии. Преподаватели стремятся сделать эту работу более увлекательной и разнообразной. На базе Томского государственного университета проводится географический образовательный квест для учащихся 10–11 классов. Участники определяли объекты по космическим снимкам и соотносили линии поперечных профилей рельефа на карте с предложенными; определяли страну по контуру; сопоставляли страну и ее достопримечательности; расшифровывали географические объекты и др.

Специфические функции, связанные с образованием и компенсацией пробелов получаемых географических знаний, могут выполнять естественно-научные центры и музеи. Например, в Калининграде – это крупнейший в России музей Мирового океана [10]. Основной особенностью педагогической деятельности в Музее Мирового океана является ориентация на естественные науки, краеведение и водный спорт. Музей предлагает учебным заведениям целый спектр культурно-образовательных услуг и самые разные формы взаимодействия: предоставление выставок в школы и проведение занятий; разнообразные экскурсионные маршруты, в том числе и по открытой территории; ролевые игры. В рамках проекта "Один день в Музее" для учащихся начальной, основной школы и старших классов, музей предлагает возможность познакомиться с конкретными темами школьной программы в экспозициях музея. В течение одного дня можно освоить несколько тем на занятиях, включающих разные дисциплины. По географии программа проходит для 5–11 классов и включает темы великих географических открытий и исследований, взаимодействия человека и Океана, взгляд на Землю из космоса и ее строение, историю заселения, Юго-Восточную Азию, географию Калининградской области, погоду и климат, природу и человека в современном мире. Выбранные темы можно совместить с другими дисциплинами, что позволяет наглядно увидеть межпредметные пересечения и связи. Таким образом, музей помогает повышать интерес учащихся к предметам и мотивировать их к самообразованию. Для кого-то сама площадка музея становится фактором, способствующим увлечению естествознанием и оказывающим влияние на выбор будущей профессии.

Значительную роль в популяризации географии, привлечении молодежи к исследовательской деятельности, связанной с географическими знаниями, играет Русское географическое общество [12].

Совместно с Минобрнауки России и Минпросвещения России эта общественная организация по поручению В. В. Путина разрабатывает предложе-

ния по созданию при образовательных организациях высшего образования центров изучения географии в рамках реализации национального проекта "Образование", а также вносит предложения по реализации мер, направленных на повышение качества преподавания географии [11]. Таким образом, решается важная задача повышения качества и престижности географического образования в современном российском обществе, а также идет привлечение новых молодых исследователей в области географии и смежных дисциплин.

Анализ школьных и вузовских программ географического образования

Одной из гипотез настоящего исследования стало предположение о том, что включение в учебные курсы тем, связанных с детьми и молодежью, будет способствовать повышению мотивации к изучению географии. Поэтому школьные и вузовские учебники были проанализированы на предмет наличия в географическом пространстве детей и молодежи.

В основной школе учащиеся изучают следующие курсы географии:

1) Начальный курс физической географии (5–6 класс), в котором рассматриваются такие темы, как "Развитие географических знаний о Земле", "Изображение земной поверхности", "Земля – планета Солнечной системы", "Оболочки Земли (литосфера, гидросфера, атмосфера, биосфера, географическая оболочка)".

2) География материков и океанов (7 класс), в которой изучаются темы: "Главные закономерности природы Земли", "Человек на планете Земля", "Многоликая планета (изучение особенностей океанов и материков)".

3) География России (8–9 классы). Основные темы: "Географическое пространство России", "Природа России", "Население России", "Хозяйство России", "Районы России".

Для рассмотрения были взяты учебные программы по географии для основной школы (5–9 классы) линии УМК "Сферы" издательства "Просвещение" (авторы В. П. Дронов и Л. Е. Савельева) [2].

На ступени среднего общего образования (10–11 классы) изучение географии предусматривает два уровня: базовый и углубленный. Для анализа этой ступени были взяты авторские программы В. П. Максаковского и В. Н. Холиной [9; 15].

На ступени основного общего образования в курсах географии сведения о детстве, детях, представлены в основном в темах, раскрывающих вопросы социальной географии "Человек на планете Земля" (7 класс) и "Население России" (8 класс). В данных темах информация в основном представлена в виде статистических данных при изучении особенностей естественного движения населения и возрастного состава населения. Более разнообразно изучаются данные вопросы в 9 классе, где рассматриваются такие понятия, как качество населения, качество жизни, индекс человеческого развития, трудовые ресурсы, экономически активное население, доступность образования, доступность рабочих мест. Здесь у школьников появляется возможность соотнести свои образовательные запросы и планы с уровнем жизни населения в своем регионе. Некоторые статистические данные о численности и естественном движении населения приводятся и в темах, посвященных изучению отдельных стран. В теме "Глобальные проблемы человечества" рассматривается качество жизни человека, в т. ч. детей в различных регионах мира.

В 8 классе в теме "Природно-хозяйственные зоны" изучаются природно-хозяйственные зоны России (арктические пустыни, тундра, лесотундра, тайга, смешанные и широколиственные леса, лесостепь, степь, полупустыни и пустыни умеренного пояса). При изучении каждой из природно-хозяйственных зон предусмотрено время на знакомство с особенностями жизни населения в условиях данной зоны: численность, плотность, показатели естественного и миграционного прироста, возрастной состав, продолжительность жизни. В 9 классе в теме "Районы России" изучается 9 комплексов географических районов России: Европейский Север, Европейский Северо-Запад, Центральная Россия, Европейский Юг, Поволжье, Урал, западная Сибирь, Восточная Сибирь, Дальний Восток. При этом из 32 часов девять уроков посвящены изучению населения каждого из регионов, где раскрываются особенности насе-

ления данного района: численность, плотность, показатели естественного и миграционного прироста, возрастной состав, продолжительность жизни.

К сожалению, в данных темах доминирует статистическая информация, которая не всегда позволяет составить полную характеристику особенностей жизни детей в том или ином регионах мира. Однако авторами программы продуманы практические работы и задания, носящие личностно значимый характер. Например, в теме "Часовые зоны" предлагается соотнести, виды занятий детей, живущих в разных частях России, в одно и то же время. В 8 классе школьникам предлагается дискуссия о мерах демографической политики России и т.д.

При изучении географии на ступени среднего общего образования на базовом уровне, отдельным блоком в теме "Население мира" рассматриваются важнейшие вопросы социальной географии:

- ◆ статистические показатели рождаемости, смертности, естественного прироста в странах и регионах мира и их динамика;
- ◆ причины, влияющие на рождаемость, смертность, естественный прирост;
- ◆ распределение населения стран мира по возрастам. Доля людей моложе 15 лет.

Данные вопросы напрямую касаются детского населения стран, т. к. устанавливается взаимосвязь между количественным показателем численности детей и типом воспроизводства населения. Кроме этого, вопросы населения (в т. ч. детского) рассматриваются в разделе "Региональная характеристика мира", в котором при изучении отдельных социально-экономических регионов мира дается характеристика населения, говорится о качестве жизни населения.

При изучении географии в 10–11 классе на углубленном уровне вопросы социальной географии вынесены в отдельную тему "Население и культура", в которой помимо основных понятий и статистических данных рассматриваются методы демографических исследований, большое внимание уделяется изучению возрастного состава регионов мира. Косвенно вопросы детства затрагиваются в темах "Политическая карта мира", "Богатство и бедность стран", "Урбанизация", "Региональное и социальное неравенство", где большое внимание уделяется изучению качества населения регионов мира, деятельности международных организаций, защищающих интересы детей и др.

Таким образом, можно заметить, что ни один курс школьной географии не рассматривает тему географии детства в полной мере. Данные вопросы "размыты" в темах, освещающих проблемы социальной географии, где в основном речь идет о населении в целом. Однако в каждом курсе школьной географии есть возможности рассматривать вопросы детства, детей через проведение практических занятий, использование проектных технологий, составление практико-ориентированных заданий с опорой на личный опыт учащихся.

Для анализа вузовских программ географической подготовки были отобраны следующие российские университеты: Московский государственный университет им. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет, Российский государственный педагогический университет им. Герцена, Воронежский государственный университет, Томский государственный университет. Исследовалась информация, размещенная на официальных сайтах вузов и их географических факультетах/институтах. В качестве ключевых позиций исследовательского поиска были выделены – название бакалаврских профилей и магистерских программ, учебные планы направления подготовки 05.03.00 и 05.04.00, рабочие планы учебных дисциплин. Данные позиции позволяли определить, в какие модули и циклы учебной подготовки могла бы вписаться география детства и молодежи.

Были выделены магистерские программы СПбГУ "Геоурбанистика", РПГУ им. Герцена "Природопользование и территориальная организация общества", "Геоэкология природной, антропогенной и социокультурной среды", "Образовательный туризм" и профиль подготовки бакалавров "Экономическая и социальная география", который реализуется почти всеми рассматриваемыми вузами.

Отдельно на сайтах осуществлялся поиск информации, направленной на популяризацию географических знаний среди школьников. Стоит отметить, что сайты высших образовательных учреждений ориентированы, главным образом, на абитуриентов и студентов. Первая группа потребителей может найти информацию о поступлении. Для студентов разных уровней подготовки размещена информация об организационных моментах обучения (расписание, практики и т.д.).

Изучение сайтов географических факультетов/институтов обнаружило две проблемы. Первая проблема – проблема скрытости образовательных ресурсов. На большинстве сайтов найти учебные планы у нас не получилось, хотя по требованиям, которые предъявляются вузам, они должны быть там представлены. Вторая проблема (особенность) сайтов – их ориентация на поступление, а не на популяризацию географии и географического образования.

При подготовке студентов географических специальностей в зависимости от направления для изучения предлагается несколько дисциплин, затрагивающих вопросы населения, – это география населения, экономическая и социальная география России, экономическая и социальная география мира, экономическая и социальная география зарубежных стран. В этом прослеживается преемственность школьного и вузовского образования.

Для анализа обратимся к следующим учебным пособиям и учебникам для вузов: Максаковский В. П. Географическая картина мира. Кн. I: Общая характеристика мира [9]; Максаковский В. П. Географическая картина мира. Кн. II: Региональная характеристика мира [8]; Исаченко А. Г. Теория и методология географической науки: Учеб. для студ. Вузов [4]. В таблице 1 представлены результаты анализа этих трех учебников.

Таблица 1
Информация о детстве (детях) в учебниках и пособиях для вузов

№ № п/п	Проблема / вопрос	Максаковский Владимир Павлович, Географическая картина мира. Пособие для вузов Кн. I: Общая характеристика мира. Глобальные проблемы человечества [9]	Максаковский Владимир Павлович, Географическая картина мира. Пособие для вузов Кн. II: Региональная характеристика мира [8]	Исаченко Анатолий Григорьевич, Теория и методология географической науки [4]
1	Дети в структуре населения	Раскрываются вопросы географии населения. Приведены статистические данные естественного движения населения, динамика численности населения, подробно описан возрастной состав населения, особенности демографических процессов, демографической политики. Отдельно автор дает прогноз изменения численности населения Земли (будущее демографического взрыва)	Дается характеристика населения (в том числе детского), приводятся статистические данные в различных регионах мира	Приводятся статистические данные динамики численности населения мира в XX-XXI веке, устанавливается связь между ростом численности населения Земли и глобальными проблемами человечества, в т.ч. демографической
2	Качество жизни детей	Рассматривается, качество жизни человека, в т.ч. детей в различных регионах мира, как на них влияют глобальные проблемы.	Говорится о качестве жизни населения, в том числе и детского, в различных регионах мира.	Данные отсутствуют

Таким образом, вузовские пособия и учебники географии (так же, как и учебники школьного курса) не содержат отдельных глав, разделов, которые были бы посвящены детству (детям). Информация о детях и молодежи, как правило, представлена в теме "География населения", где приводятся статистические данные естественного движения населения, структура возрастного состава и особенности демографической политики стран/регионов. При изучении США отдельно выделен параграф "География науки", в котором имеются сведения о крупнейших университетах США.

География детства и школьные уроки географии

По результатам групповых дискуссий со студентами 4 курса, обучающимися на географических специальностях в Московском педагогическом государственном университете, и фокус-группы со студентами 1 курса, обучающимися в Российском университете дружбы народов, эмпирические данные были объединены в следующие блоки: "география детства – это..."; "значение географии детства для взрослого и для ребенка", "темы по географии детства в школьных программах".

Ответы первого блока позволяют обозначить два основных подхода к пониманию географии детства. Первый связан с преподаванием географии в школе, повышением мотивации школьников к получению географических знаний. Второй – с миром детства, его картированием, вписанностью мира детства в мир взрослых.

География детства – это..:

- "исследование, направленное на повышение интереса у детей к предмету география";
- "изучение потребности детей в географических знаниях";
- "процесс познания своего происхождения, окружающей местности (родины, места, где ты провел детство)";
- "мир, окружающий ребенка, который он познает каждый день; мир, в котором он должен ориентироваться, существовать и развиваться";
- "комплекс знаний об окружающем мире, который получают дети в раннем возрасте, и это способствует развитию в ребенке любопытства";
- "адаптированное для детей изучение окружающего мира";
- "для каждой страны география детства должна быть своя, основанная на особенностях страны (менталитет, природные условия, географическое положение)";
- "география детства не имеет отношения к географии, это путь становления, развития ребенка".

Значение географии детства для взрослого и для ребенка несет разные смыслы. В первом приближении, география детства помогает ребенку развиваться, а взрослый способствует этому развитию, направляет и координирует действия ребенка. Если же двигаться дальше, то география детства дает возможность для "преодоления разрывов детского и взрослого миров"[11], помогает детям и взрослым понять друг друга, выработать общий язык в географическом пространстве:

- "ребенку – для расширения кругозора, взрослому – в качестве предмета исследования";
- "ребенку – для саморазвития. Каждый человек должен знать свои корни. Все эти знания закладываются в детстве и пригодятся для того, чтобы их потом передать будущему поколению".
- "Ребенку нужна для того, чтобы разбираться в местности, не теряться в лесу, с компасом, движухи всякие делать, взрослому – чтобы знать, где отдыхать".
- "Сравнение географической картины мира ребенка и взрослого".
- "Чтобы ребенок и взрослый могли говорить на одном языке".
- "Ребенку – для познания мира, взрослому – чтобы направлять ребенка в его процессе познания мира интересными и разнообразными способами (путешествия, работа с приборами, проведение экспериментов)".
- "Для познания ребенком окружающего мира с помощью собственного опыта".

Интересные ответы были получены на вопрос о том, какие темы, связанные с географией детства, можно было бы добавить в школьные учебники

географии. Помимо тем студенты-участники исследования говорили также о способах работы с материалом на школьных уроках, новых форматах работы, приводили примеры конкретных заданий и пр.:

- "урок, посвященный изучению родных городов детей";
- "география парков, аттракционов (любых других мест, интересных детям)";
- "мультфильмы на географические темы";
- "как проходит детство в других странах мира (например, от рождения до школы, как воспитывают детей, методы, которые используют родители; как дети проводят свободное время в школе)";
- "рубрика "Учимся исследовать" с маленькими географами";
- "нужно менять не темы, а построение урока, урок должен проходить интересно";
- "походы и географические фильмы";
- "больше визуализации";
- "больше творческих и практических работ";
- "вносить только современные и актуальные данные и знания";
- "восприятие мира глазами ребенка";
- "география на бытовом уровне";
- "нарисуй карту/схему того, каким ты видел мир в детстве?";
- "география в моей жизни, география моего двора";
- "в курс 7-го класса – темы, связанные с воспитанием, развитием детей в разных странах, в курс "География России" (8–9 кл.) – аналогичные темы, связанные с воспитанием в России, проблемами воспитания".

Студенты, в особенности студенты из МПГУ, имеющие опыт преподавания в школах, открыли разные смыслы географии детства. Преимущественно эти смыслы группируются вокруг трех тем: "дети и взрослые", "школьные уроки географии" и "особый взгляд на мир ребенка". Темы, связанные с географией детства, интегрированные в школьные и вузовские учебники по географии, могли бы помочь "взглянуть на мир глазами ребенка", сделать школьные уроки географии более интересными, практико-ориентированными.

Заключение

Изучение перспектив географического образования в нашей стране с точки зрения развития нового исследовательского и образовательного направления – география детства (география детей и молодежи) – позволило обозначить ресурсы и риски системы "школа-вуз".

Риски географического образования на сегодняшний день связаны с оторванностью географических знаний от практики, от повседневной жизни детей и молодежи. Также они связаны с устаревшими форматами работы в рамках школьно-урочной системы, сложностью организации занятий вне школы. Вузы слабо ориентированы на популяризацию географических знаний среди населения в целом и среди детской аудитории в частности.

География детства дает ресурс для преемственности географического образования в системе "школа-вуз" через выделение тем, связанных с детьми и молодежью, формирование новых исследовательских/образовательных направлений для школ юного географа, исследовательских лабораторий. Также география детства – это ресурс для междисциплинарной интеграции знаний, в т. ч. через совмещенные уроки в школе (география – обществознание, география – литература и пр.). География детства также может способствовать повышению заинтересованности детей в школьных уроках географии, поскольку предполагает включение тем повседневности детей, тем мест и объектов, интересных детям. На макросоциальном уровне география детства дает ресурс для преобразования картины мира детства, преодоления разрывов между мирами детей и взрослых, формирования отношения общества к детям как к актерам, со-конструкторам социальной реальности.

Анализ школьных и вузовских учебников и учебных пособий по географии показал включение тем, связанных с детьми/детством разных стран, разных народов и т.п. через статистические данные. Эти данные можно разнообразить за счет нового материала, собранного с участием детей (география двора, география детского досуга).

В российской географической науке на данный момент можно констатировать невидимость детей, отсутствие интереса к детям как специфической социально-демографической общности.

Литература

1. Аникина В. П. Актуальные проблемы преподавания географии при переходе на ФГОС // Научно-методический электронный журнал "Концепт". 2017. Т. 30. С. 9–11. [Электронный ресурс]. URL: <http://e-koncept.ru/2017/770953.htm>. (дата обращения 03.07.2019).
2. География. Рабочие программы. Предметная линия учебников "Сферы". 5–9 классы: пособие для учителей общеобразоват. учреждений / В. П. Дронов, Л. Е. Савельева. М.: Просвещение, 2011. 176 с.
3. ЕГЭ по географии, тестируем россиян. [Электронный ресурс]. URL: <https://wsiom.ru/index.php?id=236&uid=2312> (дата обращения 04.07.2019).
4. Исаченко А. Г. Теория и методология географической науки: Учеб. для студ. вузов. М.: Издательский центр "Академия", 2004. 400 с.
5. Камерилова Г. С., Картавых М. А. Информатизация географического образования как ведущий вектор его развития // География в школе 2018. № 5. С. 26–32.
6. Лобжанидзе А. А. Проблемы современного школьного географического образования // География в школе. 2013. № 3. С. 29–36.
7. Максаковский В. П. География. Учебник для общеобразовательных организаций. Базовый уровень. 10–11 классы. М.: Просвещение, 2018. 416 с.
8. Максаковский В. П. Географическая картина мира. Кн. II: Региональная характеристика мира. М.: Дрофа, 2009. 480 с.
9. Максаковский В. П. Географическая картина мира. Кн. I: Общая характеристика мира. М.: Дрофа, 2008. 495 с.
10. Музей Мирового океана. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.world-ocean.ru/> (дата обращения: 2.07.2019 г.).
11. Перечень поручений Президента В. В. Путина по вопросам популяризации географии от 15 мая 2019. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/60537> (дата обращения 17.08.2019).
12. Русское географическое общество. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rgo.ru/ru> (дата обращения 17.08.2019).
13. Филипова А. Г. Социальная защита детства в современной России. Монография. СПб.: Астерлин, 2012. 280 с.
14. Филипова А. Г., Ракитина Н. Э., Купряшкина Е. А. Новые исследовательские ориентации в социологии детства // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 86–93.
15. Холина В. Н. География. Профильный уровень. 10–11 кл. Книга для учителя. М.: Дрофа, 2015. 320 с.
16. Школа юного географа. [Электронный ресурс] URL: <http://www.younggeo.ru/> (дата обращения: 2.07.2019 г.).
17. Aitken S. C. Children's geographies: tracing the evolution and involution of a concept // *Geographical Review*. January 2018. № 108 (1). P. 3–23.
18. Golledge R. G., Smith T. R., Pellegrino J. W., Doherty S., Marshall S. P. A conceptual model and empirical analysis of children's acquisition of spatial knowledge // *Journal of Environmental Psychology*. 1985 № 5. P. 125–152.
19. Hart R. Children's experience of place. NY: Irvington Publishers, 1979. 518 p.
20. Katz C., Monk, J. Full circles: geographies of women over the life course. London: Routledge, 1993. 332 p.
21. Katz C. Textures of global changes: eroding ecologies of childhood in New York and Sudan. // *Childhood*. 1994. № 2. P. 103–110.
22. Skelton T. Geographies of Children: Play, Work, Mobilities and Migration // *Geography Compass*. 2009. № 3. P. 1430–1448.
23. Skelton T. Geographies of children, young people and families in Asia // *Children's Geographies*. 2012. Volume 10. Issue 4. P. 473–479.
24. Skelton T. Young People, Children, Politics and Space: A Decade of Youthful Political Geography Scholarship 2003–13 // *Space and Polity*. 2013. Volume 17. Issue 1. P. 123–136.
25. Skelton T. Youthful geographies: from Cool Places to hyper-dynamic Asia // *Children's Geographies*. 2019. Volume 17. Issue 1. P. 24–27.
26. Tuan Y.-F. Humanistic geography // *Annals of the Association of American Geographers*. 1976. Volume 66. № 2. P. 266.
27. Ward C. The Child in the City. London: Architectural Press, 1978. 221 p.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Anikina V. P. Aktual'nye problemy prepodavaniya geografii pri perekhode na FGOS // Nauchno-metodicheskij ehlektronnyj zhurnal "Kontsept". 2017. T. 30. S. 9–11. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://e-koncept.ru/2017/770953.htm>. (data obrashheniya 03.07.2019).
2. Geografiya. Rabochie programmy. Predmetnaya liniya uchebnikov "Sfery". 5–9 klassy: posobie dlya uchitelej obshheobrazovat. uchrezhdenij / V. P. Dronov, L. E. Savel'eva. M.: Prosveshhenie, 2011. 176 s.
3. EGEH po geografii, testiruem rossiyan. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=2312> (data obrashheniya 04.07.2019).
4. Isachenko A. G. Teoriya i metodologiya geograficheskoy nauki: Ucheb. dlya stud. vuzov. M.: Izdatel'skij tsentr "Akademiya", 2004. 400 s.
5. Kamerilova G. S., Kartavykh M. A. Informatizatsiya geograficheskogo obrazovaniya kak vedushhij vektor ego razvitiya // Geografiya v shkole 2018. № 5. S. 26–32.
6. Lobzhanidze A. A. Problemy sovremennoogo shkol'nogo geograficheskogo obrazovaniya // Geografiya v shkole. 2013. № 3. S. 29–36.
7. Maksakovskij V. P. Geografiya. Uchebnik dlya obshheobrazovatel'nykh organizatsij. Bazovyy uroven'. 10-11 klassy. M.: Prosveshhenie, 2018. 416 s.
8. Maksakovskij V. P. Geograficheskaya kartina mira. Kn. II: Regional'naya kharakteristika mira. M.: Drofa, 2009. 480 s.
9. Maksakovskij V. P. Geograficheskaya kartina mira. Kn.I: Obshhaya kharakteristika mira. M.: Drofa, 2008. 495 s.
10. Muzej Mirovogo okeana. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.world-ocean.ru/> (data obrashheniya: 2.07.2019 g.).
11. Perechen' poruchenij Prezidenta V. V. Putina po voprosam populyarizatsii geografii ot 15 maya 2019. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/60537> (data obrashheniya 17.08.2019).
12. Russkoe geograficheskoe obshhestvo. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.rgo.ru/ru> (data obrashheniya 17.08.2019).
13. Filipova A. G. Sotsial'naya zashhita detstva v sovremennoj Rossii. Monografiya. SPb.: Asterlin, 2012, 280 s.
14. Filipova A. G., Rakitina N. EH., Kupryashkina E. A. Novye issledovatel'skie orientatsii v sotsiologii detstva // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2018. № 3. S. 86–93.
15. Kholina V. N. Geografiya. Profil'nyj uroven'. 10-11kl. Kniga dlya uchitelya. M.: Drofa, 2015. 320 s.
16. SHkola yunogo geografa. [EHlektronnyj resurs] URL: <http://www.younggeo.ru/> (data obrashheniya: 2.07.2019 g.).
17. Aitken S. C. Children's geographies: tracing the evolution and involution of a concept // Geographical Review. January 2018. № 108 (1). P. 3–23.
18. Golledge R. G., Smith T. R., Pellegrino J. W., Doherty S., Marshall S. P. A conceptual model and empirical analysis of children's acquisition of spatial knowledge // Journal of Environmental Psychology. 1985 № 5. P. 125–152.
19. Hart R. Children's experience of place. NY: Irvington Publishers, 1979. 518 p.
20. Katz C., Monk, J. Full circles: geographies of women over the life course. London: Routledge, 1993. 332 r.
21. Katz C. Textures of global changes: eroding ecologies of childhood in New York and Sudan. // Childhood. 1994. № 2. P. 103–110.
22. Skelton T. Geographies of Children: Play, Work, Mobilities and Migration // Geography Compass. 2009. № 3. P. 1430–1448.
23. Skelton T. Geographies of children, young people and families in Asia // Children's Geographies. 2012. Volume 10. Issue 4. P. 473–479.
24. Skelton T. Young People, Children, Politics and Space: A Decade of Youthful Political Geography Scholarship 2003-13 // Space and Polity. 2013. Volume 17. Issue 1. P. 123–136.
25. Skelton T. Youthful geographies: from Cool Places to hyper-dynamic Asia // Children's Geographies. 2019. Volume 17. Issue 1. P. 24–27.
26. Tuan Y.-F. Humanistic geography // Annals of the Association of American Geographers. 1976. Volume 66. № 2. P. 266.
27. Ward C. The Child in the City. London: Architectural Press, 1978. 221 r.

Зубова О. Г., Костина Е. Ю., Машкина И. В. География детства – новое исследовательское и образовательное направление в российской географической науке.

В статье представлены результаты эмпирического исследования географии детства как нового исследовательского и образовательного направления в нашей стране. Статья структурирована в соответствии с задачами анализа преемственности географического образования в системе "школа-вуз" и выявления возможностей интеграции географии детства в школьные уроки географии и вузовскую образовательную подготовку. Методами сбора данных стали метод анализа учебных программ (школа, вуз) по географии, школьных и вузовских учебников, серия экспертных интервью, фокус-групп и групповых дискуссий. Изучение перспектив географического образования в нашей стране с точки зрения развития нового исследовательского и образовательного направления – география детства (география детей и молодежи) – позволило обозначить ресурсы и риски в этой области.

Ключевые слова: *география, география детства, дети в фокусе географической науки, популяризация географии, география детям*

Zubova O. G., Kostina E.YU., Mashkina I. V. Geography of Childhood – a New Research and Educational Direction in Russian Geographical Science.

The article presents the results of empirical research of the geography of childhood as a new research and educational direction in our country. The article is structured in accordance with the tasks of analyzing the continuity of geographical education in the system of "school-university" and identifying opportunities for the integration of geography of childhood in school geography lessons and university education. The methods of data collection were the method of analysis of curricula (school, university) on geography, school and university textbooks, a series of expert interviews, focus groups and group discussions. Studying the prospects of geographical education in our country from the point of view of development of a new research and educational direction - geography of childhood (geography of children and youth) allowed to identify resources and risks in this area.

Key words: *geography, geography of childhood, children in the focus of geographical science, popularization of geography, geography of children*

Для цитирования: Зубова О. Г., Костина Е. Ю., Машкина И. В. География детства – новое исследовательское и образовательное направление в российской географической науке // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 3. С. 38–49. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-3/38-49

For citation: Zubova O. G., Kostina E. Yu., Mashkina I. V. Geography of Childhood – a New Research and Educational Direction in Russian Geographical Science // Oikumena. Regional researches. 2019. № 3. P. 38–49. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-3/38-49

УДК 316.4

Абросимова Е. Е., Бухтиярова И. Н., Филипова А. Г.

Участие детей в решении вопросов, затрагивающих их интересы: анализ региональных образовательных мероприятий и материалов СМИ

Введение

Участие детей в решении вопросов, затрагивающих их интересы, – тема, активно разрабатываемая зарубежными исследователями. Партисипаторные практики применительно к детям из разных регионов исследуют Т. N. Cockburn (Англия), К. Pells (Руанда), А. Twum-Danso (Гана), S. White and S. Choudhury (Бангладеш) и др. Детское участие в разных областях представлено в работах L. Chawla, К. Malone, Н. Matthews, М. Limb, М. Taylor, Н. Zeiher, L. Karsten (дети и город, детские мобильности); С. Feinstein, А. Giertsen, С. O’Kane (детское участие в вооруженных конфликтах и пост-конфликтном урегулировании); О. Nikitinaden-Besten, J. Horton, Р. Krafl, Р. Adey (детское участие в решении школьных вопросов). Публикации К. Martin, А. Franklin, А. Dadich отражают особенности участия детей и молодых людей с ограниченными возможностями здоровья.

Большое количество методической литературы (брошюр, гайдов, руководств) было выпущено UNICEF, уполномоченными по правам ребенка и министерствами социального развития разных стран: "Save the children", "Involving children in decision making", "A journey in children’s participation" и др.

В России накоплен определенный опыт оценки детского участия и деятельности по включению детей (И. Е. Калабахина, О. В. Кучмаева, С. В. Кочнев, Н. В. Васильева, В. А. Одинокова, М. М. Русакова и др.), а научной школой С. Н. Майоровой-Щегловой развивается концепция социального конструирования детства. Авторским коллективом под руководством И. Е. Калабахинной [4] проведено исследование моделей участия детей в процессах принятия решений по вопросам, затрагивающим их интересы, в двух российских городах, присоединившихся к инициативе ЮНИСЕФ "города, доброжелательные к детям" – Москве и Краснодаре. Исследователи отмечают, с одной стороны, разнообразие перечня направлений городской жизни, по которым привлекаются дети: спорт, культура, досуг, социальная реклама, социальная помощь нуждающимся, охрана окружающей среды и городское планирование, с другой – фиксируют проблемы доступности информации для детей, патерналистских установок участвующих взрослых, создания элитных групп "детей-профессионалов", заниженных ожиданий от участия детей, массовой пассивности детей и др.

© Абросимова Е. Е., Бухтиярова И. Н., Филипова А. Г., 2019

АБРОСИМОВА Евгения Евгеньевна, младший научный сотрудник Центра научных исследований, проектов и программ Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (г. Владивосток). **E-mail:** gajjony@mail.ru

БУХТИЯРОВА Ирина Николаевна, канд. пед. наук, старший преподаватель Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (г. Москва). **E-mail:** ira_irina@mail.ru

ФИЛИПОВА Александра Геннадьевна, д-р социол. наук, доцент, зав. лабораторией комплексных исследований детства Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (г. Владивосток). **E-mail:** alexgen77@list.ru

В российской теории и практике темы, связанные с участием детей в решении вопросов, затрагивающих их интересы, находятся в основном в плоскости семейного права. Ребенок рассматривается как субъект семейных правоотношений в работах М. В. Антокольской, Л. М. Пчелинцевой, Г. К. Матвеевой, И. А. Михайловой, Л. Ю. Михеевой, О. Ю. Косовой, И. М. Кузнецовой и др.). Право ребенка выразить свое мнение, права детей в сфере охраны здоровья, право ребенка на имя – И. Г. Король [6]. Большой интерес представляют работы А. М. Нечаевой, посвященные семейно-правовому статусу ребенка и учету его мнения [10].

Из относительно недавних работ, посвященных проблеме детского участия в решении проблем, затрагивающих их интересы, можно отметить исследование М. В. Матвеевой [7]. В своей диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук автор поднимает проблему соблюдения прав ребенка сквозь призму гражданских и семейных правоотношений и указывает на целый ряд проблем в сфере законодательного закрепления, практического осуществления и доктринального осмысления прав ребенка в Российской Федерации.

Выход за пределы семейного права, осмысление участия детей в решении вопросов в более широком контексте с включением разных форм гражданской активности, в т. ч. в формате деятельности детских общественных организаций, детских советов, органов школьного самоуправления были вызваны в нашей стране принятием такого важного государственного документа как Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 гг. (далее Нацстратегия). Она была утверждена Указом Президента России 1 июня 2012 г.. Ее целью стало определение основных направлений и задач государственной политики в интересах детей. Всего в Нацстратегии были выделены 6 разделов: 1. Семейная политика детства/воспитания. 2. Доступность качественного обучения и воспитания, культурное развитие и информационная безопасность детей; 3. Здравоохранение, дружественное к детям, и здоровый образ жизни; 4. Равные возможности для детей, нуждающихся в особой заботе государства; 5. Создание системы защиты и обеспечения прав и интересов детей и дружественного к ребенку правосудия; 6. Дети – участники реализации Национальной стратегии.

В России сложилась необходимая правовая основа для организации детского участия: ратифицирована Конвенция о правах ребенка, приняты законы: "Об основных гарантиях прав ребенка в РФ" № 124 от 24.07.1998, "Об образовании" № 273 от 29 декабря 2012 г., "О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений" ФЗ № 98 от 28 июня 1995 г.

Однако концепция детского участия испытывает трудности в реализации по причинам "презумпции незрелости ребенка", нарушения баланса заботы взрослых и детской активности, формализации практик детского участия, а также неразработанности форм и индикаторов детского участия с учетом российского контекста. Так, в Национальной стратегии действий в интересах детей в разделе VI "Дети – участники реализации Национальной стратегии" выделен всего 1 показатель оценки успешности против 105 показателей предыдущих пяти разделов [5].

На основании положений Нацстратегии субъектами РФ были разработаны региональные программы по ее реализации. В данных программах среди прочих был выделен ряд мероприятий в рамках раздела 6, связанного с участием детей.

Целью настоящего исследования является анализ региональных образовательных мероприятий и материалов СМИ, направленных на реализацию участия детей в решении вопросов, затрагивающих их интересы.

Под региональными образовательными мероприятиями понимаются мероприятия в области просвещения, информирования и подготовки детей и взрослых к участию в решении вопросов, затрагивающих их интересы.

Методология и методы

Эмпирическими материалами для анализа региональных образовательных мероприятий в части детского участия послужили две группы источников: (1) региональные отчеты о реализации Нацстратегии; (2) публикации региональных СМИ.

Итоговые доклады о реализации Нацстратегии в разрезе субъектов Российской Федерации опубликованы на специализированном сайте – Мониторинг реализации национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг. [8]. Всего было проанализировано 86 региональных материалов для подготовки итоговых докладов о реализации Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг. Следует отметить, что трудности анализа определялись, в первую очередь, разным форматом представления информации. Следует заметить, что объемы отчетов колебались в диапазоне от 3 страниц до 231 страницы. В 15-ти региональных материалах раздел 6 "Дети-участники" отсутствовал.

Сбор публикаций региональных СМИ осуществлялся с использованием поисковых функций информационно-аналитической системы "Интегрум", представляющей на сегодняшний день крупнейший архив СМИ в России, который включает более 60 000 источников, собранных с начала 1990-х годов до настоящего времени. Поиск производился среди баз данных полных текстов центральных и региональных газет и журналов, Интернет-СМИ, в текстах законов и постановлений, фондов библиотек и др. Были отобраны СМИ всех регионов, представляющих восемь Федеральных округов России. Для поиска использовались следующие ключевые фразы: "участие детей в решении", "дети-участники реализации Национальной стратегии".

Результаты изучения региональных отчетов

Предварительный анализ региональных материалов для подготовки итоговых докладов о реализации Национальной стратегии действий в интересах детей позволил выделить две формы работы с детьми – элитарные и массовые. Массовые мероприятия – это мероприятия, ориентированные на большое количество детей, а также не требующие их специальной подготовки [3]. К ним мы отнесли слеты, конференции, форумы. Однако напрямую данные мероприятия, как правило, не связаны с детским участием. Они ориентированы, в основном, на развитие личностных качеств детской аудитории и на образование в сфере самопрезентации и коммуникации.

В качестве примеров успешной реализации мероприятий, направленных на популяризацию и развитие форм детского участия, можно выделить форум "Участие детей в принятии решений, затрагивающих их интересы во всех сферах деятельности" (Белгородская область); краевой детский форум "Голос каждого ребенка должен быть услышан" (Пермский край); Всероссийская акция "Я – гражданин России" (Мурманская область) [9]. В ходе данных мероприятий дети имели возможность участвовать в общественной жизни своего региона, развивать навыки эффективного взаимодействия с общественными объединениями, органами власти и гражданским сообществом, формировать активную гражданскую позицию, посредством выражения своего собственного мнения.

В противоположность массовым мероприятиям выделенные нами элитарные мероприятия охватывают небольшое количество детей. Однако это дети, как правило, с уже сформированной активной гражданской позицией и необходимым лидерским потенциалом. К элитарным формам отнесены молодежные парламенты, детские общественные палаты, детские общественные советы, детские общественные приемные и иные формы участия детей в решении вопросов, затрагивающих их интересы.

В *таблице 1* представлено количественное соотношение элитарных и массовых мероприятий в разрезе российских федеральных округов, подсчитанное на основе данных региональных отчетов о реализации Нацстратегии.

В разрезе федеральных округов, очевидно, что большинство мероприятий носит массовый характер. Это достаточно распространённая форма работы с детьми, которая позволяет охватить большое количество детей, но при этом не всегда позволяет достичь цели продвижения идеи детского участия.

Следующий этап анализа мероприятий, отраженных в разделе "Дети-участники", подразумевал изучение мероприятий по тематическим направлениям. В качестве таких направлений были выделены в соответствии с заложенными разделом 6 задачами ("Обеспечение правового обучения и воспитания детей, а также специалистов, работающих с детьми", "Привлечение детей к участию в общественной жизни", "Воспитание у детей гражданствен-

Таблица 1. Элитарные и массовые мероприятия в разрезе федеральных округов

	ФОРМЫ РАБОТЫ С ДЕТЬМИ		
	Федеральные округа	Элитарные мероприятия	Массовые мероприятия
1	Центральный федеральный округ	7	10
2	Северо-Западный федеральный округ	3	6
3	Южный федеральный округ	2	4
4	Северо-Кавказский федеральный округ	-	2
5	Приволжский федеральный округ	4	7
6	Уральский федеральный округ	5	4
7	Сибирский федеральный округ	5	4
8	Дальневосточный федеральный округ	4	2

Источник: составлено авторами.

ности, расширение их знаний в области прав человека", "Разработка и внедрение в практику стандартов и методик участия детей в принятии решений, затрагивающих их интересы") следующие направления – развитие детских и молодежных общественных организаций, в т.ч. региональных отделений Российского движения школьников, правовое обучение и воспитание детей, обучение детскому участию взрослых. В дополнение к ориентирам Нацстратегии было выделено направление, связанное с участием детей в формировании здорового образа жизни, а также участием детей с ограниченными возможностями здоровья.

Большинство мероприятий первого направления соответствует смыслу детского участия. Различные формы детских и молодежных общественных организаций способствуют популяризации детской активности, росту самостоятельности и осознанности участия детей в принятии решений. Субъекты РФ выбирали различные способы поддержки деятельности детских организаций: информационное освещение деятельности детских общественных организациях в местных СМИ; создание системы "обратной связи" между государственными структурами, общественными объединениями и молодыми гражданами; создание молодежного интернет-портала и групп в социальных сетях и др.

На данный момент в Российской Федерации создана правовая основа для участия детей в принятии решений, затрагивающих их интересы. Однако для реализации своих прав детям как специфической социальной группе необходимо знание тех правовых основ, которые могут способствовать их самовыражению. Анализ материалов субъектов РФ показал, что в 20-ти отчетах содержатся мероприятия, направленные на повышение правовой грамотности детей. Они носят образовательный характер. Так, в Республике Марий Эл реализуются программы дополнительного образования по правовому просвещению детей ("Право + Я", "Подросток и Закон", "Человек и общество", "Изучаем Конституцию" и пр.). В Республике Ингушетия в общеобразовательных учреждениях с участием работников правоохранительных органов проводятся классные часы на темы: "Закон и совесть", "Твои права и обязанности", "Уголовная ответственность несовершеннолетних", "Воспитание законопослушных граждан" и др. В Республике Мордовия органами системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних и уполномоченным по правам ребенка при Главе Республики Мордовия систематически организовываются выступления в тематических передачах, в новостных информационных программах, публикуются статьи в средствах массовой информации,

Таблица 2. Направления работы с детьми в разрезе федеральных округов

	Федеральные округа	НАПРАВЛЕНИЯ РАБОТЫ С ДЕТЬМИ	РДШ, Детские и молодежные общественные организации	Правовое обучение детей	Здоровье, ЗОЖ, Дети ОВЗ	Работа со взрослыми (педагоги, родители)
1	Центральный федеральный округ		6	4	1	-
2	Северо-Западный федеральный округ		6	3	1	-
3	Южный федеральный округ		2	1	-	-
4	Северо-Кавказский федеральный округ		3	1	-	2
5	Приволжский федеральный округ		6	4	-	-
6	Уральский федеральный округ		4	1	-	1
7	Сибирский федеральный округ		6	4	2	3
8	Дальневосточный федеральный округ		3	3	1	1

Источник: составлено авторами в соответствии с тематическими направлениями мероприятий раздела 6 Нацстратегии.

направленные на просвещение детей и родителей ("Правовая помощь детям", "Ничего не бойся!", "Детей надо слушать!" и др.). В Тюменской области реализован образовательный проект "Открытые уроки просвещения обучающихся школ Тюменской области" при поддержке прокуратуры, областного суда, ассоциации юристов России, Уполномоченного по правам ребенка в Тюменской области [3].

Возможность детского участия зависит от уровня правовой грамотности детей, а также от уровня сформированности необходимых социальных компетенций. Это даёт детям возможность вырабатывать более уверенную и ответственную гражданскую позицию.

Юридические вопросы актуализируются в ситуациях конфликта ребенка с законом. Именно в детском и подростковом возрасте закладываются основы правовой культуры, формируется правовое сознание. Поэтому образовательно-просветительское направление работы с детьми важно еще и как мера профилактики девиантного и делинквентного поведения. К сожалению, материалы региональных отчетов не позволяют определить целевые группы детей – участников данного направления мероприятий Нацстратегии, а также оценить эффективность реализации данных мер, выделить формы участия детей и пр.

Следующая группа мероприятий отчасти адресована специфичной группе детей. Несмотря на то, что в региональных материалах отдельный раздел посвящен детям с ограниченными возможностями здоровья, очень важно обратиться к этой группе социальной эксклюзии в контексте детского участия. Дети с ограниченными возможностями здоровья нуждаются не только в создании условий для бытового и физического комфорта, но и в различных вариантах включения в социальную жизнь, в т. ч. через выражение собственного мнения по жизненно важным вопросам. Тем более что детское мнение выступает не только инструментом развития социальности ребенка, но и инструментом формирования социальных программ в сфере детства, а также инструментом оценки действия этих программ.

Однако необходимо заметить, что пока дети групп социальной эксклюзии включены в социальную жизнь в основном через включение в социальные мероприятия, причем как участники и как организаторы мероприятий. В Тульской области при поддержке членов Детского общественного Совета

состоялись следующие мероприятия: благотворительный праздник "Дорога добра" на территории Тульской области для детей-инвалидов и детей, находящихся в трудной жизненной ситуации; межрегиональная благотворительная выставка-ярмарка для людей и детей-инвалидов "Ремесло-МОЕ!" [9].

Результаты, представленные в *таблице 2*, отражают тот факт, что мероприятия по подготовке взрослых (родителей и педагогов) к детскому участию носят единичный характер. Они реализуются в форматах просветительских бесед, семинаров-совещаний и конкурсов педагогического мастерства.

Несмотря на то, что шестой раздел Нацстратегии направлен на активизацию детского участия, необходимо понимать, насколько значимы взрослые в жизни детей. Следуя лестнице детского участия, предложенной Роджером Хартом, в продвижении разных форм взаимодействия детей и взрослых важно перейти от техник "манипулирования" и "декорирования" к консультированию детей взрослыми (а иногда и наоборот) и совместной выработке решений [14].

По материалам региональных отчетов были также выделены другие направления развития детского участия – работа органов школьного самоуправления и школьных служб примирения, военно-патриотическая деятельность, волонтерская деятельность и пр. (*см. табл. 3*). Данные направления важны для развития детского участия детей, поскольку вовлекают ребенка в социально полезную деятельность, создают пространство для детских инициатив, самостоятельного принятия решений.

Школа – это то место, где ребенок проводит большую часть своей жизни, поэтому важно сделать его пребывание насыщенным и полезным с точки зрения формирования социальных навыков. Однако в разделе "Дети-участники" Нацстратегии слабо представлено направление работы органов школьного самоуправления и служб медиации. Это может быть связано с недооценкой роли детских школьных организаций в развитии детского участия. Службы медиации владеют инструментарием решения как в школе, так и за её пределами, а также повышения уровня квалификации работников образовательных организаций по защите прав и интересов детей. Через школьные службы медиации школьники овладевают технологиями разрешения трудных и кон-

Таблица 3. Другие направления работы с детьми в разрезе федеральных округов.

Направления работы с детьми		Работа органов ученического самоуправления, службы примирения	Военно- патриотическое воспитание, "Юнармия"	Волонтерство	Иные мероприятия
1	Центральный федеральный округ	3	4	2	8
2	Северо-Западный федеральный округ	1	6	2	3
3	Южный федеральный округ	-	1	0	2
4	Северо-Кавказский федеральный округ	1	-	-	-
5	Приволжский федеральный округ	1	2	1	3
6	Уральский федеральный округ	1	-	-	-
7	Сибирский федеральный округ	2	4	1	3
8	Дальневосточный федеральный округ	2	-	-	2

Источник: составлено авторами в соответствии с тематическими направлениями мероприятий раздела 6 Нацстратегии.

фликтных ситуаций, вовлекаются в процесс решения вопросов, связанных со школьной повседневностью.

Для школ, как и в целом для России, службы медиации – новое направление деятельности, оно нуждается в информационно-образовательной поддержке. Поэтому в региональных отчетах есть данные о проведении научно-практического семинара на тему "школьная служба примирения как одна из форм восстановительной медиации" (Магаданская область), в Красноярском крае в 42% от общего числа школ и учреждений среднего образования действуют данные службы и пр. [9].

Волонтерство обозначено в качестве одного из приоритетов реализации молодежной политики в "Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года", оно способствует широкому привлечению детей к участию в деятельности социально-значимых познавательных, творческих, культурных, краеведческих, благотворительных организаций и объединений. Для информационного сопровождения волонтерства был создан портал Добровольцы России [2]. Он позволяет молодым добровольцам сформировать свою учетную запись и книжку добровольца, в которой будет отражен весь опыт участия в акциях и проектах. Также на сайте любой желающий может ознакомиться с предстоящими мероприятиями, в которых можно принять участие. Для участия в добровольческих проектах установлен достаточно низкий возрастной ценз – в 8 лет. Тем не менее, анализ региональных отчетов демонстрирует недооценку региональными органами власти волонтерской деятельности как способа формирования активной социальной позиции, участия в решении разных вопросов, выработки soft skills и пр.

Другой стратегической задачей воспитания подрастающего поколения обозначено его военно-патриотическое воспитание. С 2016 г. действует всероссийское детско-юношеское военно-патриотическое общественное движение "Юнармия". Его целью является всестороннее развитие и совершенствование личности детей и подростков, удовлетворение их индивидуальных потребностей в интеллектуальном, нравственном и физическом совершенствовании, а формами работы – военно-патриотические мероприятия. По региональным материалам прослеживается более активное развитие этого направления работы с детьми и молодежью как участниками Нацстратегии, нежели чем волонтерства или школьного самоуправления.

Результаты изучения региональных СМИ

Вторая группа эмпирических данных настоящего исследования представлена публикациями региональных СМИ на тему детского участия. Для анализа были выделены четыре периода: период, предшествовавший принятию Нацстратегии, отражающий интерес общества и СМИ к детскому участию (2009–2011 гг.); период первого этапа реализации Нацстратегии, время активного планирования и проведения мероприятий, активизирующих детское участие (2012–2014 гг.); период второго этапа реализации Нацстратегии, время подведения итогов и подготовки отчетов (2015–2017 гг.); пост-период, отражающий интерес к детскому участию после завершения действия Нацстратегии (с 2018 г. по настоящее время).

На *рисунке 1* представлено распределение количества публикаций о детском участии по обозначенным периодам. Как видно из рисунка, публикационная активность в первом и четвертом периодах совпала и составила по 7% от общего числа публикаций. Динамика нарастания общественного интереса очевидна. Публикационная активность СМИ достигает наивысшей точки в 3 периоде – 49%, что связано с завершающей стадией работы в рамках Нацстратегии и публикацией отчетных материалов.

В *таблице 4* приведены данные по публикациям региональных СМИ на тему детского участия в разрезе федеральных округов. Эти данные будет интересно сравнить с материалами региональных отчетов.

Наибольшее количество публикаций, как и в случае с количеством проведенных мероприятий, наблюдается в Центральном федеральном округе – 52 статьи, что составило 48% от публикаций по всем федеральным округам. СМИ ЦФО представлены информагентствами: "Москва. Общество и власть – городской портал" (mosportal.ru) (г. Москва) и ИА "Бел.Ру" (bel.ru) (г. Белгород), региональными интернет-изданиями: "Москва-ТУТ"

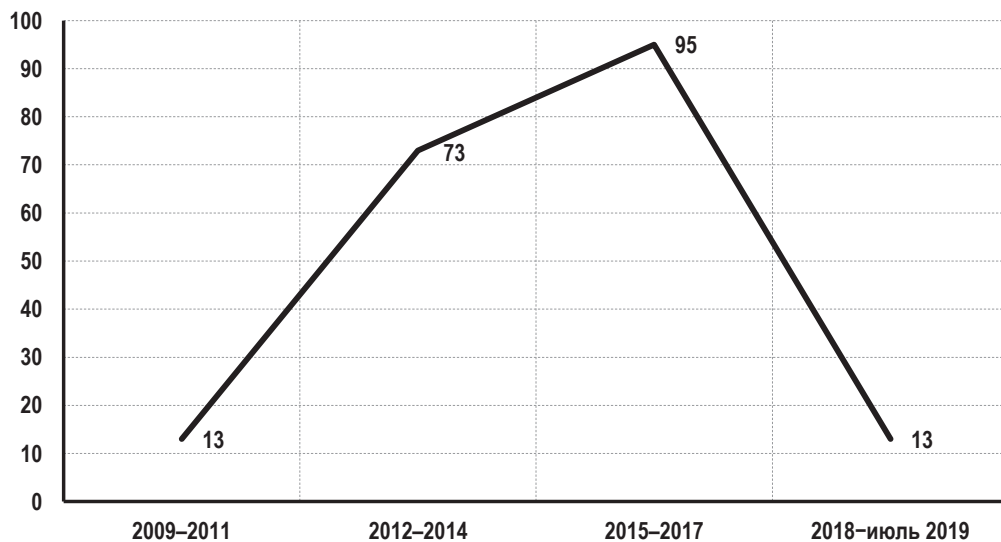

Рисунок 1. Публикации, освещающие детское участие в решении вопросов, затрагивающих их интересы в российских СМИ (% , шт.)

Источник: составлено авторами.

(moskva-tyt.ru), "Агентство городских новостей Москва" (mskagency.ru), "Детское движение Москвы" (tema-ddm.ru) (г. Москва), "Окружная электронная газета Зеленоградского округа" (zelao.ru) (г. Зеленоград), "Вяземский район" (vyazma.ru) (г. Вязьма), "Клинский городской сайт" (klincity.com), "Smoldaily.ru" (г. Смоленск); региональной прессой – "Брянская учительская газета" (г. Брянск), "Весть" (г. Калуга), "Серп и молот" (г. Клин).

Второе место по количеству публикаций занял Приволжский федеральный округ. Информация размещалась на сайтах официальных учреждений – административных порталах г. Перми и г. Пензы, региональными информагентствами (РИА Время-Н (vremyan.ru), НТА-Приволжье (nta-nn.ru), ИА PenzaNews) и региональными интернет-изданиями Нижнего Новгорода, Пензы, Перми, Саратова (ГИПОРТ (giport.ru), АиФ – Нижний Новгород (aif-nn.ru), he Penza Post (penza-post.ru), Наш район (Пермь) (nr.perm.ru), Глас народа (glasnarod.ru) (Саратов).

На третьем месте по активности освещения в СМИ событий, связанных с участием детей, находится Южный федеральный округ – 10 публикаций, что составило 6% от общего количества публикаций. В данном округе информация о детском участии была представлена в региональной прессе (газеты "Советская Адыгея", "Элистинская панорама", "Кубанские новости"), региональных интернет-изданиях (муниципальная новостная лента Новороссиска (nrnews.ru), Волга-Каспий (vlg.volga-kaspiy.ru), Новости Крыма (crimea-news.com), Ялта. Культурная и коммерческая (yaltakik.com).

В Северо-Западном федеральном округе найдено 7 публикаций. Материалы, касающиеся участия детей, представлены региональной прессой г. Санкт-Петербурга (Вести, Социальная политика), а также региональными интернет-изданиями – Равновесие-общественно-молодежная организация (sirotinka.ru) (Петрозаводск), Бизнес-новости Республики Коми (bnkomi.ru), Вести (vesty.spb.ru).

Поисковый запрос по Дальневосточному федеральному округу показал, что вопросы реализации Нацстратегии нашли отражение в информационных изданиях всего одного субъекта – Республики Саха (Якутия), а именно – на его официальном сервере, а также в информагентствах Якутии (Якутское-Саха Информационное Агентство (ysia.ru), Информационное агентство Sakhalife (sakhallife.ru). Всего 6 публикаций.

По остальным федеральным округам поисковые запросы дали еще меньшее количество публикаций: УФО – 4, СФО – 4, СКФО – 2.

Таблица 4. Статистика публикаций по федеральным округам

	Федеральный округ	К-во публ.	СМИ / документы	К-во публ.
1	Центральный федеральный округ	52	Региональные информагентства Региональные интернет-издания Региональная пресса Информация официальных учреждений Агрегаторы новостей Тематические интернет-издания Архивы региональных СМИ Корпоративные издания online	1 7 7 8 22 4 2 1
2	Приволжский федеральный округ	24	Региональные интернет-издания Региональные информагентства Архивы региональных СМИ Информация официальных учреждений Региональная пресса Агрегаторы новостей	11 4 1 3 2 3
3	Южный федеральный округ	10	Региональная пресса Архивы региональных СМИ Региональные интернет-издания Информация официальных учреждений	4 1 4 1
4	Северо-Западный федеральный округ	7	Региональные интернет-издания Региональная пресса	4 3
5	Дальневосточный федеральный округ	6	Региональные информагентства Региональная пресса Региональные интернет-издания Информация официальных учреждений	1 3 1 1
6	Уральский федеральный округ	4	Региональные интернет-издания	4
7	Сибирский федеральный округ	4	Региональные интернет-издания Региональная пресса	3 1
8	Северо-Кавказский федеральный округ	2	Региональные интернет-издания Региональная пресса	1 1

Источник: составлено авторами.

Изучение региональных информационных ресурсов, публикующих материалы об участии детей, позволило выделить два основных вида СМИ, в которых встречается образовательный и информационно-просветительский контент, связанный с участием детей, – это сетевые издания для учителей и интернет-ресурсы детских и молодежных организаций. Именно эти ресурсы стали объектом дальнейшего рассмотрения.

В первом приближении анализ детско-молодежных и учительских региональных СМИ дает картину включения детей и подростков в решение вопросов, затрагивающих их интересы, через создание дискуссионных площадок, обучение детей и взрослых этому участию, а также, что не менее важно, работу с общественным мнением.

Например, на сайте Брянской учительской газеты в публикации от 10 августа 2012 в преддверии принятия Нацстратегии говорится о важности смены парадигмы восприятия ребенка как объекта государственной заботы на парадигму ребенок-актор: "...подход к решению вопросов, связанных с законами о семье, поддержкой молодежных и детских общественных объединений, в основном строился на традиционных представлениях о детях и детстве как на объектах государственной заботы, без должной коррективы на то, что мир современного детства кардинальным образом изменился и готов сам отстаивать свои интересы; что родители – тоже новые люди, обретающие своё место в гражданском обществе, но пока лишь за редким исключением признающие права детей".

Через 5 лет, на этом же ресурсе в статье "Дятьковская "точка памяти" в Москве" от 05 мая 2017 рассказывается об участии школьников Дятьковской школы в заседании VI рабочей группы "Дети – участники реализации Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг." Координационного совета при Президенте РФ. На этом заседании обсуждались возможности для формирования гражданской позиции современных подростков, в том числе в рамках Всероссийской акции "Я – гражданин России" и Российского движения школьников" [12].

На ресурсе Детского движения г. Москвы (tema-ddm.ru) от 25 июня 2013 в статье "Курс на объединение!" освещалась работа Форума взрослых организаторов детских общественных объединений "Ответственный выбор – 2013". На мероприятии присутствовали руководители и организаторы детского движения из 10 российских регионов. Итогом работы Форума стала выработка проекта Соглашения об основах взаимодействия взрослых организаторов детских общественных объединений России, составленного на основе Обращения детей – участников Парламентских слушаний. В проекте Соглашения были затронуты главные темы: участие детей в решении вопросов, затрагивающих их интересы, создание единого координационного центра Детского общественного движения России.

Сайт для детей и родителей Детвора 74 (detvora74.ru) г. Челябинска посвящен преимущественно детям дошкольного возраста, но и здесь появляется статья от 29 августа 2013 г. под названием "Стоит ли прислушиваться к мнению ребёнка". Авторы публикации поднимают важный вопрос отправной точки начала детского участия: "...Ребёнок – уже личность со своим, хоть и маленьким, но таким важным внутренним миром. У малыша есть свои желания, мечты, которые он хочет реализовать правильными, на его взгляд, путями. Большинство мам и пап уверены, что ещё долго будут решать за своего ребёнка бытовые и важные жизненные вопросы. Частично это утверждение справедливо, но не стоит забывать, что без непосредственного участия ребёнка в решении важных вопросов можно вырастить инфантильную личность, которая не будет ориентироваться в бурном жизненном море..." [1].

Освещение этапов работы над реализацией Национальной стратегии происходило в федеральных СМИ, множество материалов – дискуссий, протоколов заседаний координационных советов, экспертных мнений – размещено в "Учительской газете" (ug.ru). Были специальные выпуски этого издания, посвященные обсуждению вопросов реализации Нацстратегии. Выпуск "Учительской газеты" (ug.ru) от 18 апреля 2017 г. посвящен заседанию VI рабочей группы "Дети – участники реализации Национальной стратегии" Координационного совета при Президенте РФ. Главный редактор "Учительской газеты" П. Г. Положевец размышляет над способами коммуникации ребенка и взрослого в свете концепции развития детского участия: "Принципы равноправной коммуникации ребенка и взрослого, реализации права ребенка на активную вовлеченность в принятие социально значимых решений, предоставления ребенку широкого спектра разнообразных возможностей применения его творческих и интеллектуальных сил должны воплощаться на практике полно и ежедневно независимо от местонахождения и социального статуса ребенка. От того, насколько грамотно будет реализована эта задача, зависит, куда и за кем пойдут современные дети и подростки, будет ли это созидательное социальное проектирование или деструктивная деятельность" [13].

В пост-период реализации Нацстратегии с января 2018 г. по июль 2019 г. в СМИ отмечается заметный спад публикационной активности по вопросам, касающимся детского участия. В архиве СМИ "Интергрум" выявлено всего 13 публикаций, преимущественно в федеральных интернет-изданиях и СМИ г. Москвы (uFormat.ru, Инфоурок (infourok.ru), Наша сеть (nsportal.ru), Begin (judoblog.ru), BezFormata.Ru), многие из них – в первой половине 2018 г. Это, вероятнее всего, связано с завершением начатых проектов. Большинство статей посвящено вопросам детского самоуправления и учебно-методической работе. Так, в материале "Развитие школьного ученического самоуправления" Т. А. Тишиной от 08.02.2019 (infourok.ru) говорится: "Школа ... должна научить человека быть самостоятельным, совершать поступки и отвечать за них, принимать решения, защищать свои права, поэтому в школе должно работать ученическое самоуправление, чтобы идти в ногу со временем. Ученическое

самоуправление – это форма участия обучающихся в соуправлении (самоуправлении) в общеобразовательном учреждении, предполагающее участие детей в решении вопросов при организации учебно-воспитательного процесса совместно с педагогическим коллективом и администрацией учреждения".

В статье от 01.10.2018 "Программа Социально-психологического сопровождения и адаптации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей" (nsportal.ru), представленной социальными педагогами МОУ Лицей г. Истры Л. С. Дылдиной и Л. В. Дрожжиной, одной из задач программы обозначено "...создание условий для активного участия детей в решении вопросов, имеющих для них значение". То есть взрослые постепенно приходят к осознанию важности участия детей групп социальной эксклюзии в решении вопросов, затрагивающих их интересы.

Сравнение публикаций региональных СМИ с результатами отчетов регионов по выполнению Национальной стратегии действий в интересах детей в целом не выявило существенных расхождений в двух картинах участия детей в решении вопросов, затрагивающих их интересы. Региональные СМИ отражают, с большей или меньшей интенсивностью, региональные образовательные мероприятия, направленные на участие детей в решении вопросов, затрагивающих их интересы.

Некоторые отличия отчетов региональных властей и публикаций региональных СМИ связаны с большей мобильностью, адаптивностью и возможностью отхождения от официальной риторики последних. Региональные СМИ задают нужную (правильную) рамку детского участия – ребенок-актер, имеющий собственное мнение и собственную жизненную позицию, его лишь нужно немного сориентировать в бурном социальном мире и далее важно поддерживать и помогать в принятии решений. Также региональные СМИ являются пространством выражения мнения ребенка – детей спрашивают о российском движении школьников, о форматах участия в патриотических мероприятиях, волонтерстве, т.е. региональные СМИ артикулируют интересы детей, реализуют еще один формат детского участия.

Региональные отчеты, как можно заметить, во-первых, не отличаются такой красочностью изложения информации (у них другой, официальный формат), а, во-вторых, они трансформируют смыслы детского участия в удобные и понятные взрослым формы – участия детей в творческой работы, массовых мероприятиях, которые взрослые для них организуют.

На *рисунке 2* сведены данные о количестве мероприятий согласно региональным отчетам по разделу 6 Нацстратегии и данные о публикациях, связанных с участием детей, в региональных СМИ.

Рисунок позволяет оценить активность региональных СМИ. Ситуация преобладания публикационной активности СМИ над количеством отчетных мероприятий вполне закономерна, поскольку реализовать информационный повод (раздел 6 Нацстратегии) намного проще, нежели чем организовать отчетное мероприятие. Однако есть федеральные округа, в которых обнаруживается явная диспропорция, – это Сибирский, Северо-западный, Уральский и Дальневосточный федеральные округа. Что, в свою очередь, открывает лауну в работе СМИ с общественным мнением, касающимся детского участия. На самом деле смена парадигмы с восприятия ребенка как объекта воздействия взрослых на ребенка-субъекта, участника социальной жизни, со-конструктора социальной реальности требует времени и нуждается в популяризации, активном включении СМИ, образовательных ресурсов и т.п. Невозможно поменять парадигму, просто приняв новый закон.

Заключение

Ограничения участия детей являются в нашей стране "всеобщими", зависящими от "человеческого фактора", сказывается традиционное восприятие ребенка как незрелого, уязвимого члена общества, нуждающегося в поддержке взрослых. В этой связи реализация раздела 6 Нацстратегии действий в интересах детей была лишена набора индикаторов для последующей оценки эффективности мероприятий, а смысл детского участия очень часто скатывался в плоскость простого участия детей в различного рода мероприятиях, инициированных взрослыми.

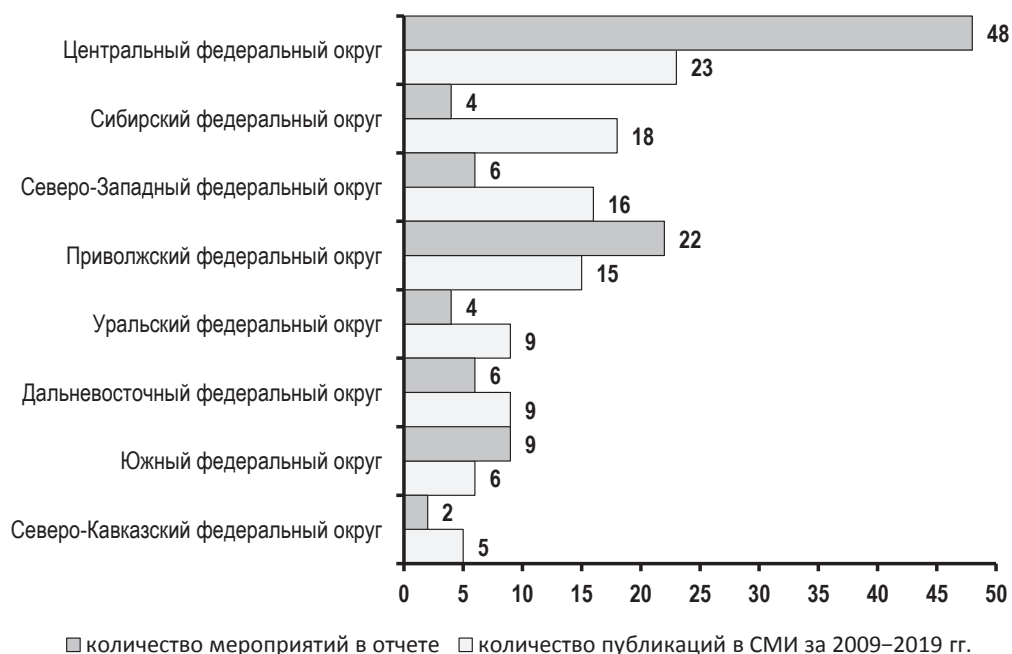

Рисунок 2. Карта реализации Нацстратегии действий в интересах детей (%)

Источник: составлено авторами.

Анализ региональных отчетов позволил выделить перспективные направления для развития социальных компетенций детей в сфере участия – это правовое просвещение, образовательные мероприятия по развитию коммуникативных навыков и лидерских качеств, различные формы волонтерской деятельности. При этом важно работать не только с детьми, но и со взрослыми как с проводниками идеи детского участия, работать над смыслами детского участия, формировать общественное мнение, в т. ч. через работу СМИ.

Сравнение данных по участию детей в разрезе российских федеральных округов позволило обнаружить некоторые различия, обусловленные влиянием территориального фактора. Выявлено снижение активности региональных СМИ, размывание смысла детского участия региональными властями по мере продвижения с запада на восток страны. Вероятно, здесь сказываются и плотность заселения, и влияние европейского сообщества, и накопленный в западной части России культурно-образовательный потенциал.

Однако для реализации права ребенка на выражение собственного мнения и эффективного участия в решении вопросов, затрагивающих его интересы, важна разработка и реализация концепции участия детей на государственном уровне, сопровождающаяся работой с общественным мнением со стороны федеральных и региональных СМИ.

Обозначенная нами задача анализа региональных образовательных мероприятий, используемых для реализации участия детей в решении вопросов, затрагивающих их интересы, столкнулась с проблемой сбора необходимых данных. В качестве эмпирических источников были выбраны региональные материалы о выполнении Нацстратегии и публикации региональных СМИ. Ограничения первого источника были связаны как с отсутствием данных по реализации раздела 6 Нацстратегии, так и с размытостью смыслов детского участия, подменой участия детей в решении вопросов, затрагивающих их интересы, участием в различного рода мероприятиях. Сложности обращения ко второму источнику были вызваны особенностями формирования поисковых запросов, возможным отсевом публикаций, подходящих по смыслу, но не содержащих заданных для поиска фраз.

Тем не менее, полученные в ходе исследования данные позволили обозначить направления для дальнейшей работы. Во-первых, будет продолжена работа с документами, размещенными на сайте "Мониторинг.сид", изучены региональные программы, которые были приняты на основе Нацстратегии, а также промежуточные отчеты о ходе выполнения этих программ. Будут выделены опорные регионы для изучения, то есть те регионы, которые оказались более близки в своих действиях к реализации смысла детского участия, заложенного в Нацстратегии. Изучение материалов будет продолжено в логике анализа форматов участия детей, работы по формированию у детей социальных компетенций для реализации "права быть услышанным", отдельно будут рассматриваться дети групп социальной эксклюзии (сироты, инвалиды и правонарушители), а также будет изучаться работа по подготовке взрослых к детскому участию.

Во-вторых, собранный архив региональных публикаций на тему детского участия будет анализироваться содержательно с выделением дискурсов детского участия (общественного, политико-правового и научного), соотношением дискурсов и практик детского участия, определением доминирующего дискурса и оценкой влияния, оказываемого им на смыслы и практики участия.

Литература

1. Детвора.ру. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.detvora74.ru/news/?id=3600> (дата обращения: 8.07.2019).
2. Добровольцы России. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <https://добровольцыроссии.рф> (дата обращения: 8.07.2019).
3. Доклад по итогам мониторинга эффективности реализации национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг. / Т. П. Составители: О. В. Кучмаева, И. Е. Калабихина, А. Спивак, Е. Цымбал, Н. Зайцева, А. Шведовская; под научн. ред. В. В. Рубцова, Г. В. Семья. М.: Издательство Совета Федерации, 2018. – 192 с.
4. Калабихина И. Е., Ионцева С. В., Козлов В. Анализ моделей участия детей в процессах принятия решений по вопросам, затрагивающим интересы ребенка (на примере российских городов, присоединившихся к инициативе ЮНИСЕФ Города, добровольные к детям). ЮНИСЕФ, 2010.
5. Калабихина И. Е., Кучмаева О. В. Проблемы и перспективы мониторинга участия детей в реализации "Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 гг." // Журнал исследований социальной политики. Том 14. № 4. С. 507–520.
6. Король И. Г. Личные неимущественные права ребенка: автореферат дис. ... кандидата юридических наук, 12.00.03., М., 2008.
7. Матвеева М. В. Права ребенка в семейном праве: проблемы законодательства, теории и практики: автореферат дис. ... кандидата юридических наук, 12.00.03., М., 2017.
8. Мониторинг реализации национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <http://xn--c1ackabuhcbecyrh.xn--p1ai/> (дата обращения: 8.07.2019).
9. Мониторинг реализации национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 год. Нормативная база документов и методических материалов. [Электронный ресурс]. URL: <http://мониторингсид.рф/normative> (дата обращения: 8.07.2019).
10. Нечаева А. М. Россия и ее дети (ребенок, закон, государство) / Ин-т государства и права РАН. М.: 2000. 239 с.
11. Официальный сайт Брянской Учительской газеты. [Электронный ресурс] URL: <http://bug32.ru> (дата обращения: 8.07.2019).
12. Российское движение школьников. Официальный сайт [Электронный ресурс] URL: <https://xn--d1axz.xn--p1ai/> (дата обращения: 8.07.2019).
13. Учительская газета. [Электронный ресурс] URL: <http://www.ug.ru/archive/69615>. (дата обращения: 8.07.2019).
14. Hart, Roger A.: "Children's Participation: From tokenism to citizenship". UNICEF International Child Development Centre (now Innocenti Research Centre): Florence, 1999.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Detvora.ru. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.detvora74.ru/news/?id=3600> (дата обращения: 8.07.2019).
2. Dobrovol'tsy Rossii. Ofitsial'nyj sayt. [Электронный ресурс]. URL: <https://dobrovol'tsyrossii.rf> (дата обращения: 8.07.2019).
3. Доклад по итогам мониторинга эффективности реализации национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг. / Т. II. Составители: О. В. Кучмаева, И. Е. Калабихина, А. Спивак, Е. ТСymbal, Н. Зайтсева, А. Шведовская; под научн. ред. В. В. Рубтsoва, Г. В. Сем'я. М.: Издатel'stvo Soveta Federatsii, 2018. – 192 с.
4. Калабихина И. Е., Iontseva S. V., Kozlov V. Analiz modelej uchastiya detej v protsessakh prinyatiya reshenij po voprosam, zatrageivayushhim interesy rebenka (na primere rossijskikh gorodov, prisoeдинivshikhsya k initsiative YUNISEF Goroda, dobrozhelatel'nye k detyam). YUNISEF, 2010.
5. Калабихина И. Е., Кучмаева О. В. Problemy i perspektivy monitoringa uchastiya detej v realizatsii "Natsional'noj strategii deystvij v interesakh detej na 2012-2017 gg." // ZHurnal issledovanij sotsial'noj politiki. Tom 14. № 4. S. 507–520.
6. Korol' I. G. Lichnye neimushhestvennye prava rebenka: avtoreferat dis. ... kandidata yuridicheskikh nauk, 12.00.03., M., 2008.
7. Matveeva M. V. Prava rebenka v semejnom prave: problemy zakonodatel'stva, teorii i praktiki: avtoreferat dis. ... kandidata yuridicheskikh nauk, 12.00.03., M., 2017.
8. Monitoring realizatsii natsional'noj strategii deystvij v interesakh detej na 2012-2017 gody. Ofitsial'nyj sayt. [Электронный ресурс]. URL: <http://xn--c1ackabuhebecyrh.xn--plai/> (дата обращения: 8.07.2019).
9. Monitoring realizatsii natsional'noj strategii deystvij v interesakh detej na 2012–2017 god. Normativnaya baza dokumentov i metodicheskikh materialov. [Электронный ресурс]. URL: <http://monitoringsid.rf/normative> (дата обращения: 8.07.2019).
10. Nechaeva A. M. Rossiya i ee deti (rebenok, zakon, gosudarstvo) / In-t gosudarstva i prava RAN. M.: 2000. 239 s.
11. Ofitsial'nyj sayt Bryanskoj Uchitel'skoj gazety. [Электронный ресурс] URL: <http://bug32.ru> (дата обращения: 8.07.2019).
12. Rossijskoe dvizhenie shkol'nikov. Ofitsial'nyj sayt [Электронный ресурс] URL: <https://xn--d1axz.xn--plai/> (дата обращения: 8.07.2019).
13. Uchitel'skaya gazeta. [Электронный ресурс] URL: <http://www.ug.ru/archive/69615>. (дата обращения: 8.07.2019).
14. Hart, Roger A.: "Children's Participation: From tokenism to citizenship". UNICEF International Child Development Centre (now Innocenti Research Centre): Florence, 1999.

Абросимова Е. Е., Бухтиярова И. Н., Филипова А. Г. Участие детей в решении вопросов, затрагивающих их интересы: анализ региональных образовательных мероприятий и материалов СМИ.

В статье приведены результаты анализа региональных ресурсов, используемых для реализации участия детей в решении вопросов, затрагивающих их интересы, с упором на образовательные мероприятия. Основой распространения в нашей стране концепции детского участия стал раздел 6 "Дети-участники..." Национальной стратегии действий в интересах детей. Ее действие закончилось в 2017 году. В качестве двух групп эмпирических источников рассматриваются региональные материалы о выполнении Нацстратегии и публикации региональных СМИ, связанные с детским участием.

Ключевые слова: *Национальная стратегия действия в интересах детей; участие детей в решении вопросов, затрагивающих их интересы; регионы, региональные СМИ, общественные организации*

Abrosimova E. E., Bukhtiyarova I. N., Filipova A. G. Children's participation in the solution of the questions affecting their interests: analysis of regional educational actions and regional mass media.

The article is devoted of the analysis of the regional resources used for realization of participation of children in the solution of the questions infringing on their interests, with a focus on educational resources. The basis for the dissemination in our country of the concept of child participation was Section 6 "Children participating ..." of the National strategy for action for children. Its action ended in 2017. Regional materials on the implementation of the National Strategy and publications of regional media related to children's participation are considered as two groups of empirical sources.

Key words: *National strategy for action for children; children's participation in the solution of the questions affecting their interests; regions, regional media, public organizations*

Для цитирования: Абросимова Е. Е., Бухтиярова И. Н., Филипова А. Г. Участие детей в решении вопросов, затрагивающих их интересы: анализ региональных образовательных мероприятий и материалов СМИ // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 3. С. 50–64. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-3/50-64

For citation: Abrosimova E. E., Bukhtiyarova I. N., Filipova A. G. Children's participation in the solution of the questions affecting their interests: analysis of regional educational actions and regional mass media // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 3. P. 50–64. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-3/50-64

К вопросу о целях и задачах трансдисциплинарной регионологии

Введение

Важность изучения региона, его специфики, факторов развития и перспектив в современном мире диктуется наиболее значимыми тенденциями развития межрегиональных отношений сегодня – процессами регионализации и глобализации, которые, по мнению многих специалистов, "развиваются как два динамичных процесса, оказывающих взаимное влияние друг на друга" [22, с. 135]. Для регионов изучение собственного и чужого опыта регионального развития становится, с одной стороны, вызовом, с другой – возможностью для роста, поскольку такого рода исследования позволяют учесть негативные факторы, тормозящие регион, и использовать его плюсы для достижения необходимого уровня политического, экономического и социального развития.

Понимание того, что регион должен быть объектом отдельного научного направления, оформилось к началу 1950-х гг. К тому времени наиболее представительным направлением, занимавшимся проблемой региона в Советском Союзе, была советская районная школа, развивавшаяся в рамках экономической географии. Основы теории районирования были заложены гораздо раньше, еще за сто лет до этого А. Гумбольдтом и К. Риттером, отечественными пионерами в этой области были И. Александров, Б. Книпович, А. Челинцев [7, с. 11]. После теории данного направления была описана и систематизирована Н. Н. Баранским [1; 2], сформировались основы экономического районирования [12], однако эти направления развивались в рамках экономической географии. В то же время на базе Американской экономической ассоциации (American Economics Association) начало создаваться новое научное сообщество – Ассоциация региональной науки (Regional Science Association), ее первое отдельное заседание состоялось в декабре 1954 г. [27, р. 75]. Основателем данного направления также стал экономист У. Айзард, также посвятивший значительную часть своих исследований проблемам экономической географии. Постепенно отделения организации начали открываться по всему миру, образуя сеть Международной Ассоциации региональной науки (Regional Science Association International).

На протяжении второй половины XX в. и в начале XXI цели и задачи исследования регионов в зарубежной науке решали, в частности, такие направления, как Regional Science и Area Studies. В отечественной науке эту роль выполняли различные школы, каждая из которых опиралась на какой-либо принятый в рамках данного направления базовый принцип. В основном, это выражается в приверженности отдельной науке, привлекающей методологию

© Кремнёв Е. В., Лесниковская Е. В., 2019

КРЕМНЁВ Евгений Владимирович, канд. социол. наук, доцент, зав. кафедрой востоковедения и регионоведения АТР Иркутского государственного университета (*г. Иркутск*). **E-mail:** kremnyov2005@mail.ru

ЛЕСНИКОВСКАЯ Екатерина Викторовна, канд. социол. наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР Иркутского государственного университета (*г. Иркутск*). **E-mail:** elesnikovskaya@gmail.com

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00040 "История и методология регионоведческих исследований Азиатско-Тихоокеанского региона в русле современной трансдисциплинарной регионологии".

и терминологический аппарат других наук, в каких-то случаях – междисциплинарный подход на стыке двух-трех научных отраслей.

Так, *экономико-географические* традиции продолжают в рамках теории районирования (А.Н. Демьяненко, А. Я. Чукалкин), в рамках которой предлагаются подходы к разработке стратегии управления региональным развитием, система районообразующих факторов и типология социально-экономических районов [7; 8; 9]. К экономико-географической отрасли также относится проблемное страноведение (Я.Г. Машбиц, В. М. Гохман). Глобалистика (А.И. Уткин, М. А. Чешков, М. Г. Делягин, В. М. Лейбин, А. Н. Чумаков, В. Л. Иноземцев и др.) определяется как новая *философия* глобализирующегося мира, "концептуальная наука, выражающая настоящий философский подход, именно философское рассмотрение окружающего глобального мира" [4, с. 22]. Такие направления, как регионоведение (Ю.Н. Гладкий, А. И. Чистобаев, В. А. Дергачев, Л. Б. Вардомский, Ю. Г. Волков, В. Г. Игнатов, В. И. Бутов, Т. Г. Морозова, М. В. Иванова, М. А. Штанько, М. Д. Шарыгин, Ю. Ф. Абрамов, И. Н. Барыгин, И. В. Павловский, В. Е. Науменко) и регионалистика (Н.В. Зубаревич, Е. В. Вавилова, Д. Л. Лопатников, Э. Н. Кузубожев, И. А. Козьева) долгое время не могли соотнести себя с теми или иными науками, в различных исследованиях примыкая то к экономической географии, то к политологии, то самоидентифицируясь со страноведением, краеведением и другими научными направлениями. В последнее время предпринимаются все больше попыток институализировать науку о регионах, уточняя ее место и роль в системе других наук. В частности, А. Д. Воскресенский и его коллеги (А.А. Байков, В. Я. Белокреницкий, А. О. Ермолаев, Е. В. Колдунова, А. А. Киреева) предлагают рассматривать мировое комплексное регионоведение вместе со сравнительной мировой политикой в качестве новых предметных полей науки о *международных отношениях* [5, с. 95]. Предложенный выше краткий и далеко не исчерпывающий обзор проиллюстрировать лишь некоторые из направлений, в рамках которых реализуются региональные исследования. Вместе с тем, из такого краткого перечисления школ и фамилий видно, что исследовательская работа по изучению региона на протяжении долгого времени проводится в рамках отдельных наук (в крайнем случае – на стыке двух-трех), исходя из задач, формулируемых в рамках этих научных наук, а сами региональные исследования соотносятся с каким-либо отдельным направлением – экономической географией, международными отношениями, философией и т.д., и в их рамках получают различные наименования.

Исходя из вышеизложенного, современное состояние науки о регионах можно охарактеризовать через несколько "проблемных точек":

1) неопределенность термина, обозначающего саму науку как в западной, так и отечественной науке;

2) неопределенность места науки о регионе среди других наук;

3) неопределенность целей, задач, объекта, предмета и методологии.

Очевидно, что в современной науке созрела необходимость, с одной стороны, соединить разные подходы к исследованию региона воедино, давая возможность комплексного, системного рассмотрения объекта исследования, с другой – продолжить набирающие силу тенденции трансдисциплинарности, включив в теоретико-методологические основы нового направления методы и инструментарий всех социогуманитарных наук как базовых для него, так и находившихся ранее на периферии науки о регионе. Такую роль, в частности, предлагается взять на себя *трансдисциплинарной регионологии*.

В предлагаемом термине заложена попытка поиска пути решения первых двух проблем из трех. Во-первых, термин "регионология", пока по частотности употребления уступающий в российском научном дискурсе "регионоведению", гораздо глубже отражает процессы формирования отдельной научной отрасли – в отличие от совокупности накапливаемых знаний об объекте исследования – "в русском языке часть слова *логия* – из названий наук вроде "сейсмология", "паразитология", "нутрициология" и др. – принято связывать с таким типом знания, когда на основании имеющихся данных и логической структуры данного знания возможны дедуктивные выводы" [24, с. 3]. Во-вторых, предлагаемое наименование научного направления указывает на свою базовую характеристику – трансдисциплинарность, позволяющую осущест-

влять комплексный подход к анализу развития региона, используя предыдущие достижения всех научных школ о регионе и привлекая новые наработки и теории. Таким образом, при осуществлении комплексного регионального анализа будут учитываться все факторы и переменные, влияющие на развитие региона, но нередко упускаемые, когда исследование такового проходит с применением методологии и инструментария отдельной науки. При этом трансдисциплинарная регионология не призвана заменить собой отрасли отдельных научных направлений, изучающих регион в рамках собственных задач, — она предлагает альтернативу тем исследователям, которые хотели бы иметь полный набор методов и инструментов для комплексного анализа региона, а также призвана выполнить обобщающую и систематизирующую функцию для различных направлений.

Что касается определения конкретных целей и задач трансдисциплинарной регионологии — что является целью данной работы — а также ее объекта, предмета и методологического аппарата — что представляется нам перспективным в дальнейшем, то это возможно сделать, сперва проанализировав опыт существующих научных направлений, рассматривающих регион с самых разных точек зрения.

Подходы к определению целей и задач региональных исследований в отечественной науке

В отечественной науке можно выделить несколько взаимовлияющих подходов к тому, как следует определять цели и задачи научных направлений, изучающих регионы:

1) на основании отграничения науки о регионах от других научных дисциплин;

2) на основании одной или нескольких наук в качестве базы для развития региональных исследований;

3) на основании принимаемой исследователем научной парадигмы.

Что касается первого из выделенных подходов, то определение задач науки, изучающей регионы, *на основании отграничения ее от других научных дисциплин*, происходит потому, что, несмотря на свой солидный возраст, она считается относительно молодой в сравнении с другими науками, повлиявшими на ее формирование. Такой подход применен в работе И. И. Рудинской, которая видит задачи регионоведения — в отличие от краеведения с его локальным и эмпирическим характером — в том, чтобы "увидеть специфику региона на фоне других регионов, вписать его в более глобальную систему, попытаться объяснить закономерности территориального развития" [25, с. 13].

Кроме того, задачи регионоведения могут заключаться в синтезе "страноведческой информации, отнесенной к различным территориальным образованиям, обычно объединяющим по тем или иным критериям (политическим, экономическим и др.) группы стран мира" [16], а также в изучении "целостных территориальных образований", где регионоведение — это "междисциплинарное направление географической науки, близкое, но не тождественное страноведению" [6].

Наконец, установление целей и задач может проходить через разграничение регионоведения и регионологии. Например, В. Е. Науменко предлагает понимать задачи регионологии в том, чтобы "ответить на вопрос, что такое регион, определиться с основами и выявить общие закономерности его развития", регионоведения — в том, чтобы интегрировать в себе "разнообразные знания о различных сторонах жизни" [17, с. 75].

Сама регионология также отграничивается от других наук путем выделения собственных целей и задач. Так, во вступительной статье к первому выпуску журнала "Регионология" А. И. Сухарев указывает, что "были и есть попытки со стороны представителей отдельных наук монополизировать регионалистические исследования", а в качестве примера приводит такие научные отрасли и подотрасли, как география и краеведение, а также региональные экономика, экология, социология, политология, культурология и пр. Интеграция региональных исследований, ранее осуществлявшихся в рамках указанных наук, привела, по мнению автора статьи, к появлению нового направления — регионологии. В качестве ее ключевой цели обосновывается изучение возможностей "гармоничного и цивилизованного экологического,

экономического, социального, политического и духовного развития регионов" [26, с. 8].

Второй подход, подразумевающий развитие регионоведения на базе других наук, дает следующие определения целей и задач.

В частности, А. Д. Воскресенский, обосновавший *мировое комплексное регионоведение*, пишет, что "цель комплексных мирополитических и регионоведческих исследований компаративистского типа, основанных на методологии сравнительно-политологического анализа (кросс-региональный политический анализ) состоит в том, чтобы проанализировать исторические события сквозь призму комплексных интегрирующих подходов анализа социально-экономических и культурно-политических пространств, фиксирующих дистанции и различия в области формирования, функционирования и развития мирополитических отношений" [5, с. 90]. Продолжая эту мысль, Е. В. Колдунова видит цель мирового комплексного регионоведения в "объяснении взаимосвязи международных и внутри-страновых/внутрирегиональных процессов, а также на исследовании влияния особенностей внутристранового/регионального развития на глобальный уровень" [11, с. 64]. Цель данного направления отвечает заявленной проблематике и заключается в изучении региона как актора международных отношений.

Иным образом выстраивает цели и задачи науки о регионах И. В. Павловский, предлагая говорить о *социокультурном регионоведении*. Его цель состоит в том, чтобы изучить "неизменные на территории данного региона приоритеты и доминанты", а также "местную "дырчатость" культуры¹, которая не только создает лакуны в формообразовании слов, но и лакуны в явлениях и понятиях культуры" [20, с. 109]. Кроме того, он указывает на следующие три базовых задачи регионоведения:

1) терминологически верно описать специфику свойств, приобретенных этносом в результате его миграции в другие регионы, что будет способствовать более детальному изучению процессов влияния региона на языки и культуры;

2) конкретизировать термины, употребляемые в отношении региона, с учетом их региональной специфики, поскольку факты истории конкретного региона нередко идут вразрез с тем, что их пытаются описывать, используя более универсальные термины и понятия;

3) изучая исходные специфические черты этноса, придать первостепенное значение тем из них, что остаются постоянными для региона даже при смене населяющих его народов; исследовать самобытность региона в исторической ретроспективе через обитавшие в нем этносы, "изучить судьбу приобретенных черт характеров этносов, переселившихся из изучаемого в иной регион" [21, с. 146-148].

Как видно из приведенных целей и задач, И. В. Павловский видит регионоведение как отрасль знаний на стыке этнолингвистики, социальной антропологии, этнологии и философии.

Подобным образом – через использование базы других наук – описывают цели и задачи регионоведения и другие исследователи. В частности, В. Н. Разумовский, Д. В. Севастьянов, называя регионоведение и страноведение направлениями географии, видят задачу регионоведения в том, чтобы сформировать "комплексное представление о крупных регионах мира, обобщая сведения о группах стран, их социально-экономических и политических связях, о перспективах интеграции и дезинтеграции мирового хозяйства" [23, с. 85].

Социально-экономическую специфику региональных исследований ставит на первое место А. П. Обедков, по мнению которого "важнейшими задачами регионоведения как аналитической и прикладной науки являются описание, объяснение и предсказание региональных социально-экономических процессов и комплексных характеристик, образующих предмет его исследования" [18, с. 132].

¹ Под "дырчатостью" культуры И. В. Павловский понимает "присутствие термина, но полное и категорическое отсутствие явления в культурной жизни". Он полагает, что регион должен изучаться не только через явления, имеющиеся в культуре этноса региона, но и через явления, которые в ней отсутствуют, наблюдаясь при этом в других регионах [19].

Третий, парадигмальный подход к регионоведению, позволяет сформулировать его цели и задачи следующим образом. И. Н. Барыгин, формулируя понятийный аппарат и научно-теоретическую базу региональных исследований, предлагает отталкиваться от их междисциплинарности и применять *мультипарадигмальность в регионоведении*. Полагая, что "регионоведение, если исходить из анализа степени близости парадигмальных рядов, гораздо ближе социологии и политологии, нежели политической экономии... и теории международных отношений" [3, с. 118], он выводит цели регионоведения через необходимость решения "базовой" проблемы, которая зависит от применяемой парадигмы. Например, в классической парадигме цель – "объяснить "необходимость" существования региона", в глобализационной – "представить причины глобальных изменений регионов мира" и т. п. [3, с. 119].

Подходы к определению целей и задач региональных исследований в зарубежной науке

Как и в отечественных научных направлениях, трактовки сути, целей и задач науки о регионах западными авторами не обнаруживают единства. У. Айзард, основатель региональной науки (Regional Science), первый президент, а впоследствии почетный председатель Международной Ассоциации региональной науки, рассматривает ее как "...область социальной науки, фокусирующуюся на пространствах и системах пространств, регионах и системах регионов, локациях и системах локаций" [27, p. 188]. У. Айзард особо подчеркивает тот факт, что региональная наука – это наука социальная; она изучает, прежде всего, человека и те формы пространственного взаимодействия, которые сопряжены с человеческой деятельностью. В фокусе внимания региональной науки – поведенческие аспекты и социальные институты. В этом, продолжает мысль У. Айзард, ее отличие от географии: в то время как география уделяет основное внимание физическим и биологическим деталям пространственных аспектов, региональная наука направлена, прежде всего, на анализ социальных процессов [27, p. 188].

В то время как объектом изучения региональной науки являлись регионы субгосударственного уровня, объектом западного направления Area Studies являлись страны и группы стран – макрорегионы. Area Studies как область знания и университетская дисциплина появилась в США во второй половине 1940-х гг. Стремительное развитие этой области знания обеспечивалось стратегическими усилиями и значительными объемами финансирования; актуальность и востребованность такой области знания объяснялась условиями начала Холодной войны и необходимостью изучения стратегических соперников. Как отмечает Н. Смит, причиной появления данного направления в США послужила недостаточность академического географического знания в этой стране, и как следствие, неспособность его обеспечить страну знанием о послевоенном мире [31, p. 24]. Дж. Сайдуэй указывает, что Area Studies стали своего рода образом мышления, при котором регионы рассматриваются как способ применения сочетанных междисциплинарных теорий и, соответственно, инструментом организации академического знания [30, p. 4]. Окончание же Холодной войны, а кроме этого, рост и усиление глобализационных процессов в мире привели к необходимости переосмысления и реконцептуализации направления Area Studies. Поиск новой парадигмы обнаруживаем в работах таких авторов, как Д. Лудден, Д. Шантон, В. Шафер и др. При этом, новая парадигма трактуется исследователями по-разному. Ряд ученых полагает, что Area Studies должны развиваться в контексте глобализационных процессов. Так, Д. Лудден считает, что теория Area Studies должна быть переработана с учетом глобализации [28]. С ним соглашается и В. Шафер, видя будущее данного направления в объединении глобальных и локальных исследований (global/local studies) [29]. Иной ракурс наблюдаем у Д. Шантона: исследователь не привязывает современную парадигму Area Studies к глобалистике, а видит ее как общий термин, объединяющий целый ряд академических областей и направлений, имеющих пять признаков. Среди них: языковая подготовка, полевые исследования языка, особое внимание к местной истории и местным интерпретациям, поиск и обоснования целостного подхода к изучению региона, мультидисциплинарное взаимодействие исследователей [32]. Как видим, иной, чем у региональной науки, объект ис-

следования ожидаемо меняет цели и задачи такого направления, как Area Studies.

В работах ученых неанглоязычных стран также наблюдаются собственные тенденции в определении целей и задач науки о регионах. В частности, в Китае такие научные работы имеют ярко выраженный экономико-ориентированный характер. Цель значительного числа китайских региональных исследований в наиболее общем виде можно определить как анализ проблемы дисбаланса социально-экономического развития регионов КНР. Попытки предложить способы преодоления этого дисбаланса можно найти в региональных работах таких китайских ученых, как Бао Юань (暴元), Ван Сюаньсюань (王选选), Вэй Ехуа (魏也华), Ли Чжунъи (李中一), Ло Юй (罗煜), Лу Цзуньхуа (卢遵华), У Пэн (武鹏), Ху Чжаолян (胡兆量), Чжан Вэй (张玮), Цянь Лэсян (钱乐祥)" [15, с. 226].

Японский исследователь Сиба Нобухиро (柴 宜弘), член президиума японской Ассоциации по изучению России и стран Восточной Европы (ロシア・東欧学会), указывает, что основной задачей региональных исследований в Японии после Второй мировой стало изучение культур и обществ отдельных стран и регионов мира для всестороннего их понимания, в отличие от США, где Area Studies, по его мнению, были инициированы, прежде всего, для изучения образа "врага". Именно поэтому, как пишет ученый, исследования регионов в существующей более 20 лет аспирантуре на отделении культурологии Токийского университета носили название "региональные культурные исследования" (地域文化研究), что подчеркивает междисциплинарность направления, где культура рассматривается в широком смысле, включая самые различные виды человеческой деятельности: политика, экономика и пр. [33]. Создание комплексного знания о регионах и пространствах постулируется в качестве базовой цели науки о регионах в "Докладе о перспективах региональных исследований" Научного совета Японии [34].

В целом, зарубежная наука о регионах, как и отечественные научные школы, характеризуется весьма различными подходами в определении целей и задач.

Трансдисциплинарная регионология как ответ на вызовы современного состояния науки о регионе, ее цель и задачи

Из неоднородности предлагаемых определений целей и задач можно сделать несколько выводов, важных для дальнейшего развития науки о регионе.

Во-первых, регион как объект исследования диктует разнообразие подходов к изучению его развития. Привлекается инструментарий большого количества наук (география, экономика, политология, социология, философия, лингвистика, этнология и др.) и их отраслей (страноведение, краеведение, экономическая география, теория международных отношений, социальная философия, социология регионов, этнолингвистика и др.).

Во-вторых, все больше ученых, обращаясь к междисциплинарному подходу при исследовании регионов, продолжают расширять количество вовлеченных в процесс междисциплинарных подотраслей наук, тем самым все более выходя за рамки конкретных научных дисциплин и заступая на поле трансдисциплинарности. Различие между первым и вторым подходом Л. П. Киященко и В. И. Моисеев объясняют следующим образом: "ситуация междисциплинарности – это ситуация переноса знания из одной дисциплинарной области в другую при сохранении дисциплинарных делений. Иными словами, междисциплинарность методологически дополнительно обогащает то, что определено внутри дисциплинарных делений... Ситуация трансдисциплинарности... предполагает нарушение жесткости дисциплинарных делений научного знания, они становятся "проходимыми", что способствует появлению разного рода систем "поверх" дисциплинарного деления, "меж"-системных образований, "экстра"-систем и т.д." [10, цит. по 13, с. 135]. Трансдисциплинарность как более продуктивный и прогрессивный подход отстаивают многие научные школы и их представители: Центр современной антропологии Э. Морена в Париже, Международный центр трансдисциплинарных исследований, в российской науке – Л. П. Киященко, В. И. Моисеев,

Е. Н. Князева и др. [13, с. 135]. Представляется, что комплексное изучение региона сегодня нуждается в разработке теории трансдисциплинарности как одного из наиболее продуктивных подходов к такого рода исследованиям.

В-третьих, обогащение научной базы региональных исследований должно опираться на опыт различных школ и интеграцию их достижений в общее методологическое поле. Подобная работа уже ведется в отдельных отраслях, в частности, А. Д. Воскресенский рассматривает перспективы построения незападной (китаизированной) теории международных отношений в целях совершенствования работы в области изучения регионов мира [5]. Расширение такого подхода и применение его в трансдисциплинарном поле – один из важнейших вызовов науки о регионе сегодня.

На основе проанализированных подходов и опираясь на уже предложенное определение [14, с. 10], можно попытаться сформулировать сущность и содержание трансдисциплинарной регионологии, ее цели и задачи.

Трансдисциплинарная регионология – это наука, изучающая экономико-географическое, культурно-историческое, социально-политическое и языковое своеобразие регионов, выявляющая закономерности неравномерного регионального развития в мировом сообществе и опирающаяся на теоретико-методологическую базу изучения процессов регионального развития в регионах – объектах исследования.

Как видно из предложенного определения, цель данной науки – выявление закономерностей неравномерного развития регионов мира на основе трансдисциплинарного подхода с опорой на научно-прагматический опыт исследуемого региона или группы регионов.

В качестве базовых задач нам представляется целесообразным выделить следующие:

1) изучение особенностей развития экономики, политики, социума, культуры, истории, языков различных регионов мира;

2) выделение на основе данных о специфике регионов закономерностей и факторов их неравномерного развития с применением комплексного трансдисциплинарного анализа и привлечением теоретико-методологических достижений исследуемых регионов;

3) оценка вырабатываемых, предлагаемых и применяемых стратегий по совершенствованию региональных экономических и социально-политических систем, прогнозирование перспектив развития регионов.

Заключение

Цель и задачи трансдисциплинарной регионологии предложены в данном материале в наиболее общем виде и нуждаются в уточнении и дополнении. Вместе с тем, каждая из представленных задач отражает важнейшие направления новой науки. Первая помогает синхронизировать в рамках одного направления подходы и инструментарий наук, рассматривающих регион со своих позиций: экономики, географии, политологии, социологии, культурной антропологии, этнологии, истории, лингвистики и др. Вторая позволяет разрабатывать в рамках трансдисциплинарной регионологии собственную теорию и методологию, обогащаемую национальными школами наук о регионе. Третья – решать практические задачи по преодолению проблем регионального развития.

В настоящий момент отдельного исследования требуют объект и предмет, а также наиболее сложная и значимая часть – методологический аппарат нового направления. Косвенно затронутая в статье тема места трансдисциплинарной регионологии среди других наук также нуждается в более пристальном и детальном изучении.

Нам представляется, что развитие данной научной отрасли имеет большое значение как для совершенствования теоретической составляющей наук о регионах, так и для продвижения значительного количества прикладных исследований в этой сфере. Более того, целеполагание, отвечающее современным подходам к изучению региона как целостного, комплексного объекта, позволяет объединить усилия различных отраслей наук для создания единого трансдисциплинарного поля исследований, способного дать ответы на множество вопросов о причинах неравномерного развития регионов и дать рекомендации к преодолению региональных дисбалансов в глобальной перспективе.

Литература

1. Баранский Н.Н. Краткий курс экономической географии. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928 (М.: 1-я Образцовая тип.). 2 т. Вып. 1: Общие понятия: Очерк мирового хозяйства: Прилож.: проф. Л. Д. Сеницкий. Очерк важнейших иностранных государств. 1928. 222 с. Вып. 2: Экономическая география СССР: Общий обзор СССР в целом: Обзор по экономическим районам. 1928. 455 с.
2. Баранский Н.Н. Экономическая география Советского союза: Обзор по областям госплана. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926 (М.: тип. Красный пролетарий). 294 с.
3. Барыгин И. Н. Теория международных отношений и регионоведение в контексте основных научных парадигм // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2005. Т. 1. № 3. С. 114–123.
4. Василеску Г. Методологические аспекты глобалистики / Г. Василеску // Век глобализации. 2010. № 1. С. 18–29.
5. Воскресенский А.Д. Мировое комплексное регионоведение и перспективы построения незападной (китаизированной) теории международных отношений // Полис. Политические исследования. 2013. № 6. С. 82–96.
6. Гладкий Ю. Н., Чистобаев А. И. Регионоведение: учебное пособие. М.: Гардарики, 2002. 384 с.
7. Демьяненко А. Н. Районирование в контексте стратегий регионального развития // Вестник ДВО РАН. 2006. № 3. С. 11–17.
8. Демьяненко А.Н. Районирование и разработка стратегии регионального развития // Стратегия развития Дальнего Востока: возможности и перспективы. Т. 1. Экономика. Хабаровск: Дальневост. гос. науч. б-ка, 2003. С. 78–84.
9. Демьяненко А.Н., Чукалкин А.Я. Территориальная организация рынка услуг ЖКХ в Хабаровском крае // Дальний Восток России: плюсы и минусы экономической интеграции. Хабаровск: РИОТИП, 2004. С. 321–328.
10. Киященко Л. П., Моисеев В. И. Философия трансдисциплинарности. М.: ИФ РАН, 2009. 205 с.
11. Колдунова Е.В. Мировое комплексное регионоведение как исследовательский подход и учебная дисциплина. Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 50 (5). С. 63–69.
12. Колосовский Н.Н. Основы экономического районирования. М.: Госполитиздат, 1958. 200 с.
13. Лысак И.В. Междисциплинарность и трансдисциплинарность как подходы к исследованию человека // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 6 (44): в 2-х ч. Ч. II. С. 134–137.
14. Макеева С.Б. Исследования развития регионов в рамках трансдисциплинарной региологии // Теория и практика регионоведения. Т. II. Труды I Международной научно-практической регионоведческой конференции. Кн. вторая. Санкт-Петербург, 7 декабря 2018 г. / Сост. и гл. ред. В. В. Яковлев, отв. ред. Т. В. Вольская. СПб., 2018. С. 6–14.
15. Макеева С. Б. Проблемы неравномерного развития Китая в работах китайских ученых-регионоведов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 1. С. 225–236.
16. Максаковский В. П. Географическая карта мира. Общая характеристика мира. Региональная характеристика мира. М.: Дрофа (Высшее образование). 2004. 318 с.
17. Науменко В. Е. Инновационный подход в разработке модели вузовского курса "Регионоведение" // Культурная жизнь Юга России. 2011. № 4 (42). С. 74–78.
18. Обедков А. П. Северное регионоведение как научная и образовательная дисциплина: история развития, предмет, содержание // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия: Теория и практика управления. 2017. № 19 (24). С. 130–141.
19. Павловский И. В. Введение в регионоведение: учебное пособие; МГУ им. М. В. Ломоносова. М.: Центр по изучению взаимодействия культур, 2012. 199 с.
20. Павловский И.В. Регионоведение сегодня // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 2. С. 145–156.
21. Павловский И.В. Социокультурное регионоведение как гуманитарная специальность (Ч. 1.) // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 2. С. 102–109.
22. Плотникова О.В., Дубровина О. Ю. Глобализация и регионализация, их влияние на международное сотрудничество регионов государств // Власть, 2013. Том. 21. № 2. С. 134–136.
23. Разумовский В. Н., Севастьянов Д. В. Регионоведение и страноведение в структуре географической науки // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 7. Геология. География. 2009. № 4. С. 81–86.

24. Рождественский Ю.В. Введение в культуроведение: учеб. пособие для вузов. М.: ЧеРо, 1996. 288 с.
25. Рущинская И. И. Регионоведение и краеведение: масштабы различий и формы взаимодействий // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 3. С. 9–16.
26. Сухарев А. И. Регионология и современная региональная политика в Российской Федерации // Регионология. 1992. № 1. С. 4–9.
27. Isard W. History of Regional Science and the Regional Science Association International. The Beginnings and Early History. Berlin, Heidelberg, New York: Springer-Verlag, 2003. 267 p.
28. Ludden, D. Area studies in the age of globalization. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sas.upenn.edu/~dludden/GlobalizationAndAreaStudies.htm> (дата обращения: 10.05.2019).
29. Schafer W. Reconfiguring area studies for the global age / W. Schafer // *Globality Studies Journal*. 2010. № 22. [Электронный ресурс]. URL: <https://gsj.stonybrook.edu/article/reconfiguring-area-studies-for-the-global-age/> (дата обращения: 10.05.2019).
30. Sideway, J. D. Geography, globalization and the problematic of area studies. [Электронный ресурс]. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/00045608.2012.660397> (дата обращения: 17.04.2019).
31. Smith, N. Remapping area Knowledge. Remaking Area Studies: Teaching and Learning across Asia and the Pacific. Honolulu: University of Hawaii's Press. 2010. С. 24–40.
32. Szanton D. The origin, Nature and Challenges of Area Studies in the United States. [Электронный ресурс]. URL: <https://escholarship.org/uc/item/59n2d2n1> (дата обращения: 10.05.2019).
33. 柴 宜弘. 地域研究としての日本研究 // 中欧研究. 2016 年11 月. 第2 号.
34. 地域研究分野の展望 // 日本学術会議. 2016年4月5日. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scj.go.jp/ja/info/kohyo/pdf/kohyo-21-h-1-7.pdf> (дата обращения: 10.05.2019).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Baranskij N.N. Kratkij kurs ehkonomicheskoj geografii. M.; L.: Gos. izd-vo, 1928 (M.: 1-ya Obraztsovaya tip.). 2 t. Vyp. 1: Obshhie ponyatiya: Ocherk mirovogo khozyajstva: Prilozh.: prof. L. D. Sinitskij. Ocherk vazhnejshikh inostrannykh gosudarstv. 1928. 222 s. Vyp. 2: EHkonomicheskaya geografiya SSSR: Obshhij obzor SSSR v tselom: Obzor po ehkonomicheskim rajonom. 1928. 455 s.
2. Baranskij N.N. EHkonomicheskaya geografiya Sovetskogo soyuza: Obzor po oblastyam gosplana. M.; L.: Gos. izd-vo, 1926 (M.: tip. Krasnyj proletarij). 294 s.
3. Barygin I. N. Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenij i regionovedenie v kontekste osnovnykh nauchnykh paradigim // Politicheskaya ehkspertiza: POLITEHKS. 2005. T. 1. № 3. S. 114–123.
4. Vasilesku G. Metodologicheskie aspekty globalistiki / G. Vasilesku // *Vek globalizatsii*. 2010. № 1. S. 18–29.
5. Voskresenskij A.D. Mirovoe kompleksnoe regionovedenie i perspektivy postroeniya nezapadnoj (kitaizirovannoj) teorii mezhdunarodnykh otnoshenij // *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2013. № 6. S. 82–96.
6. Gladkij YU. N., CHistobaev A. I. Regionovedenie: uchebnoe posobie. M.: Gardariki, 2002. 384 s.
7. Dem'yanenko A. N. Rajonirovanie v kontekste strategij regional'nogo razvitiya // *Vestnik DVO RAN*. 2006. № 3. S. 11–17.
8. Dem'yanenko A.N. Rajonirovanie i razrabotka strategii regional'nogo razvitiya // *Strategiya razvitiya Dal'nego Vostoka: vozmozhnosti i perspektivy*. T. 1. EHkonomika. Khabarovsk: Dal'nevost. gos. nauch. b-ka, 2003. S. 78–84.
9. Dem'yanenko A.N., CHukalkin A.YA. Territorial'naya organizatsiya rynka uslug ZHKKH v Khabarovskom krae // *Dal'nij Vostok Rossii: plyusy i minusy ehkonomicheskoj integratsii*. Khabarovsk: RIOTIP, 2004. S. 321–328.
10. Kiyashhenko L. P., Moiseev V. I. Filosofiya transdistsiplinarnosti. M.: IF RAN, 2009. 205 s.
11. Koldunova E.V. Mirovoe kompleksnoe regionovedenie kak issledovatel'skij podkhod i uchebnaya distsiplina. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2016. № 50 (5). S. 63–69.
12. Kolosovskij N.N. Osnovy ehkonomicheskogo rajonirovaniya. M.: Gospolitizdat, 1958. 200 s.
13. Lysak I.V. Mezhdistsiplinarnost' i transdistsiplinarnost' kak podkhody k issledovaniyu cheloveka // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2014. № 6 (44): v 2-kh ch. CH. II. С. 134–137.

14. Makeeva S.B. Issledovaniya razvitiya regionov v ramkakh transdistsiplinarnoj regionologii // Teoriya i praktika regionovedeniya. T. II. Trudy I Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj regionovedcheskoj konferentsii. Kn. vtoraya. Sankt-Peterburg, 7 dekabrya 2018 g. / Sost. i gl. red. V. V. YAKovlev, otv. red. T. V. Vol'skaya. SPb., 2018. S. 6–14.
15. Makeeva S. B. Problemy neravnomernogo razvitiya Kitaya v rabotakh kitajskikh uchenykh-regionovedov // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2019. T. 24, № 1. S. 225–236.
16. Maksakovskij V. P. Geograficheskaya karta mira. Obshhaya kharakteristika mira. Regional'naya kharakteristika mira. M.: Drofa (Vysshee obrazovanie). 2004. 318 s.
17. Naumenko V. E. Innovatsionnyj podkhod v razrabotke modeli vuzovskogo kursa "Regionovedenie" // Kul'turnaya zhizn' YUga Rossii. 2011. № 4 (42). S. 74–78.
18. Obedkov A. P. Severnoe regionovedenie kak nauchnaya i obrazovatel'naya distsiplina: istoriya razvitiya, predmet, sodержanie // Vestnik Komi respublikanskoj akademii gosudarstvennoj sluzhby i upravleniya. Seriya: Teoriya i praktika upravleniya. 2017. № 19 (24). S. 130–141.
19. Pavlovskij I. V. Vvedenie v regionovedenie: uchebnoe posobie; MGU im. M. V. Lomonosova. M.: TSentr po izucheniyu vzaimodejstviya kul'tur, 2012. 199 s.
20. Pavlovskij I.V. Regionovedenie segodnya // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2005. № 2. S. 145–156.
21. Pavlovskij I.V. Sotsiokul'turnoe regionovedenie kak gumanitarnaya spetsial'nost' (CH. 1.) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2014. № 2. S. 102–109.
22. Plotnikova O.V., Dubrovina O. YU. Globalizatsiya i regionalizatsiya, ikh vliyanie na mezhdunarodnoe sotrudnichestvo regionov gosudarstv // Vlast', 2013. Tom. 21. № 2. С. 134–136.
23. Razumovskij V. N., Sevast'yanov D. V. Regionovedenie i stranovedenie v strukture geograficheskoy nauki // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 7. Geologiya. Geografiya. 2009. № 4. S. 81–86.
24. Rozhdestvenskij YU.V. Vvedenie v kul'turovedenie: ucheb. posobie dlya vuzov. M.: CHERo, 1996. 288 s.
25. Rutsinskaya I. I. Regionovedenie i kraevedenie: masshtaby razlichij i formy vzaimodejstvij // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2009. № 3. S. 9–16.
26. Sukharev A. I. Regionologiya i sovremennaya regional'naya politika v Rossijskoj Federatsii // Regionologiya. 1992. № 1. S. 4–9.
27. Isard W. History of Regional Science and the Regional Science Association International. The Beginnings and Early History. Berlin, Heidelberg, New York: Springer-Verlag, 2003. 267 p.
28. Ludden, D. Area studies in the age of gobalization. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.sas.upenn.edu/~dludden/GlobalizationAndAreaStudies.htm> (data obrashheniya: 10.05.2019).
29. Schafer W. Reconfiguring area studies for the global age / W. Schafer // Globality Studies Journal. 2010. № 22. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://gsj.stonybrook.edu/article/reconfiguring-area-studies-for-the-global-age/> (data obrashheniya: 10.05.2019).
30. Sideway, J. D. Geography, globalization and the problematic of area studies. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/00045608.2012.660397> (data obrashheniya: 17.04.2019).
31. Smith, N. Remapping area Knowledge. Remaking Area Studies: Teaching and Learning across Asia and the Pacific. Honolulu: University of Hawaii's Press. 2010. С. 24–40.
32. Szanton D. The origin, Nature and Challenges of Area Studies in the United States. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://escholaship.org/uc/item/59n2d2n1> (data obrashheniya: 10.05.2019).
33. 柴 宜弘. 地域研究としての日本研究 // 中歐研究. 2016 年11 月. 第2 号.
34. 地域研究分野の展望 // 日本学術会議. 2016年4月5日. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.scj.go.jp/ja/info/kohyo/pdf/kohyo-21-h-1-7.pdf> (data obrashheniya: 10.05.2019).

Кремнёв Е. В., Лесниковская Е. В. К вопросу о целях и задачах трансдисциплинарной регионологии.

Авторы статьи формулируют цель и задачи нового направления – трансдисциплинарной регионологии – с учетом опыта, наработанного отечественной и зарубежной наукой. В статье рассматривается процесс формирования на современном этапе указанного научного направления, объединяющего достижения различных научных школ, посвященных изучению региона и региональных процессов. Обосновывается трансдисциплинарность как его базовая характеристика, поясняется выбор термина "регионология".

Ключевые слова: наука о регионах, регионоведение, регион, страноведение, мировое комплексное регионоведение, социокультурное регионоведение, глобалистика, регионология, трансдисциплинарная регионология

Kremnyov E. V., Lesnikovskaya E. V. On the question of the goals and objectives of transdisciplinary regionology.

The authors of the article formulate the goals and objectives of a new research field – transdisciplinary regionology – by taking into account the experience gained in domestic and foreign scientific fields. The article discusses the process of formation of the specified scientific direction, combining the achievements of various scientific schools devoted to the study of the region and its regional processes. Transdisciplinarity is grounded as its basic characteristic, and the choice of the term "regionology" is explained.

Key words: regional science, regional studies, region, regional geography, world integrated regional studies, social and cultural regional studies, global studies, regionology, transdisciplinary regionology

Для цитирования: Кремнёв Е. В., Лесниковская Е. В. К вопросу о целях и задачах трансдисциплинарной регионологии // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 3. С. 65–75. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-3/65-75

For citation: Kremnyov E. V., Lesnikovskaya E. V. On the question of the goals and objectives of transdisciplinary regionology // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 3. P. 65–75. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-3/65-75

Материальное положение учителей сельских школ Приморской области в 1900–1914 гг.

Материальное положение учителей дореволюционной России относится к числу тем, далеко не изученных. В трудах, посвящённых образованию XIX–XX в., этот аспект рассмотрели в контексте жизни провинциальной интеллигенции [23, 31]. Т. А. Вепренцев [6], И. В. Зубков [21], Т. В. Филоненко и А. В. Шпилова [29] описали жизнь учителей земских школ европейской части Российской империи, за рамками исследований остались школы Дальнего Востока и Сибири. Газета "Владивосток" (1898 г.) писала: "в нашей стране забота о народном образовании возложена целиком на земства, в Сибири и на Дальнем Востоке, где названные учреждения ещё не привиты, общий надзор и ведение этого дела сосредоточено в руках административных властей" [8, с. 11].

История дальневосточного школьного образования изучена достаточно хорошо. С. В. Литвинова [25], О. Б. Лынша [26], Т. З. Позняк [28], Д. А. Ткаченко [28] описали повседневную жизнь городских учителей. Однако не проводился сравнительный анализ повседневных проблем сельских и городских педагогов, цен на основные товары и продукты; не выявлялись факторы, негативно отражавшиеся на качестве жизни педагогов; не сравнивалось жалование разных категорий учителей (законоучителей, преподавателей, народных учителей и их помощников). Цель статьи – на материалах Российского государственного исторического архива Дальнего Востока раскрыть вышеперечисленные аспекты.

В ходе освоения Тихоокеанского побережья России во второй половине XIX в. – начале XX в. расширялась сеть школ. К 1909 г. в 146 селениях края открылось 55 школ трёх типов: 95 церковноприходских, 43 министерских и 17 казачьих (в крупных сёлах работало по две школы разных ведомств) [17, с. 463].

Быстрый рост школ привел к дефициту кадров, поскольку педагогические учебные заведения в крае отсутствовали. "Нет учителей и совсем неоткуда их брать, – писал епархиальный наблюдатель, – долгое время это будет тормозить успех школьного дела" [13, с. 98]. Педагогов "выписывали из России". "В крае нет ни одного учебного заведения, которое бы занималось подготовкой молодых людей к учительству. Особенно трудно замещать учительские должности лицами образованными и знающими дело. Приходится приглашать учителей из коренных русских губерний, а это не всегда возможно, требуются деньги, которых недостаточно" [14, с. 271]. Современник писал: "почти все учителя – народ пришлый, приехавший в край в погоне за заработком, за местом и вообще "за счастьем". Они рьяно берутся за дело, но через два-три года уходят из школы в погоне за "лучшим местом", в поисках более высокооплачиваемого жалования" [15, с. 409]. Это явление приобрело массовый характер. Среднегодовое жалование учителей составляло от 160 до 780 рублей в год.

Можно выделить группы педагогов, годовой доход которых равнялся 300, 400, 500 и 600 рублей (за 10 месяцев работы), т.е. от 30 до 60 рублей в месяц. Эти цифры соответствуют данным на 1900 г. Согласно статистическому отчету, "в 1900–1901 учебном году: 18 человек получали жалование равное 300 рублям в год, 22 – 400 рублей в год, 18 – 500 рублей в год и 13 чело-

Таблица 1. Оклады учителей Южно-Уссурийского края (на 1907 г.).

Тип школы	Размер оклада (в рублях, в год)																						
	780	720	700	660	600	550	540	520	510	500	480	450	420	400	360	350	320	300	240	200	180	160	
	Количество учителей, получающих оклад (в рублях, в год)																						
Св. Синод	-	1	2	-	23	3	2	1	1	1	9	6	1	4	9	4	1	2	16	4	9	-	1
Министерство народного просвещения	1	-	9	1	2	-	-	-	-	61	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Казачьи	-	-	1	-	4	-	-	-	-	4	-	-	-	3	-	-	-	1	-	-	-	1	-

Источник: [16, с. 456].

Таблица 2. Оклады разных категорий школьных работников (1900–1909 г.).

Категория школьных работников / Тип начальной школы	Размер оклада (в рублях, в год)		
	законо-учитель	учитель / учительница	помощник учителя
Школа грамоты Св. Синода	30	160-400	50-100
Одноклассная церковноприходская школа	50	200-600	100-150
Одноклассное училище министерства народного просвещения	100-150	300-500	-
Начальная школа Уссурийского казачьего Войска	-		100-120

Источник: [2, с 127–133; 11, с. 5–6].

век – 600 рублей в год, только 3 учителя получали соответственно 520, 640 и 720 рублей" [1, с. 295].

За прошедшие годы размер учительского жалования остался прежним. Дифференциация учительской зарплаты (от 160 до 780 рублей в год) зависела от "среднего срока службы", "образовательного ценза", типа школ и др.

В 1900-е гг. в крае "насчитывались единицы учащихся, бесценно трудящихся на учебном поприще 10–15 лет, учителя все поголовно люди молодые, едва приступившие к делу" [24, с. 120], поэтому на дифференциацию оплаты труда "выслуга лет" влияла мало. Гораздо большее значение имел "образовательный ценз", т.е. какое учебное заведение окончил педагог. "В здешнем крае не только интеллигентный, но и просто грамотный человек весьма ценен" [1, с. 80], поэтому к занятиям допускали выпускников разных учебных заведений.

Первый разряд составляли юноши, окончившие курс обучения в церковно-учительских школах, учительских институтах и семинариях, второклассных школах, где получали специальную педагогическую подготовку. Например, учитель с. Надаровка получал 600 рублей в год (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 206-в. Л. 1-1об), два учителя школы с. Успенка (первый – окончил Казанскую, второй – Воронежскую учительскую семинарию) имели размер жалования – по 500 рублей (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 244. Л. 59–60). Вторую группу составляли выпускницы епархиальных училищ, женских гимназий и прогимназий. Их труд оплачивали по II-му разряду. Например, три учительницы Никольской церковно-приходской школы получали по 500 рублей каждая [2, с. 130]. Третья группа объединяет выпускников гимназий и реальных училищ. Они имели глубокие гуманитарные и математические знания, но не получили педагогического образования. Экзамен на право занять учительскую должность открывал им путь в школу; их жалование составляло от 420 до 600 рублей в год (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 244. Л. 65–66об, 75–76). Значительно ниже были оклады у лиц, окончивших духовные семинарии, городские и юнкерские училища. Их оклады составляли от 200 до 400 рублей в год [2, с. 127–131]. Низкий образовательный ценз имели выпускники церковноприходских школ и министерских училищ. Их жалование составляло от 150 до 200 рублей в год [2, с. 127–131]. К учительству допускали грамотных крестьян, солдат, казаков. Оплату их труда (от 30–50 до 120–180 рублей в год) устанавливали "по согласованию" [2, с. 127–131].

На всей территории страны оклад установили по одной ставке, без учёта региональной специфики. По свидетельству инспектора народных училищ Н. С. Иваницкого, материальное положение учителей Сибири и Дальнего Востока было тяжёлым. Он писал: "скудно вознаграждаем учительский труд, тяжёлые условия жизни и службы в сёлах, особенно удалённых от городов и населённых центров, расположенных в тайге и в других глухих местах" [21, с. 36]. Мнение чиновника разделял священник: "На Дальнем Востоке труд дорого ценится, благодаря отчасти дороговизне жизни, труд грамотного человека, тем более специалиста ещё выше. Чтобы привлечь в школы лучших людей, необходимо платить им больше – минимум вознаграждения, за которое может согласиться добросовестно работать учитель" [3, с. 294–295]. Оклад сельского учителя 30–60 рублей в месяц не обеспечивал "прожиточный минимум".

Д. Я. Бондарев вспоминал: "Условия учительской службы во всем крае – в Благовещенском, Хабаровском и Владивостокском школьных районах – одни и те же, т.е. 53 рубля 46 копеек в месяц для учителей, заведующих двухклассных училищ, 39 рублей с вычетом и готовой квартирой – для учителей одноклассных училищ. В церковноприходских школах учителя получают 50 и 75 рублей в месяц. На Уссурийской железной дороге и на КВЖД заведующие двухклассным училищем получают 125 рублей в месяц с готовой квартирой; заведующие одноклассным училищем и учителя школ КВЖД – 100 рублей и квартиру. В школах Уссурийской железной дороги жалование составляло 75 рублей в месяц, что вполне обеспечивает учителей и дает им возможность держать в обществе независимо, с полным достоинством" [5, с. 296, 306].

Инфляция в годы русско-японской войны повысила "прожиточный минимум" (его определяли в 300–400 рублей в год). "В силу тяжёлых условий

жизни во вновь населённом крае, чтобы найти лучших и более правоспособных учителей, есть одно надёжное средство, – увеличить им содержание до 300–400 рублей, в добавление к тем средствам, которые очень скудны" [13, с. 400]. Однако, "по местным условиям минимум учительского вознаграждения должен составлять 480–500 рублей в год, но этих средств хватит "в обрез" [15, с. 417]. Расчёты показали, что жалование следует увеличить: для школ грамоты – до 300 рублей в год, для министерских училищ – до 500 рублей в год (для одиноких учащихся), если в школе трудятся муж и жена, то заработок должен равняться 1000–1200 рублей в год; для церковноприходских школ – 600 рублей в год. Это самая минимальная плата, за которую в Уссурийском крае можно найти правоспособного и добросовестного учителя" [13, с. 400].

По заказу министерства народного просвещения, крестьянские начальники собрали сведения "О состоянии школьного дела на переселенческих участках" в 1907–1909 гг. (РГИА ДВ Ф. 1. Оп. 1. Д. 1571. Л. 63–71об.), аналогичную работу провели во Владивостокской епархии. Выяснилось: далеко не все педагоги имели жалование в 500–600 рублей в год. "Из 116 школ края только 36 сельских учителей получили жалование от 500 до 900 рублей в год; 80 школ показали платежи значительно ниже минимальной суммы; в 43 школах учителя имеют ничтожные вознаграждения" [14, с. 271]. В 1907 г. "относительно хорошо обстоит дело в министерских училищах (100% учителей получали по 500 рублей в год), 64% учителей казачьих школ и 42% учителей церковных школ получали оклад необходимого минимума" [16, с. 456–457].

Учителя разных волостей сообщили сведения о своих зарплатах, ценах на товары и продукты в разных деревнях и сёлах края, о своих тратах за месяц.

Конкретизируем месячные расходы одиноких учителей, проживающих в Ивановской и Успенской волостях. Итак, "средние расходы составляли – на покупку обуви (4 рубля), белья (2 рубля), одежды (5 рублей 50 копеек), посуды

Таблица 3. Расходы учителей на необходимые товары и продукты (в рублях, в месяц).

Место проживания	Одинокий учитель (холостяк)	Семья учителей (родители и 3–4 маленьких детей)
Селения в приграничных волостях близь озера Ханка	45–46 рублей	53–54 рубля
Селения внутренних волостей края, в 35–40 верстах от железной дороги	21 рубль 50 копеек – 23 рубля	50–55 рублей

Источник: [15, с. 410–417].

(95 копеек). Услуги за приготовление пищи (1 рубль 50 копеек), выпечку хлеба (1 рубль 50 копеек). Не учитывались траты на почтовые марки (60 копеек), конверты (10 копеек), бумагу (30 копеек), на поездки (до 5 рублей) [15, с. 416].

Расчёты показали, что жалование с трудом обеспечивало учителей и их семьи самым необходимым.

Сравнивая цены в разных волостях, чиновники рассчитали, что "в глухих селениях края, богатых зверьём и рыбой, можно прожить и на меньшую сумму. Но в тех местностях, где дешёвые продукты, значительно дороже всё остальное, необходимое в домашнем обиходе учителя: одежда, обувь, газеты и журналы, книги, средства сообщения с городом и с волостным селом, где необходимо бывать по обязанностям службы или по хозяйственным делам" [15, с. 415–416]. Н. С. Иванецкий на основании рыночных цен на продукты и предметы первой необходимости определил годовой расход одинокого учителя начала XX в.: во Владивостокском, Никольск-Уссурийском и Ольгинском уездах – 475–590 рублей в год (360–420 рублей – на продовольствие, 100–150 рублей – на одежду, бельё и обувь, 10–20 рублей – на поездки в город). В Иманском и Хабаровском уездах Приморской области жизнь дороже, поэтому

Таблица 4. "Месячные расходы" учителей на основные товары и продукты.

Сельские учителя, работающие в школах	"Расходы" на основные товары и продукты (в рублях, в месяц)										
	Хлеб белый / черный	Мясо	Крупа (рис)	Молоко	Табак	Вино	Овощи / фрукты	Рыба	Яйца	Масло	Чай / сахар
Ивановской волости	3	6	2 ½	1 ½	2	1	1	-	-	-	-
Успенской волости	2 ½ 1 ½	8	0,5	3	2 ½	3 ½	1–0,5	0,5	1 ½	1 ½	2 ½

Источник: [15, с. 410–417].

годовой расход одинокого сельского учителя составлял 550–680 рублей в год (420–480 рублей – на продовольствие, 100–150 рублей – на одежду, обувь и бельё, 30–50 рублей – на поездки в город). В целом, доходы преподавателей низших школ едва обеспечивают необходимый прожиточный минимум" [21, с. 30–31].

Ответы на вопрос "Анкеты", разосланной по школам в 1902 г., о порядке получения жалования, выявили сложную проблему: порядок получения денег. Казённые средства для оплаты труда учителей министерских училищ поступали на банковский счет и далее распределялись по школам инспектором народных училищ (РГИА ДВ Ф. 702. Оп. 3. Д. 418. Л. 31–33об). Учителя городских школ получали зарплату практически без задержек, но доставить деньги в отделённые таёжные деревни, где не было почты или торговой лавки, было затруднительно. Одна группа сельских учителей сообщила: "деньги получаем через пристава, но не всегда своевременно, иногда через месяц после 20 числа, что ставит в крайне неудобное положение" (РГИА ДВ Ф. 702. Оп. 3. Д. 244. Л. 59–60). Другие учителя писали, что "получают своё жалование раз в год, от Инспектора" (РГИА ДВ Ф. 702. Оп. 3. Д. 244. Л. 75–76об). Третьи жаловались, что "деньги получают через волостного старшину или волостное правление, но аккуратность не может считаться похвальной" (РГИА ДВ Ф. 702. Оп. 3. Д. 244. Л. 65–66об).

Учителя казачьих школ сообщили, что "жалование, которое идет из сумм Уссурийского казачьего войска, высылается Войсковым Правлением исправно через почту, задержка не было" (РГИА ДВ Ф. 702. Оп. 3. Д. 244. Л. 92об–93). Помощникам учителя "деньги выплачивали из общественных сумм, жалование выдается неисправно, но иногда приходится ждать 2–3 месяца, задержка за неимением средств в наличности" (РГИА ДВ Ф. 702. Оп. 3. Д. 244. Л. 93).

Самая тяжёлая ситуация наблюдалась в школах Св. Синода, открытых в отдалённых и малолюдных деревнях края. "Сами учителя, в учебное время не имели возможность выезжать за получением оного в город. Училищный совет не высылает жалования учителей на места их служения, если не доверит кому-либо получить его. Бывали случаи, когда учащие церковных школ просили выслать им жалование через доверенности на посторонних лиц. Ныне они просят того не делать, так как практикуемый способ получения жалования вводит их в расход за услугу, доверенные лица иногда и вовсе оставляли их без жалования" [4, с. 60]. Перед сельским учителем стоял выбор: либо ежедневное выживание без копейки в кармане, либо ежемесячное прозябание на скудном содержании, "не зная дня и часа, когда сжалются над ним и отдадут его "горькие гроши", либо вовсе остаться без денег по вине доверенного "мошенника" или "выпивохи".

Несвоевременная выплата жалования унижала дважды. Во-первых, "бедность", поскольку ничем, как своим трудом учитель не мог добыть средства к существованию. "Если терпеть нищету одному – дело привычное, то как быть с родными и близкими" [4, с. 61]. Один педагог рассказывал: "40–50 рублей в месяц, по-здешнему, ничтожная сумма, да еще ждать пождать её полгода. Может бедняга должен помогать из своего бюджета престарелой матери или малышам братьям и сёстрам. Ведь учителя покидают родину, едут на лучший оклад, чтобы поддержать кого-либо из своей семьи, а тут обман" [10, с. 2]. Во-вторых, "кабала", поскольку учителя были вынуждены просить средства в долг. Кредитором выступал местный лавочник, снабжавший продуктами, крестьяне, кормившие с отсрочкой оплаты. Унизительное положение "просильца" влияло на статус и репутацию учителя в крестьянском обществе негативно, "роняло их достоинство среди темного люда" [4, с. 60]. Упоминалось, что кредиторы прилюдно "совестили должника", приходили в класс требовать возврата долга. Для защиты сельских учителей от такого унижения, Епархиальный Училищный совет разрешил "высылать жалование учителей церковных школ на места их служения через приходских священников. В случае задержки денег, заведующим позволялось выдать учителю ссуду под жалование из церковных сумм, но такая мера временная, так как иногда в церкви нет свободных сумм" [4, с. 61]. Итак, недовольство вызывали размер жалования и порядок его выплаты.

В начале XX в. появились феномены "кочующий учитель" и "бегство со службы". "Подождёт учитель жалования несколько месяцев, за это время его прошигуют со всех сторон кредиторы до самых крайних пределов терпения, тотчас соберётся и покуда его и видели" [9, с. 8]. Жалование платили только за службу в течение учебного года, поэтому на каникулах учителя искали способ подработать. Газета "Владивосток" писала: "наступили каникулы, учителя с действительно педагогической подготовкой, а не доморощенные сапожники, бегут в города. Очень соблазнительно каждому ведомству у нас переманить к себе служащего с солидной подготовкой" [12, с. 7].

Примеров "бегства учителей из школы" много: приехал в Никольскую церковноприходскую школу учитель на 600 рублей годового содержания, при готовой квартире, стороже и отоплении; он сразу же убедился, что эта сумма, по его личным и местным условиям – мала, через три месяца он уже служил в канторе Уссурийской железной дороги, с жалованием 900 рублей при тех же остальных условиях, сверх того при меньшем количестве труда и нравственной за него ответственности [1, с. 81]. Отток правоспособных учителей наблюдался и в министерских училищах. Отработав два-три месяца на спокойной, хорошо оплачиваемой должности, учитель задумывался: "Не поменять ли интересный, полезный и зачастую близкий их сердцу труд на мёртвую канцелярщину, лишь бы иметь возможность лучше обеспечить себя, пользоваться чтением книг и газет, быть в обществе себе подобных, получать хоть изредка, доступное развлечение" [10, с. 2].

Поработав на каникулах на хорошо оплачиваемой должности, учитель стремился сохранить за собой это место и на период учебного года. Крестьяне рассуждали об опасности "учительских подработок": "Вернувшись с хорошо оплачиваемой должности, будут ли учителя с тою же любовью к делу и детям служить в деревне, как ранее? Не сбегут ли ещё в середине учебного года?" [12, с. 2]. О том, как такие настроения мешали школьному делу, можно судить на следующем примере: "Черниговка – богатейшее по благосостоянию и населению село в Южно-Уссурийском крае, но нет учителя, который бы всецело занимался только в школе. Настоящий учитель, занятый железнодорожным подрядом по поставке шпал, не имеет возможности предаться всецело своему прямому назначению. Крестьяне надеются, что он, наконец, откажется от учительства и оставит своё место другому. Он, вероятно, сам осознаёт невозможность служить сразу двум делам. Крестьянскому обществу следует обеспечить учителя содержанием настолько, чтобы он не имел надобности прибегать к посторонним заработкам" [7, с. 9]. Обратим внимание, что в крупных, богатых и многолюдных сёлах края (Черниговка, Шкотово, Спасское, Успенка) к началу XX в. открылись почтово-телеграфные конторы, торговые лавки и железнодорожные станции. Сельские учителя спешили занять "вакантные должности" еще до окончания учебного года. Крестьянские начальники сооб-

щали: "из Шкотова учителя не просто уходили; этот уход походил скорее на побег" [9, с. 8], "в Успенке в последние годы особенно заметно бегство сельских учителей и учительниц из сёл и деревень" [10, с. 2]. В разгар учебного года сельские школы рисковали остаться без правоспособных учителей, волей-неволей приходилось вверять школьное дело "случайным грамотеям".

Обнаружив прямую взаимосвязь между недостаточностью средств на достойное, по местным условиям, вознаграждение за учительский труд и низким профессионализмом, чиновники начали поиск путей исправления ситуации. "Необходимо увеличить вознаграждение до такой нормы, чтобы учительскую службу не покидали при первом удобном случае для другого занятия. Только в этом случае была бы не только возможность привлекать на службу в школы людей правоспособных, но и наличных учителей, можно было бы заставить серьёзнее относиться к своим обязанностям. Потеря службы для них в этом случае была бы делом не безразличным или даже невозможным" [1, с. 89].

В 1905–1909 гг. повысилось материальное положение учителей казачьих школ. В распоряжение Войскового правления ежегодно перечислялись деньги на содержание школ и её инспекцию. В 1905 г. на эти цели израсходовали 13415 рублей, в 1907 г. – 15250 рублей, в 1908 г. – цифра увеличилась до 16000 рублей, чтобы довести оплату труда заведующего двухклассной школой до 820 рублей, учителя одноклассной школы – до 500 рублей в год. В случае успешности работы учителя и в зависимости от числа лет службы в школе – повысить жалование до 700 рублей в год [16, с. 457; 17 с. 527].

Министерство народного просвещения увязало повышение учительского жалования с программой введения всеобщего начального обучения. Был принят закон "О ежегодном увеличении сметы на начальное образование" (от 3 мая 1908 г.). В нём установлено: размер учительского жалования должен быть не менее 360 рублей в год [20, с. 178]. В 1914 г. Дума одобрила закон об увеличении минимального учительского жалования до 480 рублей в год; учителя получили право на дополнительное вознаграждение. Подработку обеспечивали работа в воскресных школах, законоучительство, преподавание рукоделия, переплётного дела, заведование библиотекой. Согласно "Правилам о народных библиотеках при низших учебных заведениях Министерства народного просвещения" (1906 г.), за исполнение обязанностей заведующих библиотекам учителям назначалось дополнительное вознаграждение. Например, совмещали обязанности учителя и заведующего библиотекой учителя с. Астраханка [27, с. 15] и с. Успенка (РГИА ДВ Ф. 1. Оп. 2. Д. 1626. Л. 7), учительница с. Григорьевка [26, с. 22] и др. Что касается законоучительства, то священнослужители весьма неохотно уступали преподавание Закона Божия светским учителям и использовали любую возможность, чтобы вернуть монополию на законоучительство. Они следили, ходит ли учитель в храм, соблюдает ли пост, ведёт ли праведный образ жизни. В 1915 г. Епархиальный Училищный совет постановил: "по донесению церковно-школьной инспекции, лишать жалования тех законоучителей, которые за год без уважительных причин пропустили треть уроков" [19, с. 396]. Поэтому народные учителя аккуратно исполняли свои обязанности. Например, о законоучителе из с. Майхе писали: "получает жалование и уроков из-за жалования не пропускает" (РГИА ДВ Ф. 62. Оп. 1. Д. 33. Л. 38–42). Такие меры помогли поднять материальный уровень учителей министерских училищ.

По мнению Св. Синода, "увеличить вознаграждение учителей без помощи населения невозможно" [14, с. 271]. Но далеко не все сельские общества, из-за малолюдности и бедности могли доплачивать учителям за труд. Если корейские общества отпускали дополнительные средства: в Кроуновке (400 рублей), в Сидими (300 рублей), в Тизинхе (700 рублей: 400 рублей – учителю, 300 рублей – учительнице), в Адими (1100 рублей: по 400 рублей двум учителям, 300 рублей – учительнице) в год; то в русских селениях ежегодно доплачивали учителям по 300 рублей в год к казённому жалованию лишь в Черниговке и в Спасском [14, с. 272]. Обычно сельские общества для дополнительного жалования предлагали учителям исполнять обязанности писаря, псаломщика, регента церковного хора.

Проведенное исследование выявило неравномерность в оплате труда сельских учителей начала XX в. Разница объяснялась образовательным цен-

зом, доплатами к учительскому жалованию, финансовыми возможностями сельских обществ. Недостаточное материальное положение вынуждало учителей искать более высокооплачиваемые должности и покидать школу. Чиновники разных ведомств стремились удержать на службе правоспособных и опытных учителей, искали способы повышения их жалования через доплаты и повышение окладов. Размер жалования постепенно повышался, но начавшийся летом 1914 г. Первая мировая война прервала эту тенденцию.

Влияние войны ощутили даже в таком глубоком тылу, как Дальний Восток. С первых дней войны начался рост цен на некоторые товары и продукты. По мере активизации боевых действий, возрастал поток военных грузов, с которыми Транссибирская магистраль не справлялась. Осенью 1914 г. начались перебои в доставке продуктов и товаров жизненной необходимости.

Администрация контролировала ситуацию, вводя фиксированные цены, регулируя правила торговли и закупок продовольствия. Но это не остановило быстрого обнищания населения. Сократилось и реальное жалование учителей.

Война негативно отразилась на размерах финансовой помощи государства народному просвещению. Осенью 1914 г., на 2/3 (от сметы 1913 г.) был сокращен кредит, выделенный по программе всеобщего начального образования (РГИА Ф. 733. Оп. 186. Д. 2123. ЛЛ. 11-12). Начались задержки с выплатой жалования и доплат за выслугу лет. По Закону от 7 июля 1913 г. планировали в 1914–1917-е гг. осуществить казенные доплаты к зарплатам учителям (по 60 рублей в год за каждые пять лет службы) [21, с. 70]. Но, в 1914 г. успели выплатить прибавки педагогам, прослужившим 20 и более лет; прибавки к жалованию учителям за 10 и 15-летний стаж отсрочили до 1915–1916 гг. Не приходилось рассчитывать и на помощь органов местного самоуправления. Сельские общества были вынуждены отказывать учителям в уплате "ежемесячных вознаграждений" по причине отсутствия средств и "дороговизны жизни".

С началом войны активизировали свою деятельность благотворительные общества. Собранные деньги, вещи и продукты они передавали в фонд помощи "лицам, пострадавшим от боевых действий": раненым, вынужденным переселенцам, беженцам, семьям мобилизованных нижних чинов и др. В таких условиях учителя не могли претендовать на пособия и дотации. Уровень их жизни оставался скромным, позволяя удовлетворять лишь самые элементарные потребности. Они вынуждены мирились с тяжелыми условиями жизни, ожидали окончания войны, с чем связывали улучшение своего материального положения.

Литература

1. Благовещенские епархиальные ведомости. 1900. 15–31 июля.
2. Благовещенские епархиальные ведомости. 1900. 15 сентября.
3. Благовещенские епархиальные ведомости. 1902. 15 июля.
4. Благовещенские епархиальные ведомости. 1910. 1 февраля.
5. Бондарев Д. Я. Далёкая окраина. (Мои воспоминания) // Проблемы истории образования на Дальнем Востоке России: материалы научной конференции. Выпуск 3. / Отв. ред. О. Б. Лынша, И. В. Пчела. Уссурийск: изд-во ДВФУ (филиал в г. Уссурийске), 2013. С. 292–311.
6. Вепринцев Т. А. Материальное положение учителей и врачей в Российской провинции во второй половине XIX – начале XX веков // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. Серия. История. Исторические науки. Тула, 2013. С. 157–167.
7. Владивосток. 1898. 28 июля.
8. Владивосток. 1898. 28 ноября.
9. Владивосток. 1899. 25 июля.
10. Владивосток. 1902. 3 февраля.
11. Владивосток. 1902. 10 февраля.
12. Владивосток. 1902. 12 мая.
13. Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 15 сентября.
14. Владивостокские епархиальные ведомости. 1906. 15 июня.
15. Владивостокские епархиальные ведомости. 1907. 1 декабря.
16. Владивостокские епархиальные ведомости. 1907. 15 декабря.

17. Владивостокские епархиальные ведомости. 1908. 1 октября.
18. Владивостокские епархиальные ведомости. 1908. 1 ноября.
19. Владивостокские епархиальные ведомости. 1915. 15 июля.
20. Всеобщее обучение и земство. / Сост. П. Чижевский. СПб.: Лига образования, 1910. 188 с.
21. Зубков И. В. Российское учительство. Повседневная жизнь преподавателей земских школ, гимназий и реальных училищ. 1870–1916. М.: Хронограф, 2010. 528 с.
22. Иваницкий Н. С. Нужды народного образования в Приамурском крае. Выпуск XIX. Хабаровск, 1914. 99 с.
23. Казакова О. М. Провинциальное учительство в XIX – начале XX в. Автореферат дис. канд. ист. наук: 07.00.02: Киров, 2009. 24 с.
24. Камчатские епархиальные ведомости. 1898. 15 сентября.
25. Литвинова С. В. К вопросу о материальном положении Дальневосточного сельского учителя в 20-е гг. XX в. // VII Дальневосточная конференция молодых историков / Сборник материалов / Ред. М. Б. Сердюк. Владивосток: изд-во ДВГУ, 2002. С. 57–60.
26. Лынша О. Б. История образования в Никольске-Уссурийском. 1882–1922 гг.: Монография. Владивосток: ДВФУ. Школа педагогики, 2018. 292 с.
27. Памятная книга Приморской области на 1905. -Владивосток, 1905. 129 с.
28. Позняк Т. З. Преподавательский состав учебных заведений и уровень жизни учителей городов Дальнего Востока России во второй половине XIX – начале XX вв. // Проблемы славянской культуры и цивилизации: материалы XIV Международной научно-методической конференции. Уссурийск: ДВФУ, 2012. С. 12–18.
29. Ткаченко Д. А. Повседневное положение учителей Южно-Уссурийского края конца XIX – XX вв. // Уссурийские чтения: сборник работ участников IV Уссурийских краеведческих чтений (9-10 октября 2012). Уссурийск, 2013. С. 74–80.
30. Филоненко Т. В., Шипилов А. В. Материальное положение учителей дореволюционной России // Педагогика. 2004. № 7. С. 65–75.
31. Черкасова Н. Н. Повседневная жизнь земских учителей российской провинции во второй половине XIX – начале XX в. Автореферат дис. канд. ист. наук: 07.00.02: Курск, 2006. 24 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Blagoveshhenskie eparkhial'nye vedomosti. 1900. 15–31 iyulya.
2. Blagoveshhenskie eparkhial'nye vedomosti. 1900. 15 sentyabrya.
3. Blagoveshhenskie eparkhial'nye vedomosti. 1902. 15 iyulya.
4. Blagoveshhenskie eparkhial'nye vedomosti. 1910. 1 fevralya.
5. Bondarev D. YA. Dalyokaya okraina. (Moi vospominaniya) // Problemy istorii obrazovaniya na Dal'nem Vostoke Rossii: materialy nauchnoj konferentsii. Vypusk 3. / Otv. red. O. B. Lynsha, I. V. Pchela. Ussurijsk: izd-vo DVFU (filial v g. Ussurijske), 2013. S. 292–311.
6. Veprintsev T. A. Material'noe polozhenie uchitelej i vrachej v Rossijskoj provintsii vo vtoroj polovine XIX – nachale KHKH vekov // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. Seriya. Istoriya. Istoricheskie nauki. Tula, 2013. S. 157–167.
7. Vladivostok. 1898. 28 iyulya.
8. Vladivostok. 1898. 28 noyabrya.
9. Vladivostok. 1899. 25 iyulya.
10. Vladivostok. 1902. 3 fevralya.
11. Vladivostok. 1902. 10 fevralya.
12. Vladivostok. 1902. 12 maya.
13. Vladivostokskie eparkhial'nye vedomosti. 1903. 15 sentyabrya.
14. Vladivostokskie eparkhial'nye vedomosti. 1906. 15 iyunya.
15. Vladivostokskie eparkhial'nye vedomosti. 1907. 1 dekabrya.
16. Vladivostokskie eparkhial'nye vedomosti. 1907. 15 dekabrya.
17. Vladivostokskie eparkhial'nye vedomosti. 1908. 1 oktyabrya.
18. Vladivostokskie eparkhial'nye vedomosti. 1908. 1 noyabrya.
19. Vladivostokskie eparkhial'nye vedomosti. 1915. 15 iyulya.
20. Vseobshhee obuchenie i zemstvo. / Sost. P. CHizhevskij. SPb.: Liga obrazovaniya, 1910. 188 s.
21. Zubkov I. V. Rossijskoe uchitel'stvo. Povsednevnaya zhizn' prepodavatelej zemskikh shkol, gimnazij i real'nykh uchilishh. 1870–1916. M.: KHronograf, 2010. 528 s.
22. Ivanitskij N. S. Nuzhdy narodnogo obrazovaniya v Priamurskom krae. Vypusk XIX. KHabarovsk, 1914. 99 s.
23. Kazakova O. M. Provintsial'noe uchitel'stvo v XIX – nachale KHKH v. Avtoreferat dis. kand. ist. nauk: 07.00.02: Kirov, 2009. 24 s.
24. Kamchatskie eparkhial'nye vedomosti. 1898. 15 sentyabrya.

25. Litvinova S. V. K voprosu o material'nom polozhenii Dal'nevostochnogo sel'skogo uchitelya v 20-e gg. KHKH v. // VII Dal'nevostochnaya konferentsiya molodykh istorikov / Sbornik materialov / Red. M. B. Serdyuk. Vladivostok: izd-vo DVGU, 2002. S.57–60.
26. Lynsha O. B. Istoriya obrazovaniya v Nikol'ske-Ussurijskom. 1882–1922 gg.: Monografiya. Vladivostok: DVFU. SHkola pedagogiki, 2018. 292 s.
27. Pamyatnaya kniga Primorskoj oblasti na 1905. -Vladivostok, 1905. 129 s.
28. Poznyak T. Z. Prepodavatel'skij sostav uchebnykh zavedenij i uroven' zhizni uchitelej gorodov Dal'nego Vostoka Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale KHKH vv. // Problemy slavyanskoj kultury i tsivilizatsii: materialy XIV Mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoj konferentsii. Ussurijsk: DVFU, 2012. S.12–18.
29. Tkachenko D. A. Povsednevnoe polozhenie uchitelej YUzhno-Ussurijskogo kraja kontsa XIX – KHKH vv. // Ussurijskie chteniya: sbornik rabot uchastnikov IV Ussurijskikh kraevedcheskikh chtenij (9-10 oktyabrya 2012). Ussurijsk, 2013. S. 74–80.
30. Filonenko T. V., SHipilov A. V. Material'noe polozhenie uchitelej dorevoljutsionnoj Rossii // Pedagogika. 2004. № 7. S. 65–75.
31. SHERKASOVA N. N. Povsednevnyaya zhizn' zemskikh uchitelej rossijskoj provintsii vo vtoroj polovine XIX – nachale KHKH v. Avtoreferat dis. kand. ist. nauk: 07.00.02: Kursk, 2006. 24 s.

Пчела И. В. Материальное положение учителей сельских школ Приморской области в 1900–1914 гг.

Автор изучил материальное положение учителей сельских школ Приморской области в 1900–1914 гг. Статья написана на материалах Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. Автор собрал данные о размере заработной платы и порядке её получения, сравнил уровень жизни учителей разных типов школ и пришел к выводу, что уровень и качество жизни сельских учителей постепенно повышались.

Ключевые слова: материальное положение, заработная плата, учительское жалование, выплаты, долги

Pchela I. V. The economic conditions of teachers of rural schools in the Primorsky region in 1900–1914.

Author studied economic conditions of teachers that worked in rural schools in 1900–1914 years. The article was written on materials of the Russian State Historical Archive of the Far East. The author studied the salary and the procedure for its receipt, compared the standard of living of school teachers of different types and came to the conclusion that the level and quality of life of rural teachers are gradually increasing.

Key words: economic conditions, salary, teacher's salary, payments, debts

Для цитирования: Пчела И. В. Материальное положение учителей сельских школ Приморской области в конце XIX – начале XX века // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 3. С. 76–85. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-3/76-85

For citation: Pchela I. V. The material position of teachers of rural schools of the Primorsky region in the end XIX - beginning of XX century // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 3. P. 76–85. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-3/76-85

Причины распространения проституции в начале XX века в отдаленных регионах Российской империи (на примере Забайкальской области)

В начале XX в. официально осуждаемая обществом и государственной властью проституция юридически находилась в Российской империи далеко не под запретом. Занятие проституцией было разрешено, но при соблюдении некоторых правил и требований. К сожалению, юридические механизмы, разработанные государственной властью, имели ряд недоработок [21, с. 34].

В России на территории Дальнего Востока и Восточной Сибири уже с начала XIX в. законная и незаконная проституция имела высокий уровень распространения [22, с. 62–69; 29, с. 22–25; 1, с. 36–38]. Данная проблема не перестала существовать в регионе и после революционных событий 1917 г., в 20-е гг. XX в. [31, с. 317; 13, с. 3–5]. Многие исследователи Восточной Сибири отмечали, что особенное распространение проституция в конце XIX – начале XX вв. получила в Забайкалье [19, с. 38–52; 20, с. 291–297]. На территории Забайкальской области более всего это негативное явление проявилось в таких относительно крупных городах, как Нерчинск, Сретенск, Троицкосавск, Верхнеудинск (ГАЗК. Ф. 1вр. Оп. 2. Д. 1146. Л. 1–3)¹. Однако самый высокий уровень распространения проституция получила в административном центре Забайкалья. Углубленное исследование специфики функционирования проституции в Забайкальской области в начале XX в. позволило выявить ключевые факторы её массовости в административном центре региона. Во-первых, Чита была социальным центром местности, которая к тому времени уже на протяжении нескольких веков по воле государственной власти представляла собой территорию ссылки особенно деструктивного социального элемента со всей Российской империи [16, с. 43–45; 5, с. 18–19; 14, с. 318–321; 9, с. 22–28, 40–55, 62–64; 11, с. 38–58]. Влияние оказывало не только морально-нравственное состояние ссыльных, но и преобладание среди ссыльных холостяков, и разрыв браков при отправке в ссылку, и общее отсутствие расположения у ссыльных к семейной жизни. Влияло также непосредственное законодательное запрещение бродягам вступать в супружество первые пять лет, да и вообще всевозможные затруднения при вступлении в супружество для ссыльных. Немалую роль играло и нежелание местного населения вступать с супружеством со ссыльными [32, с. 205–207].

Во-вторых, существенное влияние на распространение проституции оказывали недостаточная развитость и сложность организации здесь культурного досуга. В городе, да и в регионе в целом, присутствовал некий дефицит культуры. Заведений для проведения культурного досуга в Чите практически не было. Некультурных же развлекательных заведений как законных, так и незаконных, было множество, да и работали они в удобное для местного общества время. Цены на некультурный досуг были приемлемыми. К примеру, стоимость одного посещения девушки-проститутки в доме терпимости Читы в начале XX в. составляла 50 копеек (ГАЗК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 227. Л. 32–32об, 34–35).

В-третьих, это низкий культурно-нравственный облик местных жителей, низкая образованность и недостаток просвещения. У местного общества

¹ ГАЗК – Государственный архив Забайкальского края

отсутствовала не только возможность, но и умение и желание устраивать себе досуг иначе [7, с. 316-317; 24; 27; 28]. Проявлялось огрубевшее нравственное состояние социума, привычки, ценности, поведенческие шаблоны, которые во многом были сформированы опять же государственной политикой многовекового использования региона в качестве места ссылки деструктивного элемента [23, с. 169]. Разврат и страсть к кутежам в забайкальском социуме десятилетиями из поколения в поколение поощрительно воспевались в песнях и стихах, причем порой даже в колыбельных (ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 7024. Л. 145, 263, 270об-271, 322; Д. 10083. Л. 6об, 172-172об) [7, с. 316-317; 8; 12; 15; 17]. Чита, находясь на краю обжитой территории и будучи частью фронтальной периферии страны, имела множество соответствующих (фронтальных) особенностей развития, отличавших её от остальной территории Российской империи. Немаловажное значение имело повышенное ощущение свободы у проживающего в этой местности социума. По оценкам исследователей истории Дальнего Востока, социум фронтальной периферии внутренне был более свободен от традиций и устоев, от сословных и религиозных условностей. Так уж сложилось, что окраины Империи не привлекали к себе степенных и благопристойных граждан [6, с. 36-47; 7, с. 316]. О многом свидетельствует и криминальная обстановка в незарегистрированных притонах и арендованных проститутками комнатах. В таких притонах представители местного населения, как правило, собирались не просто из желания удовлетворить свои интимные потребности, а для массовых гуляний и кутежей, карточных игр, сопряжённых с интимными развлечениями. Всё это не обходилось без всеобщего усиленного употребления спиртного. Поэтому, как правило, в дополнение к незаконной торговле алкоголем в незаконных "притонах разврата" постоянно совершались преступления общеуголовного характера: мошенничества (в карточных играх), пьяные ссоры и драки, кражи, грабежи и разбои (ГАЗК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 227. Л. 138). Периодически фигурировали факты употребления и распространения опиума, которые к 1915-1917 гг. встречались все чаще и чаще (ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 10325. Л. 273). В официально разрешенных и зарегистрированных государственной властью домах терпимости Читы ситуация была схожей. Здесь также постоянно наносились телесные повреждения. Пьяные посетители избивали девиц-проституток и друг друга (ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 10083. Л. 355об; Ф. 26. Оп. 1. Д. 374. Л. 7об). Периодически в пьяных драках активное участие принимали и владельцы домов терпимости (ГАЗК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 227. Л. 32-32об, 33, 34, 35). Часто в домах терпимости Читы проститутки похищали вещи и денежные средства у посетителей (ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 10122. Л. 221об; Ф. 26. Оп. 1. Д. 227. Л. 26; Д. 374. Л. 57-57об; Д. 427. Л. 17об), а посетители у проституток (ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 10122. Л. 120об, 327об). Нередко даже в зарегистрированных домах терпимости случались убийства (ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 10325. Л. 665об).

В-четвертых, существенно подстёгивала развитие проституции особая концентрация в Чите военных формирований, что было также результатом соответствующей политики государственной власти. Область нуждалась в массовом присутствии представителей военного сословия, к чему обязывали как отдаленность от центра и приграничное положение, так и особая стратегическая важность Забайкалья (РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. 1906-1916 гг. Д. 37. Л. 18-19об, 30)². Очень крупные военные соединения в районе поселков Песчанка и Антипиха в 1908 г. в центре Читы были дополнены Штабом войск Забайкальской области, Управлением Забайкальского воинского начальника, Подвижным артиллерийским парком, Областным управлением интендантской части, Окружным артиллерийским складом, Военно-медицинским управлением, Войсковым хозяйственным правлением Забайкальского казачьего войска, 1-м Читинским Забайкальским полком, 1-м Нерчинским Забайкальским полком, 2-й Забайкальской батареей, Читинским резервным батальоном, местной военной командой и др. [4, отд. 5, с. 15].

Административный центр Забайкалья представлял собой далеко не мещанский и не мещанско-крестьянский город, как это наблюдалось в западных губерниях России. С крестьянским сословием, самым многочисленным в до-

² РГИА – Российский государственный исторический архив

революционной России, военные чины в Чите, даже без учета казачества, в начале XX в. по численности имели примерно равные позиции. Как военных, так и крестьян в Чите в среднем было по 1/3 от общего числа жителей (ГАЗК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 312. Л. 2-2об, 228; Ф. 26. Оп. 2. Д. 64. Л. 81об, 84) [18, с. 80–81, приложение – численность населения по сословиям с. 2–3]. Согласно заявлениям органов правопорядка Забайкальской области, существенный рост съемных комнат с девушками, занимающимися незаконной проституцией в административном центре Забайкалья, произошел в 1910–1912 гг., причём их особенно высокая концентрация наблюдалась в районах самого массового дислоцирования военных соединений Читы: в поселках Песчанка и Антипиха. Девуцы-проститутки старались селиться и организовывать притоны поближе к военным, так как усматривали в них потенциальный источник финансирования своего занятия. Военные чины, испытывая особый дефицит женского внимания, активно пользовались услугами проституток (ГАЗК. Ф. 26. Оп.1. Д. 419. Л. 14, 15).

Для армейского руководства Читы в начале XX в. проституция оставалась непреодолимой проблемой. В читинских притонах военные постоянно заражались венерическими заболеваниями (ГАЗК. Ф. 26. Оп.1. Д. 227. Л. 98об; Д. 419. Л. 14, 15). За услуги проституток офицеры и нижние военные чины нередко расплачивались не просто военным имуществом, а боевым оружием и боеприпасами (ГАЗК. Ф. 26. Оп.1. Д. 227. Л. 149). В незаконных "притонах разврата" и на съемных квартирах у проституток как нижние военные чины, так и офицеры, как правило, находясь в опьянении, дрались между собой, с гражданскими лицами, причиняли телесные повреждения посетителям, проституткам и сутенерам, совершали кражи и грабежи, конфликтовали с органами правопорядка (ГАЗК. Ф. 1о. Оп 1. Д. 10325. Л. 559об; Ф. 26. Оп.1. Д. 227. Л. 77-77об, 135–136 об, 145, 154).

В-пятых, существенным фактором роста спроса на услуги проституток выступал общий дефицит женского пола в городе. Именно в Чите к началу XX в. сформировалось существенное преобладание мужского населения. Причём в некоторые годы начала XX в. это преобладание было двукратным. Так, в 1907 г. в Чите мужчин проживало 49 069, а женщин – 23 272 (ГАЗК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 133. Л. 113об–114). В 1908 соответственно 49 133 и 23 981 (ГАЗК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 312. Л. 186). В 1910 г. – 66 941 и 30 604 [18, с. 80–81, приложение – численность населения по вероисповеданию с. 1–2]. В 1911 г. – 50016 и 28 236 (ГАЗК. Ф. 26. Оп. 2. Д. 64. Л. 81об, 84).

В-шестых, существенное влияние на распространение проституции в административном центре Забайкалья оказывало неэффективное противодействие этому явлению со стороны органов государственной власти, в том числе органов правопорядка. Законодательных норм было огромное множество [21, с. 3–4], но на практике их применение оказывалось неэффективным. С одной стороны, присутствовала коррупция. В архивных делопроизводственных материалах часто встречаются данные о коррупционных связях представителей власти и правоохранительных органов города Читы с девушками-проститутками и сутенерами (ГАЗК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 227. Л. 139, 140). С другой стороны, в деятельности органов власти наблюдалось явное отсутствие взаимодействия и взаимопонимания на поприще борьбы с этим явлением. Характерный пример произошел в июле 1909 г., когда сотрудниками Читинского городского полицейского управления был выявлен незаконный притон для занятия проституцией, который был организован жителем Читы Егором Тараторкиным в доме Брикмана по улице Амурской. Было установлено, что в притоне на протяжении длительного времени оказывали незаконные интимные услуги две девушки, которые к тому же страдали венерическими заболеваниями. Тараторкин грамотно конспирировал свою деятельность, что позволяло ему долгое время уходить от ответственности. Ценой неимоверных усилий сотрудникам Читинской полиции все же удалось собрать доказательства в отношении противоправной деятельности Тараторкина. Однако в соответствии с приговором мирового судьи от 8 июля 1909 г., Тараторкин по ст. 44 "Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями" был приговорен к штрафу в размере пяти рублей и к одному дню ареста (ГАЗК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 227. Л. 78) [30, с. 140–143].

В 1915–1916 гг. органами правопорядка гораздо чаще стали регистрироваться факты функционирования незаконной проституции в Чите (ГАЗК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 227. Л. 131, 135, 135 об, 136, 136 об, 145, 154). Среди всего прочего огромное влияние на рост читинской проституции в это время оказали экстренные меры, предпринятые государственной властью в связи с вступлением России в Первую мировую войну и некоторыми удачами на фронте в первые месяцы войны Российских вооруженных сил. В результате эффективных военных мероприятий было взято в плен несколько тысяч иностранных военнослужащих [2, с. 229–233, 250–253; 10, т. 1. с. 328–329, 352, 373, 383]. Этих пленных государственная власть экстренно поспешила разместить подалее от линии фронта [26, с. 69–77]. В итоге уже в зимний период 1915–1916 гг. на территории Восточной Сибири и на Дальнем Востоке властью было сосредоточено 240 950 бывших военнослужащих иностранных армий. Примечательно, что самую высокую концентрацию военнопленных государственная власть организовала в Забайкалье, куда было направлено 100 200 человек, из которых наиболее крупная партия численностью в 32 500 человек была размещена в городе Чите [25, с. 517]. В результате местный мужской контингент пополнился ещё и иностранным, который вдали от родных мест также оказался обделенным женским вниманием.

Тяжелые условия военного времени, сопряженные как с ограниченными возможностями заработка в слабо развитом Забайкалье, так и с отсутствием должного контроля за военнопленными и местами их дислоцирования со стороны уполномоченных на то органов (ГАЗК. Ф. 219. Оп. 1. Д. 5. Л. 2, 20, 31, 45, 85, 101), подталкивали многих девушек (как не промышлявших проституцией до войны, так и занимавшихся этой сферой услуг ранее) вступать с пленными в интимные отношения за денежную плату. Одни девушки приводили военнопленных в своё жильё (ГАЗК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 427. Л. 26об), другие девицы без особой сложности проникали непосредственно в места дислокации военнопленных, а это, как правило, были воинские части. Характерно, что и воинские чины Российской армии за вознаграждение нередко сами приводили девушек к военнопленным (ГАЗК. Ф. 13. Оп. 2. Д. 61. Л. 12, 14, 196, 196об, 249; Ф. 26. Оп. 1. Д. 427. Л. 26об) [3, с. 328].

Таким образом, формирование высокого уровня проституции в административном центре Забайкалья в начале XX в. было предопределено социально-демографическими особенностями исторического развития региона, культурно-нравственным состоянием местного социума. Влияние на них во многом оказала многолетняя государственная политика ссылки в Забайкалье деструктивного элемента. Существенное влияние также оказывало и сосредоточение на территории города органами государственной власти очень многочисленного контингента военных, а к 1915–1917 гг. — ещё и военнопленных иностранных армий.

Литература

1. Агапов В. Л. Полицейские, проститутки и газетчики: служебные будни Никольск-уссурийской полиции накануне Первой мировой войны // Новый исторический вестник. 2016. № 1 (47). С. 36–54.
2. Агеев А. И., Аргамошин С. В., Буранок С. О. [и др.]. Европа и Россия в огне Первой мировой войны. К 100-летию начала войны. М.: ИНЭС, РУБИН, 2014. 880 с.
3. Вестник полиции. 1916. № 11. С. 328.
4. Весь Иркутск с отделом Забайкальской области. Адресно-справочная и торгово-промышленная книга на 1908 г. (1-й год издания) / изд. Е. Р. Бендер. Иркутск: Электро-типография С. А. Серебрянникова, 1908. 345 с.
5. Волочаева А. В. Нерчинская уголовная каторга во второй половине XIX века. Автореф. дис. на соиск. ... канд. ист. наук. Улан-Уде, 2009. 22 с.
6. Дударенок С. М., Сердюк М. Б. Религиозная жизнь Дальнего Востока России между двумя революциями (1905–1917 гг.) // Дальний Восток России на перекрестке эпох. Сборник научных трудов Всероссийского круглого стола, посвященного 111-летию Первой русской революции и 110-летию открытия Первой Государственной думы. / редколл. Ф. Е. Ажимов [и др.], отв. ред. С. М. Дударенок, М. А. Тулигович. Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2017. С. 36–47.
7. Дударёнок С. М. Религиозная составляющая Дальневосточного фронта // Труды IV Конгресса российских исследователей религии. Религия как фактор взаи-

модействия цивилизаций: сборник докладов / ред. А. П. Забияко, М. М. Шахнович, Е. А. Аринина, П. К. Дашковского [и др.]. Благовещенск: АГУ, 2018. С. 314–323.

8. Записки веселого человека // Восточная заря. 15.11.1909. № 173. С. 3.
9. Иванов А. А., Кальмина Л. В., Курас Л. В. Забайкальская периферия на переломе эпох (1880-1920-е гг.). Иркутск: Отгиск, 2012. 299 с.
10. История Первой мировой войны: 1914-1918. В 2 т. / под ред. И. И. Ростунова. М: Наука, 1975. Том 2.
11. Колесников А. Д. Ссылка и заселение Сибири // Ссылка и каторга в Сибири (XVIII–начало XX в.) / отв. ред. Л. М. Горюшкин. Новосибирск: Изд-во Наука, 1975. С. 38–58.
12. Колыбельная песня // Голос Сибири. 21.01.1912. № 310. С. 1.
13. Кулинич Н. Г. Институт продажной любви в городах советского Дальнего Востока в 1920-е годы // ДИХИ 2016: идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях. сборник научных трудов. Хабаровский государственный университет экономики и права. Хабаровск, 2016. С. 3–14.
14. Курас С. Л. Социально-экономические предпосылки ссылки в Сибирь (на примере ссыльных иудеев) // Иркутский историко-экономический ежегодник: сб. статей. - Иркутск: БГУЭиП, 2008. С. 318–321.
15. Лучший друг // Голос Сибири. 24.01.1912. № 312. С. 2.
16. Мошкина З. В. Каторга в истории Забайкалья во второй половине XIX века // Государственная власть и местное самоуправление. 2010. № 10. С. 43–46.
17. На разные темы // Восточная заря. 27.02.1910. № 48.
18. Обзор Забайкальской области за 1910 год. Чита: Типография Забайкальского областного правления, 1911. 144 с., приложения и ведомости.
19. Паликова Т. В. "Торговля позором", или "заведения наслаждения": дома терпимости в социально-сервисной сфере городов Забайкалья в начале XX в. // Вестник РУДН. Серия: История России. М., 2009. № 2. С. 38–52;
20. Паликова Т. В., Евтехов Р. А. Полицейский надзор за организованной проституцией в забайкальских городах в конце XIX – начале XX вв. // Азиатская Россия: проблемы социально-экономического, демографического и культурного развития (XVII–XXI вв.) Материалы международной научной конференции / отв. ред. В. А. Ламин. Новосибирск: Параллель, 2017. С. 291–297.
21. Петров А. С. Законодательство Российской империи в сфере проституции и регламентационные правила этой деятельности в Чите в период 1907–1917 гг. // Вестник Забайкальского государственного университета. Чита: Изд-во ЗабГУ, 2012. № 10 (89). С. 3–11.
22. Позняк Т. З. Проституция в городах Дальнего Востока России во второй половине XIX – начале XX вв.: проблема контроля и неформальные практики // Тихоокеанская Россия в междоцивилизационном и общероссийском пространстве: прошлое, настоящее, будущее. Седьмые Крушановские чтения. Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2013. С. 62–69
23. Попов А. И. Город Чита. Описание, путеводитель и справочник по городу Чите, Забайкальской области, и его окрестностям. Чита: Типография т-ва М. И. Валова и И. М. Ахитовича, 1907. 326 с.
24. По пьяному делу // Голос Сибири. 06.01.1912. № 298. С. 2.
25. Сибирская советская энциклопедия. В 4 т. / под общей ред. М. К. Азадовского, А. А. Ансона [и др.]. Новосибирск: Сибирское краевое издательство, 1929. Т. 1. 988 с.
26. Синиченко В. В., Изаксон Р. А. Военнопленные Первой мировой войны на русском Дальнем Востоке: история лагерного быта // Клио. 2018. № 1 (133). С. 69–77.
27. Теневые стороны деревни // Забайкальская новь. 21.02.1910. № 783. С. 3.
28. Трезвость и просветительное движение // Иркутская жизнь. 07.09.1914. № 3. С. 5.
29. Тютюник В. В. Врачебно-полицейский надзор за проституцией на Дальнем Востоке России (вторая половина XIX века – 1917 год). Автореф. дис. на соиск. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2005. 27 с.
30. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Изд. 1885 г. С доп. по прод. 1885 г., с прил. мотивов и извлеч. из решений кассац. Деп-тов Сената / изд. Н. С. Таганцева. 14-е изд., доп. СПб.: Гос. тип., 1902. 437 с.
31. Шабельникова Н. А., Беляева Н. А. Исторический опыт противодействия иностранной преступности на Дальнем Востоке России в 1920-е гг. // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы VIII Межд. науч.-практ. конф. / отв. ред. Д. В. Буяров, Д. В. Кузнецов. 2018. С. 316–322.
32. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении // История Сибири. Первоисточники. Вып. III / Отв. ред. Л. М. Горюшкин. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. 555 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Agapov V. L. Politsejskie, prostitutki i gazetchiki: sluzhebnye budni Nikol'sk-usurijskoj politsii nakanune Pervoj mirovoj vojny // *Novyj istoricheskij vestnik*. 2016. № 1 (47). S. 36–54.
2. Ageev A. I., Artamoshin S. V., Buranok S. O. [i dr.]. *Evropa i Rossiya v ogne Pervoj mirovoj vojny. K 100-letiyu nachala vojny*. M.: INEHS, RUBIN, 2014. 880 s.
3. *Vestnik politsii*. 1916. № 11. S. 328.
4. *Ves' Irkutsk s otделom Zabajkal'skoj oblasti. Adresno-spravochnaya i torgovo-promyshlennaya kniga na 1908 g. (1-j god izdaniya)* / izd. E. R. Bender. Irkutsk: EHLetro-tipografiya S. A. Serebryannikova, 1908. 345 s.
5. Volochaeva A. V. *Nerchinskaya ugovornaya katorga vo vtoroj polovine KHIKH veka*. Avtoref. dis. na soisk. ... kand. ist. nauk. Ulan-Ude, 2009. 22 s.
6. Dudarenok S. M., Serdyuk M. B. *Religioznaya zhizn' Dal'nego Vostoka Rossii mezhdru dvumya revolyutsiyami (1905–1917 gg.)* // *Dal'nij Vostok Rossii na perekrestke ehpkoh*. Sbornik nauchnykh trudov Vserossijskogo kruglogo stola, posvyashhennogo 111-letiyu Pervoj russskoj revolyutsii i 110-letiyu otkrytiya Pervoj Gosudarstvennoj dумы. / redkoll. F. E. Azhimov [i dr.], otv. red. S. M. Dudarenok, M. A. Tuliglovich. Khabarovsk: RIO DVYUI MVD Rossii, 2017. S. 36–47.
7. Dudaryonok S. M. *Religioznaya sostavlyayushhaya Dal'nevostochnogo frontira* // *Trudy IV Kongressa rossijskikh issledovatelej religii. Religiya kak faktor vzaimodejstviya tsivilizatsij: sbornik dokladov* / red. A. P. Zabiako, M. M. SHakhnovich, E. A. Arinina, P. K. Dashkovskogo [i dr.]. Blagoveshhensk: AGU, 2018. S. 314–323.
8. *Zapiski veselogo cheloveka* // *Vostochnaya zarya*. 15.11.1909. № 173. S. 3.
9. Ivanov A. A., Kal'mina L. V., Kuras L. V. *Zabajkal'skaya periferiya na perelome ehpkoh (1880-1920-e gg.)*. Irkutsk: Ottisk, 2012. 299 s.
10. *Istoriya Pervoj mirovoj vojny: 1914-1918. V 2 t.* / pod red. I. I. Rostunova. M: Nauka, 1975. Tom 2.
11. Kolesnikov A. D. *Ssylka i zaselenie Sibiri* // *Ssylka i katorga v Sibiri (XVIII–nachalo XX v.)* / otv. red. L. M. Goryushkin. Novosibirsk: Izd-vo Nauka, 1975. S. 38–58.
12. *Kolybel'naya pesnya* // *Golos Sibiri*. 21.01.1912. № 310. S. 1.
13. Kulinich N. G. *Institut prodazhnoj lyubvi v gorodakh sovetskogo Dal'nego Vostoka v 1920-e gody* // *DIXI 2016: idei, gipotezy, otkrytiya v sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniyakh*. sbornik nauchnykh trudov. Khabarovskij gosudarstvennyj universitet ehkonomiki i prava. Khabarovsk, 2016. S. 3–14.
14. Kuras S. L. *Sotsial'no-ehkonomicheskie predposylki ssylki v Sibir' (na primere ssyl'nykh iudeev)* // *Irkutskij istoriko-ehkonomicheskij ezhegodnik: sb. statej.* - Irkutsk: BGUEHiP, 2008. S. 318–321.
15. *Luchshij drug* // *Golos Sibiri*. 24.01.1912. № 312. S. 2.
16. Moshkina Z. V. *Katorga v istorii Zabajkal'ya vo vtoroj polovine KHIKH veka* // *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*. 2010. № 10. S. 43–46.
17. *Na raznye temy* // *Vostochnaya zarya*. 27.02.1910. № 48.
18. *Obzor Zabajkal'skoj oblasti za 1910 god*. CHita: Tipografiya Zabajkal'skogo oblastnogo pravleniya, 1911. 144 s., prilozheniya i vedomosti.
19. Palikova T. V. *"Torgovlya pozorom", ili "zavedeniya naslazhdeniya": doma terpimosti v sotsial'no-servisnoj sfere gorodov Zabajkal'ya v nachale KHKH v.* // *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii*. M., 2009. № 2. S. 38–52;
20. Palikova T. V., Evtexov R. A. *Politsejskij nadzor za organizovannoj prostitutsiej v zabajkal'skikh gorodakh v kontse KHIKH – nachale KHKH vv.* // *Aziatskaya Rossiya: problemy sotsial'no-ehkonomicheskogo, demograficheskogo i kul'turnogo razvitiya (XVII–XXI vv.) Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii* / otv. red. V. A. Lamin. Novosibirsk: Parallel', 2017. S. 291–297.
21. Petrov A. S. *Zakonodatel'stvo Rossijskoj imperii v sfere prostitutsii i reglamentatsionnye pravila ehtoj deyatel'nosti v CHite v period 1907–1917 gg.* // *Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta*. CHita: Izd-vo ZabGU, 2012. № 10 (89). S. 3–11.
22. Poznyak T. Z. *Prostitutsiya v gorodakh Dal'nego Vostoka Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale KHKH vv.: problema kontrolya i neformal'nye praktiki* // *Tikhookeanskaya Rossiya v mezhtsvivilizatsionnom i obshherossijskom prostranstve: proshloe, nastoyashhee, budushhee. Sed'mye Krushanovskie chteniya*. Institut istorii, arkhologii i ehtnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN, 2013. S. 62–69
23. Popov A. I. *Gorod CHita. Opisanie, putevoditel' i spravochnik po gorodu CHite, Zabajkal'skoj oblasti, i ego okrestnostyam*. CHita: Tipografiya t-va M. I. Valova i I. M. Akhitevicha, 1907. 326 s.
24. *Po p'yanomu delu* // *Golos Sibiri*. 06.01.1912. № 298. S. 2.
25. *Sibirskaya sovetskaya ehntsiklopediya*. V 4 t. / pod obshej red. M. K. Azadovskogo, A. A. Ansona [i dr.]. Novosibirsk: Sibirskoe kraevoe izdatel'stvo, 1929. T. 1. 988 s.
26. Sinichenko V. V., Izakson R. A. *Voennoplennye Pervoj mirovoj vojny na russskom Dal'nem Vostoke: istoriya lagernogo byta* // *Klio*. 2018. № 1 (133). S. 69–77.
27. *Tenevye storony derevni* // *Zabajkal'skaya nov'*. 21.02.1910. № 783. S. 3.

28. Trezvest' i prosvetitel'noe dvizhenie // Irkutskaya zhizn'. 07.09.1914. № 3. S. 5.
29. Tyutyunik V. V. Vrachebno-politsejskij nadzor za prostitutsiej na Dal'nem Vostoke Rossii (vtoraya polovina XIX veka – 1917 god). Avtoref. dis. na soisk. ... kand. ist. nauk. Khabarovsk, 2005. 27 s.
30. Ustav o nakazaniyakh, nalagaemykh mirovymi sud'yami. Izd. 1885 g. S dop. po prod. 1885 g., s pril. motivov i izvlech. iz reshenij kassats. Dep-tov Senata / izd. N. S. Tagantseva. 14-e izd., dop. SPb.: Gos. tip., 1902. 437 s.
31. SHabel'nikova N. A., Belyaeva N. A. Istoricheskij opyt protivodejstviya inostrannoju prestupnosti na Dal'nem Vostoke Rossii v 1920-e gg. // Rossiya i Kitaj: istoriya i perspektivy sotrudnichestva. Materialy VIII Mezhd. nauch.-prakt.konf. / otv. red. D. V. Buyarov, D. V. Kuznetsov. 2018. S. 316–322.
32. YAdrintsev N. M. Sibir' kak koloniya v geograficheskom, ehnotograficheskom i istoricheskom otnoshenii // Istoriya Sibiri. Pervoistochniki. Vyp. III / Otv. red. L. M. Goryushkin. Novosibirsk: Sibirskij khronograf, 2003. 555 s.

Петров А. С. Причины распространения проституции в начале XX века в отдаленных регионах Российской империи (на примере Забайкальской области).

В данной научной статье предпринимается попытка исследовать непомерное развитие как законной, так и незаконной проституции в Забайкальской области в начале XX века, выявляются особенности её формирования и трансформации. В статье доказывается, что массовость проституции в административном центре Забайкалья являлась последствием множества факторов. Среди основных факторов автор выделяет специфическое заселение и освоение Забайкалья, которые проводились органами власти без учета исторического прошлого региона, имели несистемный и непродуманный характер.

Ключевые слова: *Российская империя, Забайкальская область, проституция, притоны, дома терпимости, государственная политика, ссылка, военнослужащие, нижние военные чины, военнопленные, полиция, правоохранительные органы*

Petrov A. S. The reasons for the spread of prostitution in remote regions of the Russian Empire in the early XX century (on the example of the Transbaikal region).

This scientific article attempts to investigate the exorbitant development of both legal and illegal prostitution in the Trans-Baikal region at the beginning of the twentieth century, identifies features of its formation and transformation. The article proves that the mass character of prostitution in the administrative center of Transbaikalia was a consequence of many factors. Among the main factors, the author highlights the specific settlement and development of Transbaikalia, which were carried out by the authorities without taking into account the historical past of the region, had a non-systemic and ill-considered nature.

Key words: *Russian Empire, Transbaikal region, prostitution, dens, houses of tolerance, state policy, exile, military, lower military ranks, prisoners of war, police, law enforcement agencies*

Для цитирования: Петров А. С. Причины распространения проституции в начале XX века в отдаленных регионах Российской империи (на примере Забайкальской области) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 3. С. 86–92. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-3/86-92

For citation: Petrov A. S. The reasons for the spread of prostitution in remote regions of the Russian Empire in the early XX century (on the example of the Transbaikal region) // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 3. P. 86–92. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-3/86-92

УДК 930.2(571.6):711.4

Стась И. Н.

Историческая урбанистика в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке

Развитие исторической науки в России сегодня осуществляется в том числе посредством регионального научного сообщества. В столичном ученом дискурсе существует укоренившийся стереотип, что наука в регионах и перифериях – это инертный институт, не успевающий за новыми подходами и новациями. Может быть, для естественно-научных и технических дисциплин этот тезис имеет под собой основание, – например, когда новое технологическое оборудование не по карману провинциальным научным учреждениям и вузам. Однако в гуманитарных науках технологии и инструментарий находятся лишь в головах исследователей, поэтому в них искусственные барьеры, как правило, создаются самим научным сообществом, а не материальной стороной применения новейших теоретических и методологических подходов.

Провинциальная наука работает по другим правилам: стремится освоить новейшие методики и практики в исследовательских сценариях, иначе в условиях повышенной конкуренции она может оказаться незамеченной, неапробированной, то есть попросту никому не нужной. Это утверждение особенно характерно в современной региональной историографии, которая впитывает в себя последние достижения концептуальных поворотов и новейшие направления исследований конца XX – начала XXI вв. Так, историк Л. П. Репина отмечает весьма сложные теоретико-методологические построения (контекстуальное мышление, ориентация на компаративный анализ, типологические обобщения, изучение системы взаимосвязей как внутри микро- и мезо-социума, так и вне его) в региональных исторических работах, которые стремительно развиваются, обогащая свои теории и методы на базе междисциплинарного и международного сотрудничества [51, с. 191, 193].

Теоретико-методологической базой в данной статье выступает востребованный современной интеллектуальной историей культурно-антропологический подход, который предполагает раскрытие позиции и идентичности автора историографического источника при интерпретации исторических событий, постановке проблемы и аргументации той или иной урбанистической теории. Принципы социокультурной антропологии содействуют пониманию историографии как социального феномена научного воспроизводства посредством деятельности ученых с различной самоидентификацией, источником которой служили как научные школы, так и концептуально-теоретическая ориентация авторов. Идентичность ученых по отношению к научным школам и историческим направлениям является весьма ценной категорией для выделения наиболее популярных и востребованных тематик в исторической науке и раскрытия общего состояния современной отечественной историографии, в частности исторической урбанистики.

С одной стороны, таким устремлением к новому региональная история помогает сохранить в общественно-культурном дискурсе местную идентичность посредством воспроизводства исторической памяти и историко-культурного наследия территории, а с другой, она так обеспечивает собственную идентификацию. На основе новых знаний и методологий региональные ученые формируют научные школы и сообщества, организуют конференции и семинары по новаторским тематикам. Согласно мнению все той же Л. П. Репиной, центральное место в исследовательском пространстве региональной истории занимает история городов [51, с. 193].

© Стась И. Н., 2019

СТАСЬ Игорь Николаевич, канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории и археологии Сургутского государственного университета (г. Сургут). E-mail: igor.stas@mail.ru

Поскольку, как известно, Россия является "Гардарикой" – страной, где почти нет территорий без городов, то неудивительно, что особую популярность в современной историографии получила историческая урбанистика. Это направление обладает большим эвристическим потенциалом и бурно развивается в урало-сибирском регионе. Не являются исключением и наиболее отдаленные от ведущих научных центров регионы, такие как Восточная Сибирь и Дальний Восток.

В научном пространстве не только Восточной Сибири и Дальнего Востока, но всей России выделяются три крупных исследовательских центра социально-гуманитарной урбанистики – Иркутск, Улан-Удэ и Владивосток, взявшие на вооружение оригинальные подходы и междисциплинарную методологию.

В Иркутском государственном университете сформировался научный центр по изучению трансграничных миграций, этничности и диаспор, в том числе в контексте урбанизации Сибири. Применяя современную методику социокультурной антропологии города, иркутские ученые В. И. Дятлов и К. В. Григоричев разработали концепцию этнизации городских пространств, через которую рассмотрели процесс актуализации этнического фактора под воздействием различных причин и обстоятельств в России от поздней империи до постсоветского времени [27]. В 2013 г. в Иркутске вышла крупная монография "Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества", в которой было показано, что процесс этнизации (в дефиниции авторов – это "актуализация этнического фактора в повседневной жизни, социальных и политических отношениях, в механизме формирования социальных связей и отношений, маркировании их этническими категориями") городского пространства был ключевым фактором социальной истории России конца XIX – начала XXI вв. [43].

Отличительной особенностью научного центра Иркутска выступает его нацеленность на проектно-прагматическую деятельность, что является редкостью в социально-гуманитарных науках России. Сами же иркутские ученые отмечают, что за пару десятилетий из небольшого и неформального сообщества историков-иркутян выросла большая межрегиональная междисциплинарная исследовательская сеть, осуществившая несколько серьезных научных и научно-образовательных проектов: публикацию альманахов, тематических номеров научных журналов, сборников статей, монографий; реализацию грантов; проведение конференций, семинаров и школ; организацию исследовательских центров – "Внутренняя Азия", "Межрегиональные исследования в общественных науках", лаборатории исторической и политической демографии [43, с. 605]. Созданная иркутскими гуманитариями научная сеть представляет собой пример успешного менеджмента на научном рынке.

Для этого коллектива исследователей тематика города занимает особую роль, однако не ключевую, а исторический подход применяется все же как дополнение к основным междисциплинарным методам социологии и антропологии при изучении главным образом постсоветского прошлого и настоящего. Из таких проектов наиболее известной является монография К. В. Григоричева "В тени большого города: социальное пространство пригорода", в которой была подробно исследована современная субурбанизация Иркутска в условиях общероссийских реалий [23].

Вместе с тем, в Иркутске продолжает формироваться направление, непосредственно связанное с урбан-историей, признанным лидером которого является историк В. П. Шахеров, чьему перу принадлежит несколько крупных исследований по трансформации городской среды, экономики городов и урбанизации Сибири в дореформенный период [63; 64; 65; 66]. Также В. П. Шахеров выступает составителем и научным редактором сборников статей "Сибирский город в XVIII – начале XX вв.", которых с 1998 по 2013 гг. вышло 9 выпусков [56].

Признаком формирования в Иркутске научного центра по исторической урбанистике является проведение на базе "Сибиряковских чтений" Всероссийской конференции "Иркутску 350 лет – история и современность", по итогам которой ответственным редактором сборника стал все тот же В. П. Шахеров [32]. Но в целом, к сожалению, в исследовательском пространстве Восточной Сибири, как и всей России, продолжает оставаться редкостью проведение

специализированных научных конференций по проблемам исторической урбанистики. Как правило, у историков-урбанистов появляется шанс в реализации таких мероприятий при выделении финансирования на празднование юбилеев в честь дня основания того или иного города. Практика точечных юбилейных инвестиций в историческую урбанистику распространена в России повсеместно и реализуется преимущественно в рамках локально-краеведческого подхода и за счет местного научного сообщества без привлечения широкого круга авторов со всей страны и серьезных аналитических и обобщающих исследований. Однако это лучше, чем ничего.

Наибольший интерес для историков-урбанистов Иркутска представляет период имперской России. Помимо трудов В. П. Шахерова, отдельно необходимо отметить исследования М. М. Плотниковой (по проблемам формирования городской идентичности) [47], Н. И. Гавриловой (об общественном быте горожан) [15] и А. В. Дружининой (о торгово-промышленном развитии городов) [26].

Вместе с тем исследовательская проблематика иркутских историков сегодня расширяется посредством изучения современных городских процессов. В рамках экономики, культурной географии и имагологии М. М. Плотникова рассматривает аспекты эволюции брендинга города Иркутска [46]. Болезненной темой исследований является процесс деурбанизации Байкальской Сибири в постсоветский период. Так, историк Ю. А. Зуляр в своих работах призывает правительство вернуться, в силу невозможности в регионе прогрессивной урбанизации, к политике побудительной урбанизации за счет активного притока сюда населения извне и создания условий, не допускающих массовый отток, а также к поддержанию развития существующих городских агломераций – Иркутской и Братской [30; 31].

Новаторскими представляются исследования Л. М. Салаховой, которая изучает культурные факторы урбанизации Братско-Усть-Илимского территориально-производственного комплекса [54]. В 2010 г. Л. М. Салахова совместно с Л. В. Зандановой опубликовала статью, посвященную сложной теме типологии сибирских городов в XX в., в которой впервые давалась оценка состоянию урбан-истории в Восточной Сибири [29]. Исследовательницы указывали, что по сравнению с городами Западной Сибири XX в., урбанизация Восточной Сибири этого периода изучена в меньшей степени, а в самой исторической урбанистике наблюдается незначительное количество фундаментальных работ, раскрывающих теорию и методологию изучения истории советского города.

Следует отметить, что в Иркутске работал известный исследователь истории архитектуры сталинского периода М. Г. Меерович, труды которого акцентировали внимание на искусственном характере советской урбанизации. В новейших своих работах М. Г. Меерович утверждал необходимость коренного методологического пересмотра в выявлении специфики урбанизационных процессов в СССР [40].

Таким образом, историческая урбанистика Иркутска в значительной степени фрагментарна, консолидируется в основном вокруг деятельности отдельных ученых (В. П. Шахерова, М. Г. Мееровича, В. И. Дятлова, К. В. Григоричева и других), что не дает основания утверждать о наличии здесь сложившейся школы урбан-истории. Однако местное сообщество историков-урбанистов отличают оригинальные концептуальные подходы, за счет чего и расширяется потенциал местной исторической урбанистики.

В современном Улан-Удэ формируется научный центр по социокультурной антропологии города. Достигнутые результаты в этом направлении превосходят многие столичные проекты и обладают общероссийской значимостью. Так, новый подход был апробирован в монографии "Город и село в постсоветской Бурятии", в которой был сделан упор на изучение трансформации бурятской этничности в сельской и городской среде [20]. В Улан-Удэ также проходят научные семинары по проблемам местной урбан-истории и антропологии города [19; 21] и с определенной периодичностью проводятся межрегиональные конференции "Развитие городских поселений Байкало-Азиатского региона".

В целом проблематика исторической урбанистики в Улан-Удэ очень обширна. Классические исторические исследования советской урбанизации свя-

заны с именем М. Н. Балдано, которая пришла к выводу о незавершённости урбанизационных процессов в России [2; 3; 4]. Советская модель модернизации в Бурятии в 1920-х гг., на примере, в том числе, теории урбанизационного перехода и изменений в образе жизни сельчан и горожан, изучается в работах А. М. Плехановой [45]. Развитие направления археологии города обеспечивается благодаря деятельности С. В. Данилова [25]. Отдельного внимания заслуживают труды А. С. Бреславского, в которых рассматриваются проблемы геокультурной и исторической имагологии и субурбанизации бурятской столицы [7; 8]. Актуальна программная статья А. С. Бреславского, призывающая историков-урбанистов включиться в процесс производства экспертного знания и публичного исторического дискурса, предотвратив негативные социальные и политические эффекты от использования городской истории [6]. Не без помощи А. С. Бреславского, летом 2017 г. Улан-Удэ стал дискуссионной площадкой обсуждения феномена постсоветского субурбанизма, проблема которого объединила широкий круг ученых из разных дисциплин социологии и антропологии города, демографии и географии, а также исторической урбанистики [62].

Не прошел мимо бурятской урбан-истории популярный в сибирской историографии период рубежа XIX–XX вв., в частности, выделяются комплексные исследования Т. В. Паликовой [42] и И. Ю. Замулы [28]. Вместе с тем Т. В. Паликова сдержанно оценивает опыт городской истории в регионе, отмечая, что она больше имеет отношение к Западной Сибири (Омску, Барнаулу, Новосибирску) и Иркутску, а в Забайкалье городоведение вообще и дореволюционной эпохи в частности не является активным научным направлением [42, с. 16–17]. Примечательно, что в Улан-Удэ очень сильна гендерная история, но, к сожалению, она разрабатывается вне контекста города и урбанистики.

Владивостокское научное сообщество сегодня пытается аккумулировать историков-урбанистов со всего Дальнего Востока. Сами историки Владивостока признают: несмотря на то, что с начала 1990-х гг. в отечественной историографии усилился интерес к изучению городов и в стране сложились научные центры исторической урбанистики, в то же время города Дальнего Востока оказались несколько обделены научными изысканиями, хотя определенный задел в этой области имелся [55]. Например, здесь можно отметить весьма сильные традиции исторической демографии и изучения миграционных процессов. Вместе с тем книги по этой проблематике обходились без исследования динамики урбанизационных процессов [10]. Это можно сказать и о трудах по социальному развитию региона [9]. Однако в 1990-е гг. стали появляться работы, в которых при изучении демографических показателей регионального развития вводилось понятие урбанизации [5; 59].

Для преодоления этого отставания в 2013 г во Владивостоке была проведена научная конференция "Дальневосточный город в контексте освоения Тихоокеанской России (вторая половина XIX–XX в.)" [24]. Материалы конференции засвидетельствовали усиливающийся интерес к проблемам урбан-истории Дальнего Востока, однако большинство статей сборника были с городской истории смежными и написаны в рамках других направлений исторической науки – экономической, социальной и культурной истории и истории архитектуры, в которых город и урбанизация не были ключевым объектом исследования, а лишь фоном для других изучаемых процессов. Вероятно, организаторы конференции и сами понимали отрицательный фактор такой пространности конференции, надеясь, что все же широкий хронологический и тематический охват истории городов региона в сборнике "станет хорошим заделом для дальнейшего развития региональной урбанистики".

Вместе с тем урбан-история во Владивостоке обладает ресурсом для продуктивного развития. Особенно это касается изучения эпохи поздней империи. Еще в томах фундаментальной монографии "История Дальнего Востока СССР/России" (1989–2018 гг.) историки отмечали, что во второй половине XIX в. "город стал играть ведущую роль в общественно-политической жизни региона, оказывая значительное влияние на социально-экономические процессы в деревне" [33, с. 226]. Вместе с тем авторы этих академических работ не рассматривали региональное развитие Дальнего Востока в контекстах ур-

банизации, даже в томах, вышедших в последнем десятилетии, за исключением некоторых аргументаций в книге 2016 г. [41].

Разнообразна тематика исследований городских проблем и процессов второй половины XIX – начала XX вв. в работах историка Т. З. Позняка [48]. Проблематика периодизации урбанизации в этот период империи затронута в статьях Л. И. Галлямовой [16]. С методологических позиций культурной истории данный период в развитии дальневосточных городов исследовала Г. А. Андриец [1]. Историк П. А. Щербина изучает условия жизни горожан [67]. Главным специалистом по процессам урбанизации и жилищному строительству на Дальнем Востоке в XX в. является С. А. Власов [12; 13]. По его мнению, в целом историография истории городов и процесса урбанизации на Дальнем Востоке крайне скудна, проблема нуждается в дальнейшем изучении, и существует насущная необходимость в создании обобщающего исследования [14]. Несмотря на эти недостатки, все же представляется, что гуманитарная урбанистика Владивостока более всего связана с классической исторической наукой.

Вдобавок во Владивостоке влиятельны археологические традиции изучения городов и урбанизации. Главным образом это заслуга Н. Н. Крадина, исследовавшего урбанизационные процессы в кочевых империях [35]. Помимо него, в данной области работают археологи А. Р. Артемьев, А. Л. Ивлиев, О. В. Дьякова, Е. И. Гельман, В. И. Болдин и другие [22]. Еще одной популярной проблематикой в урбан-истории Владивостока и, частично, Благовещенска, является изучение русской эмигрантской среды в городах зарубежья. По данной проблеме известны работы И. К. Капран [34], А. А. Хисамутдинова, А. А. Забияко и других [53].

Историческая урбанистика неоднозначно развивается в Красноярске. Здесь сильны краеведческое начало и научно-популярный характер работ по истории Красноярска. Так, по мнению И. Ю. Кудиновой, исследования Красноярска сосредоточены вокруг городской историографии и краеведческих очерков, истории отдельных социальных слоев и исторических персон [36]. Нередко в научном пространстве региона используется культурологический подход к городу, так, в частности, в 2012 г. была проведена конференция "Культура и искусство сибирского города: традиции и современность" [39]. Концептуальное обновление местной урбан-истории связано с именами ученых С. А. Рафиковой, Н. В. Гониной и Г. А. Реута.

Исследовательские интересы С. А. Рафиковой сосредоточены на изучении повседневности сибирского города 1960-х гг. [50], в том числе за счет оригинальных методик, таких как шкала идентификаторов городского образа жизни [49]. Разнообразны с точки зрения методологии труды Н. В. Гониной. Под ее пристальным изучением находятся проблемы урбанизации, демографии, образования и идентичности в советских городах Красноярского края и Ангаро-Енисейского региона, особенно актуальны ее конкретно-исторические исследования по типологии городов [17]. Н. В. Гонина – одна из немногих историков-урбанистов Сибири, кто вклинился в дискуссию о псевдоурбанизации Советской России. По мнению исследовательницы, проблемы становления городов Сибири не достаточны для обоснования тезиса о псевдоурбанизации, поскольку они все же развивались как в количественном, так и в качественном отношении в соответствии с процессами мировой урбанизации, но с особыми чертами [18]. Г. А. Реут изучает феномен закрытых городов Сибири [52].

В достаточно широком историческом сообществе Якутска доминируют работы по этнологии и этнической истории, в рамках которых иногда исследуются проблемы этничности в городской среде. Так, еще в 1988 г. в Якутске вышел сборник научных трудов [58], проанализировавших в том числе проблемы взаимодействия коренных этносов (преимущественно якутов) в сфере бурных городских процессов (статьи И. А. Аргунова, А. Е. Эверстовой, Б. Н. Попова и др.). Новаторской стала книга якутского социолога У. А. Винокуровой "Ценностные ориентации якутов в условиях урбанизации" [11]. В 2001 г. вышла коллективная монография о проблемах адаптации и аккультурации якутов в городах [60]. Что касается непосредственно урбан-истории, то тут можно указать лишь работы П. П. Петрова по истории городов Якутии

в имперский период [44]. В целом, историческая урбанистика в Якутии остается неразвитой.

Не в полной мере востребована историческая урбанистика в Хабаровском крае. В столице региона в большой степени развито направление "история архитектуры". Так, в Хабаровске работает известный историк архитектуры Н. П. Крадин, чьи исследования не являются классической историей, а только основываются на ретроспективном подходе в градостроительной науке. Среди историков в рамках урбанистики работает Н. Г. Кулинич, интересы которой сконцентрированы на городской повседневности Дальнего Востока в 1920–1930-х гг. [38], а также Е. С. Скрабневская, которая изучает городское самоуправление на Дальнем Востоке на рубеже XIX–XX вв. [57]. В Комсомольске-на-Амуре можно упомянуть лишь часть исследований И. Л. Кузиной о жизни и быте молодёжи в дальневосточных городах 1930-х гг. [37].

Однако в научном пространстве Восточной Сибири и Дальнего Востока есть регионы, в которых вообще отсутствуют какие-либо урбанистические социально-гуманитарные исследования. Урбанистика на данный момент не проявилась в работах ученых Кызыла, Читы, Благовещенска, Биробиджана, Братска, Ангарска, Южно-Сахалинска, Магадана, Петропавловска-Камчатского. Исключением являются некоторые исследования Л. Н. Хаховской, посвященные изучению этнокультурных процессов у малочисленных северных народов в среде Магадана [61].

Таким образом, исследования по урбан-истории распространены не во всех регионах Восточной Сибири и Дальнего Востока. Обращают на себя внимание три научных центра по социально-гуманитарной урбанистике – Иркутск, Улан-Удэ и Владивосток. Научное урбанистическое пространство Иркутска наиболее разнообразно и отличается различными междисциплинарными исследованиями, но, одновременно, представляется, что оно фрагментируется и неуловимо как единое исследовательское сообщество. Урбанисты Улан-Удэ также преимущественно работают в контексте социально-антропологических и междисциплинарных подходов, в то время как исторический анализ урбанизации, чаще имперского периода, если основываться на оценках Т. В. Паликовой, ускользает от их пристального изучения. Тем не менее дореволюционный восточный город России является наиболее привлекательным с точки зрения хронологических рамок исследовательским объектом в региональной урбан-истории, что особенно заметно по трудам историков из Владивостока. В целом неоднократно реализуемые в последнее время научные проекты, мероприятия и конференции по социально-гуманитарной урбанистике в восточных регионах России указывают на то, что исследовательские перспективы урбан-истории Восточной Сибири и Дальнего Востока в дальнейшем будут только расширяться.

Литература

1. Андриец Г. А. История культурной жизни городов юга Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX века). Владивосток: Дальнаука, 2014. 356 с.
2. Балдано М. Н. Город в Байкальской Азии: индустриализация и урбанизация // Хозяйственное освоение Сибири в контексте отечественной и мировой истории: Сб. науч. трудов. Новосибирск: СО РАН, 2005. С. 167–179.
3. Балдано М. Н. Советская модель урбанизации // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 7. С. 53–56.
4. Балдано М. Н. Урбанизационные процессы в Бурятии в 1930-е гг. // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2011. № 2. С. 93–100.
5. Борчанинова В. Е., Чернолуцкая Е. Н. Формирование населения и трудовых ресурсов на Дальнем Востоке СССР (40-е – 60-е годы). Владивосток, 1991. 63 с.
6. Бреславский А. С. Городская история, исторический дискурс, критический дискурс-анализ // Уральский исторический вестник. 2011. № 1 (30). С. 102–105.
7. Бреславский А. С. Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. 192 с.
8. Бреславский А. С. Постсоветский Улан-Удэ: культурное пространство и образ города (1991–2011 гг.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. 156 с.

9. Ващук А. С. Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке (середина 40 – 80-х годов XX в.). Владивосток: Дальнаука, 1998. 212 с.
10. Ващук А. С., Чернолуцкая Е. Н., Королева В. А., Дудченко Г. Б., Герасимова Л. А. Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. Владивосток: ДВО РАН, 2002. 228 с.
11. Винокурова У. А. Ценностные ориентации якутов в условиях урбанизации. Новосибирск: ВО "Наука", Сибирская издательская фирма, 1992. 144 с.
12. Власов С. А. Жилищное строительство на Дальнем Востоке (1946–1991 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2008. 204 с.
13. Власов С. А. Очерки истории Владивостока. Владивосток: Дальнаука, 2010. 252 с.
14. Власов С. А. Становление и развитие городов на Дальнем Востоке России во второй половине XX в. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2013. № 2 (25). С. 103–111.
15. Гаврилова Н. И. Общественный быт горожан Иркутской губернии во второй половине XIX века. Иркутск: Иркутский национ. исслед. тех. ун-т, 2014. 307 с.
16. Галлямова Л. И. Урбанизация Дальнего Востока России во второй половине XIX – начале XX века (основные этапы и особенности) // Дальневосточный город в контексте освоения Тихоокеанской России: сб. науч. ст. Владивосток: ООО "Рея", 2014. С. 52–59.
17. Гонина Н. В. Типология как метод конкурентно-исторического исследования Ангаро-Енисейского региона во второй половине XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23. № 1. С. 18–22.
18. Гонина Н. В. Урбанизация в Восточной Сибири во второй половине XX в. – "псевдоявление" или объективный процесс? // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2009. Иркутск: Изд-во Байкальского гос. ун-та, 2009. С. 356–359.
19. Город в системе этнокультурных взаимодействий Байкальской Азии: материалы междунар. науч. семинара-совещания. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 2006. 122 с.
20. Город и село в постсоветской Бурятии: социально-антропологические очерки. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. 220 с.
21. Город и село в условиях глобализации (на примере Республики Бурятия): материалы междунар. семинара "Будущее города и села: трансформация социального, экономического и экологического развития национального региона в условиях глобализации" (г. Улан-Удэ, 24-25 сент. 2009 г.). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. 157 с.
22. Города средневековых империй Дальнего Востока / отв. ред. Н. Н. Крадин; Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. М.: ИВЛ, 2018. 367 с.
23. Григоричев К. В. В тени большого города: социальное пространство пригорода. Иркутск: "Оттиск", 2013. 248 с.
24. Дальневосточный город в контексте освоения Тихоокеанской России: сб. науч. ст. Владивосток: ООО "Рея", 2014. 322 с.
25. Данилов С. В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2004. 202 с.
26. Дружинина А. В. Торгово-промышленное развитие городов Восточной Сибири в конце XIX – начале XX веков: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Иркутск, 2002. 296 с.
27. Дятлов В. И., Григоричев К. В. Сибирь: динамика этнизации городского пространства переселенческого общества // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2014. Т. 10. С. 8–19.
28. Замула И. Ю. Городская культура и общественный быт Верхнеудинска (1875 – февраль 1917 гг.). Иркутск: Изд-во "Облмашинформ", 2001. 208 с.
29. Занданова Л. В., Салахова Л. М. Формирование новых подходов к типологизации индустриальных сибирских городов второй половины XX в. в историко-культурных исследованиях // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 1. С. 25–29.
30. Зуляр Ю. А. Деурбанизация Байкальского региона на рубеже XX – XXI вв. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2009. № 1 (3). С. 48–58.
31. Зуляр Ю. А. Результаты и тренды урбанизации Иркутской области в начале XXI в. // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2010. Иркутск: Изд-во Байкальского гос. ун-та, 2010. С. 98-109.
32. Иркутску 350 лет – история и современность: материалы Всерос. науч.-практ. конф. "Сибиряковские чтения", 12–13 окт. 2011 г. Иркутск: Оттиск, 2011. 317 с.
33. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). М.: Наука, 1990. 471 с.
34. Капран И. К. Повседневная жизнь русского населения Харбина (конец XIX – 50-е гг. XX в.). Владивосток: Изд-во Дальневост. Федерал. ун-та, 2011. 204 с.
35. Крадин Н. Н. Города в средневековых кочевых империях монгольских степей // Средние века. 2011. № 72 (1-2). С. 330–351.

36. Кудинова И. Ю. Современные культурологические исследования сибирских городов // Наука и современность. 2010. № 5-1. С. 189–193.
37. Кузина И. Л. Повседневный быт социалистической новостройки в 1930-е гг. (опыт г. Комсомольска-на-Амуре) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 4-2 (54). С. 106–109.
38. Кулинич Н. Г. История повседневной культуры городского населения Дальнего Востока РСФСР в 20-30-е гг. XX в.: автореферат дис. ... док. ист. наук : 07.00.02. Хабаровск, 2013. 42 с.
39. Культура и искусство сибирского города: традиции и современность: материалы Всероссийской научной конференции, 4–5 октября 2012 г. Красноярск, 2012. 283 с.
40. Меерович М. Г. Уникальность урбанизации в СССР // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2015. № 2 (49). С. 9–16.
41. Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960 – 1991 гг. (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 5) / под общ. ред. В. Л. Ларина: отв. ред. А. С. Ваших. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2016. 940 с.
42. Паликова Т. В. Города Забайкалья второй половины XIX – начала XX в. (социальное, экономическое, культурное развитие). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2010. 312 с.
43. Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Иркутск: Отгиск, 2013. 624 с.
44. Петров П. П. Города Якутии, 1861–1917 гг.: (социально-экономический очерк истории). Якутск: Якутское книжное изд-во, 1990. 124 с.
45. Плеханова А. М. Бурятия в 1920-е гг.: опыт социально-экономической модернизации. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2011. 441 с.
46. Плотникова М. М. Территориальный брендинг: от герба до бренда (на примере Иркутска). Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. 101 с.
47. Плотникова М. М. Формирование коллективной идентичности в городах Восточной Сибири в конце XVIII – начале XIX вв.: монография. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 191 с.
48. Позняк Т. З. Города дальневосточной окраины: условия и факторы роста (вторая половина XIX – начало XX в.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2007. № 3-4. С. 22–36.
49. Рафикова С. А. "Шкала идентификаторов горожан" как метод качественных урбанистических исследований // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. Выпуск 1. С. 115–122.
50. Рафикова С. А. Повседневная жизнь сибирских горожан в 1960-е годы: дис. ... док. ист. наук: 07.00.02. Новосибирск, 2013. 488 с.
51. Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX – XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с.
52. Реут Г. А. Закрытые административно-территориальные образования Сибири: социализм за колючей проволокой. Красноярск: ФГБОУ ВПО "Красноярский гос. аграрный ун-т", 2012. 349 с.
53. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. 461 с.
54. Салахова Л. М. Культура молодых индустриальных городов Восточной Сибири середины 1950–1980-х гг.: опыт Братско-Усть-Илимского территориально-производственного комплекса: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Иркутск, 2003. 281 с.
55. Сергеев О. И. Урбанизация на Дальнем Востоке России (по материалам научной конференции) // Россия и АТР. 2013. № 4 (82). С. 204–206.
56. Сибирский город XVIII – XX веков. Сборник научных статей. Иркутск: Отгиск, 2013. 202 с.
57. Скрабневская Е. С. Городское самоуправление на Дальнем Востоке России (конец XIX-начало XX вв.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Хабаровск, 2004. 289 с.
58. Современные социально-культурные процессы в городах Севера. Якутск: ЯФ СО АН СССР, 1988. 120 с.
59. Ткачева Г. А. Демографическая ситуация на Дальнем Востоке России в 20–30-е годы XX в. Владивосток: Дальрыбвтуз, 2000. 111 с.
60. Урбанизация и малочисленные народы Севера Республики Саха (Якутия). Якутск: Якутский филиал Издательства СО РАН, 2001. 86 с.
61. Хаховская Л. Н. Аборигены в городе: этнокультурный облик жителей Магадана // Сибирские исторические исследования. 2014. № 2. С. 39–59.
62. Что мы знаем о современных российских пригородах?: сб. науч. ст. / отв. ред. А. С. Бреславский. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. 220 с.
63. Шахеров В. П. Города Сибири в дореформенный период. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. 185 с.
64. Шахеров В. П. Социокультурные процессы в городской среде Байкальской Сибири XVIII – первой половины XIX вв. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. 256 с.

65. Шахеров В. П. Формирование городских поселений Байкальской Сибири в контексте особенностей сибирской урбанизации // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2011. № 1 (1). С. 35-49.
66. Шахеров В. П. Экономика сибирского дореформенного города (на материалах городов Байкальской Сибири). Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2011. 256 с.
67. Щербина П. А. Условия жизни населения в городах Дальнего Востока России в конце XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Владивосток, 2011. 26 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Andriets G. A. Istoriya kul'turnoj zhizni gorodov yuga Dal'nego Vostoka Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka). Vladivostok: Dal'nauka, 2014. 356 s.
2. Baldano M. N. Gorod v Bajkal'skoj Azii: industrializatsiya i urbanizatsiya // КНХЗаявственное освоение Сибири в контексте отечественной и мировой истории: Сб. науч. трудов. Novosibirsk: SO RAN, 2005. S. 167–179.
3. Baldano M. N. Sovetskaya model' urbanizatsii // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 7. S. 53–56.
4. Baldano M. N. Urbanizatsionnye protsessy v Buryatii v 1930-e gg. // Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk. 2011. № 2. S. 93–100.
5. Borchaninova V. E., Chernolutsкая E. N. Formirovanie naseleniya i trudovykh resursov na Dal'nem Vostoke SSSR (40-e – 60-e gody). Vladivostok, 1991. 63 s.
6. Breslavskij A. S. Gorodskaya istoriya, istoricheskij diskurs, kriticheskij diskurs-analiz // Ural'skij istoricheskij vestnik. 2011. № 1 (30). S. 102–105.
7. Breslavskij A. S. Nezaplanirovannye prigorody: sel'sko-gorodskaya migratsiya i rost Ulan-Udeh v postsovet'skij period. Ulan-Udeh: Izd-vo BNTS SO RAN, 2014. 192 s.
8. Breslavskij A. S. Postsovet'skij Ulan-Udeh: kul'turnoe prostranstvo i obrazy goroda (1991–2011 gg.). Ulan-Udeh: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2012. 156 s.
9. Vashhuk A. S. Sotsial'naya politika v SSSR i ee realizatsiya na Dal'nem Vostoke (seredina 40 – 80-kh godov XX v.). Vladivostok: Dal'nauka, 1998. 212 s.
10. Vashhuk A. S., Chernolutsкая E. N., Koroleva V. A., Dudchenko G. B., Gerasimova L. A. Ehtnomigratsionnye protsessy v Primor'e v KHKH veke. Vladivostok: DVO RAN, 2002. 228 s.
11. Vinokurova U. A. TSennostnye orientatsii yakutov v usloviyakh urbanizatsii. Novosibirsk: VO "Nauka", Sibirskaya izdatel'skaya firma, 1992. 144 s.
12. Vlasov S. A. ZHilishhnoe stroitel'stvo na Dal'nem Vostoke (1946–1991 gg.). Vladivostok: Dal'nauka, 2008. 204 s.
13. Vlasov S. A. Ocherki istorii Vladivostoka. Vladivostok: Dal'nauka, 2010. 252 s.
14. Vlasov S. A. Stanovlenie i razvitie gorodov na Dal'nem Vostoke Rossii vo vtoroj polovine XX v. // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2013. № 2 (25). S. 103–111.
15. Gavrilova N. I. Obshhestvennyj byt gorozhan Irkutskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX veka. Irkutsk: Irkutskij natsion. issled. tekhn. un-t, 2014. 307 s.
16. Gallyamova L. I. Urbanizatsiya Dal'nego Vostoka Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka (osnovnye ehtapy i osobennosti) // Dal'nevostochnyj gorod v kontekste osvoeniya Tikhookeanskoj Rossii: sb. nauch. st. Vladivostok: OOO "Reya", 2014. S. 52–59.
17. Gonina N. V. Tipologiya kak metod konkurentno-istoricheskogo issledovaniya Angaro-Enisejskogo regiona vo vtoroj polovine XX v. // Gumanitarnye nauki v Sibiri. 2016. T. 23. № 1. S. 18–22.
18. Gonina N. V. Urbanizatsiya v Vostochnoj Sibiri vo vtoroj polovine XX v. – "psevdozavlenie" ili ob'ektivnyj protsess? // Irkutskij istoriko-ehkonomicheskij ezhegodnik: 2009. Irkutsk: Izd-vo Bajkal'skogo gos. un-ta, 2009. S. 356–359.
19. Gorod v sisteme ehtnokul'turnykh vzaimodejstvij Bajkal'skoj Azii: materialy mezhdunar. nauch. seminarov-soveshchaniya. Ulan-Udeh: Izd-vo Buryat. un-ta, 2006. 122 s.
20. Gorod i selo v postsovet'skoj Buryatii: sotsial'no-antropologicheskie ocherki. Ulan-Udeh: Izd-vo BNTS SO RAN, 2009. 220 s.
21. Gorod i selo v usloviyakh globalizatsii (na primere Respubliki Buryatiya): materialy mezhdunar. seminarov "Budushhee goroda i sela: transformatsiya sotsial'nogo, ehkonomicheskogo i ehkologicheskogo razvitiya natsional'nogo regiona v usloviyakh globalizatsii" (g. Ulan-Udeh, 24-25 sent. 2009 g.). Ulan-Udeh: Izd-vo BNTS SO RAN, 2009. 157 s.
22. Goroda srednevekovykh imperij Dal'nego Vostoka / otv. red. N. N. Kradin; In-t istorii, arkheologii i ehtnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN. M.: IVL, 2018. 367 s.
23. Grigorichev K. V. V teni bol'shogo goroda: sotsial'noe prostranstvo prigoroda. Irkutsk: "Ottisk", 2013. 248 s.
24. Dal'nevostochnyj gorod v kontekste osvoeniya Tikhookeanskoj Rossii: sb. nauch. st. Vladivostok: OOO "Reya", 2014. 322 s.

25. Danilov S. V. Goroda v kochevykh obshhestvakh T'Sentral'noj Azii. Ulan-Udeh: BNTS SO RAN, 2004. 202 s.
26. Druzhinina A. V. Torgovo-promyshlennoe razvitie gorodov Vostochnoj Sibiri v kontse XIX – nachale XX vekov: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Irkutsk, 2002. 296 s.
27. Dyatlov V. I., Grigorichev K. V. Sibir': dinamika ehntnizatsii gorodskogo prostranstva pereselencheskogo obshhestva // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie. 2014. T. 10. S. 8–19.
28. Zamula I. YU. Gorodskaya kul'tura i obshhestvennyj byt Verkhneudinska (1875 – fevral' 1917 gg.). Irkutsk: Izd-vo "Oblmashinform", 2001. 208 s.
29. Zandanova L. V., Salakhova L. M. Formirovanie novykh podkhodov k tipologizatsii industrial'nykh sibirskikh gorodov vtoroj poloviny XX v. v istoriko-kul'turnykh issledovaniyakh // Gumanitarnye nauki v Sibiri. 2010. № 1. S. 25–29.
30. Zulyar YU. A. Deurbanizatsiya Bajkal'skogo regiona na rubezhe XX – XXI vv. // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie. 2009. № 1 (3). S. 48–58.
31. Zulyar YU. A. Rezul'taty i trendy urbanizatsii Irkutskoj oblasti v nachale XXI v. // Irkutskij istoriko-ehkonomicheskij ezhegodnik: 2010. Irkutsk: Izd-vo Bajkal'skogo gos. un-ta, 2010. S. 98–109.
32. Irkutsku 350 let – istoriya i sovremennost': materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. "Sibiryakovskie chteniya", 12–13 okt. 2011 g. Irkutsk: Ottisk, 2011. 317 s.
33. Istoriya Dal'nego Vostoka SSSR v ehpokhu feodalizma i kapitalizma (XVII v. – fevral' 1917 g.). M.: Nauka, 1990. 471 s.
34. Kapran I. K. Povsednevnyaya zhizn' russkogo naseleniya KHarbina (konets XIX – 50-e gg. XX v.). Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. Federal. un-ta, 2011. 204 s.
35. Kradin N. N. Goroda v srednevekovykh kochevykh imperiyakh mongol'skikh stepej // Srednie veka. 2011. № 72 (1-2). S. 330–351.
36. Kudinova I. YU. Sovremennye kul'turologicheskie issledovaniya sibirskikh gorodov // Nauka i sovremennost'. 2010. № 5-1. S. 189–193.
37. Kuzina I. L. Povsednevnyj byt sotsialisticheskoy novostrojki v 1930-e gg. (opyt g. Komsomol'ska-na-Amure) // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2015. № 4-2 (54). S. 106–109.
38. Kulinich N. G. Istoriya povsednevnoj kul'tury gorodskogo naseleniya Dal'nego Vostoka RSFSR v 20-30-e gg. XX v.: avtoreferat dis. ... dok. ist. nauk : 07.00.02. KHarbarovsk, 2013. 42 s.
39. Kul'tura i iskusstvo sibirskogo goroda: traditsii i sovremennost': materialy Vserossijskoj nauchnoj konferentsii, 4–5 oktyabrya 2012 g. Krasnoyarsk, 2012. 283 s.
40. Meerovich M. G. Unikal'nost' urbanizatsii v SSSR // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. 2015. № 2 (49). S. 9–16.
41. Obshhestvo i vlast' na rossijskom Dal'nem Vostoke v 1960 – 1991 gg. (Istoriya Dal'nego Vostoka Rossii. T. 3. Kn. 5) / pod obshh. red. V. L. Larina: otv. red. A. S. Vashuk. Vladivostok: IIAEH DVO RAN, 2016. 940 s.
42. Palikova T. V. Goroda Zabajkal'ya vtoroj poloviny XIX – nachala XX v. (sotsial'noe, ehkonomicheskoe, kul'turnoe razvitie). Ulan-Udeh: Izd-vo Buryatskogo gosuniversiteta, 2010. 312 s.
43. Pereselencheskoe obshhestvo Aziatskoj Rossii: migratsii, prostranstva, soobshhestva. Irkutsk: Ottisk, 2013. 624 s.
44. Petrov P. P. Goroda YAkutii, 1861–1917 gg.: (sotsial'no-ehkonomicheskij ocherk istorii). YAkutsk: YAkutskoe knizhnoe izd-vo, 1990. 124 s.
45. Plekhanova A. M. Buryatiya v 1920-e gg.: opyt sotsial'no-ehkonomicheskoy modernizatsii. Ulan-Udeh: BNTS SO RAN, 2011. 441 s.
46. Plotnikova M. M. Territorial'nyj brending: ot gerba do brenda (na primere Irkutsk). Irkutsk: Izd-vo IGU, 2013. 101 s.
47. Plotnikova M. M. Formirovanie kollektivnoj identichnosti v gorodakh Vostochnoj Sibiri v kontse XVIII – nachale XIX vv.: monografiya. Irkutsk: Izd-vo IGU, 2014. 191 s.
48. Poznyak T. Z. Goroda dal'nevostochnoj okrainy: usloviya i faktory rosta (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2007. № 3-4. S. 22–36.
49. Rafikova S. A. "SHkala identifikatorov gorozhan" kak metod kachestvennykh urbanisticheskikh issledovanij // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya. 2014. T. 13. Vypusk 1. S. 115–122.
50. Rafikova S. A. Povsednevnyaya zhizn' sibirskikh gorozhan v 1960-e gody: dis. ... dok. ist. nauk: 07.00.02. Novosibirsk, 2013. 488 s.
51. Repina L. P. Istoricheskaya nauka na rubezhe XX – XXI vv.: sotsial'nye teorii i istoriograficheskaya praktika. M.: Krug", 2011. 560 s.
52. Reut G. A. Zakrytye administrativno-territorial'nye obrazovaniya Sibiri: sotsializm za kolyuchej provolokoj. Krasnoyarsk: FGBOU VPO "Krasnoyarskij gos. agrarnyj un-t", 2012. 349 s.

53. Russkij KHarbin: opyt zhiznestroitel'stva v usloviyakh dal'nevostochnogo frontira. Blagoveshensk: Amurskij gos. un-t, 2015. 461 s.
54. Salakhova L. M. Kul'tura molodykh industrial'nykh gorodov Vostochnoj Sibiri serediny 1950–1980-kh gg.: opyt Bratsko-Ust'-Ilimskogo territorial'no-proizvodstvennogo kompleksa: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Irkutsk, 2003. 281 s.
55. Sergeev O. I. Urbanizatsiya na Dal'nem Vostoke Rossii (po materialam nauchnoj konferentsii) // Rossiya i ATR. 2013. № 4 (82). S. 204–206.
56. Sibirskij gorod XVIII – XX vekov. Sbornik nauchnykh statej. Irkutsk: Ottisk, 2013. 202 s.
57. Skrabnevskaya E. S. Gorodskoe samoupravlenie na Dal'nem Vostoke Rossii (konets XIX-nachalo XX vv.): dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Khabarovsk, 2004. 289 c.
58. Sovremennye sotsial'no-kul'turnye protsessy v gorodakh Severa. YAkutsk: YAF SO AN SSSR, 1988. 120 s.
59. Tkacheva G. A. Demograficheskaya situatsiya na Dal'nem Vostoke Rossii v 20–30-e gody KHKH v Vladivostok: Dal'rybvtuz, 2000. 111 s.
60. Urbanizatsiya i malochislennye narody Severa Respubliki Sakha (YAkutiya). YAkutsk: YAkutskij filial Izdatel'stva SO RAN, 2001. 86 s.
61. KHakhovskaya L. N. Aborigeny v gorode: ehtnokul'turnyj oblik zhitelej Magadana // Sibirskie istoricheskie issledovaniya. 2014. № 2. S. 39–59.
62. CHto my znaem o sovremennykh rossijskikh prigorodakh?: sb. nauch. ct. / otv. red. A. S. Breslavskij. Ulan-Udeh: Izd-vo BNTS SO RAN, 2017. 220 s.
63. SHakherov V. P. Goroda Sibiri v doreformennyj period. Irkutsk: Izd-vo IGU, 2013. 185 s.
64. SHakherov V. P. Sotsiokul'turnye protsessy v gorodskoj srede Bajkal'skoj Sibiri XVIII – pervoj poloviny XIX vv. Irkutsk: Izd-vo IGU, 2013. 256 s.
65. SHakherov V. P. Formirovanie gorodskikh poselenij Bajkal'skoj Sibiri v kontekste osobennostej sibirskoj urbanizatsii // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. 2011. № 1 (1). S. 35-49.
66. SHakherov V. P. EHkonomika sibirskogo doreformennogo goroda (na materialakh gorodov Bajkal'skoj Sibiri). Irkutsk: Izd-vo Irkut. gos. un-ta, 2011. 256 s.
67. SHHerbina P. A. Usloviya zhizni naseleniya v gorodakh Dal'nego Vostoka Rossii v kontse XIX – nachale KHKH vv.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Vladivostok, 2011. 26 s.

Стась И. Н. Историческая урбанистика в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке.

В статье анализируется современное состояние нового направления историографии – исторической урбанистики – в научном пространстве Восточной Сибири и Дальнего Востока. Автор статьи выделяет три научных центра по социально-гуманитарной урбанистике – Иркутск, Улан-Удэ и Владивосток. Исследовательское поле региональной урбан-истории отличается междисциплинарным синтезом и разнообразными теоретико-методологическими подходами, которые, как правило, основываются на инструментарии социокультурной антропологии. Приоритетными темами исторической урбанистики Восточной Сибири и Дальнего Востока является изучение городов эпохи поздней империи.

Ключевые слова: *городская история, дальневосточный город, историческая урбанистика, сибирский город, урбанизация*

Stas' I. N. Urban history in Eastern Siberia and the Far East.

The article analyzes the current state of the new direction of historiography – urban history – in the scientific space of Eastern Siberia and the Far East. The author identifies three research centers on social and humanitarian urban studies – Irkutsk, Ulan-Ude and Vladivostok. The research field of regional urban history is characterized by interdisciplinary synthesis and various theoretical and methodological approaches, which are usually based on the tools of socio-cultural anthropology. The priority themes of the urban history of Eastern Siberia and the Far East is the study of cities of the late Empire.

Key words: *urban history, Far Eastern city, historical urban studies, siberian city, urbanisation*

Для цитирования: Стась И. Н. Историческая урбанистика в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 3. С. 93–104. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-3/93-104

For citation: Stas' I. N. Urban history in Eastern Siberia and the Far East // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 3. P. 93–104. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-3/93-104

УДК 304.44

Феномен города в фокусе гуманитарных наук

Межрегиональный круглый стол "Феномен города в фокусе гуманитарных наук", который был проведён в марте нынешнего года, объединил исследователей двух федеральных университетов: Северо-Восточного (Якутск) и Дальневосточного (Владивосток). В режиме видео-конференц-связи историки, философы, социологи, политологи и культурологи Исторического факультета СВФУ и ШИГН ДВФУ обсудили различные аспекты, связанные с исследованием городской проблематики.

Основные направления дискуссии были сформулированы следующим образом:

– *теоретические основы исследования городов*: закономерности возникновения и функционирования городов; история, тенденции и перспек-

© Ардальянова А. Ю., Винокурова А. В., Власов С. А., Гончарова С. В., Ермолаева Ю. Н., Костина Е. Ю., Купряшкин И. В., Малкова Н. Ю., Орлова Н. А., Панфилова А. О., Парфенова О. А., Радченко Н. Н., Яковлев А. И., Ячин С. Е., 2019

АРДАЛЪЯНОВА Анна Юрьевна, канд. социол. наук, доцент департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** ardy2004@mail.ru

ВИНОКУРОВА Анна Викторовна, канд. социол. наук, доцент, доцент департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** vinokurova77@mail.ru

ВЛАСОВ Сергей Александрович, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток). **E-mail:** vlasov54@bk.ru

ГОНЧАРОВА Светлана Владимировна, канд. социол. наук, доцент, доцент департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** goncharova.sv@dvfu.ru

ЕРМОЛАЕВА Юлия Никифоровна, канд. ист. наук, доцент, зав. кафедрой "Всемирная, отечественная история, этнология, археология" Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова (г. Якутск). **E-mail:** iun.ermolaeva@s-vfu.ru

КОСТИНА Елена Юрьевна, канд. социол. наук, доцент, доцент департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** kostina.eyu@dvfu.ru

КУПРЯШКИН Илья Владимирович, канд. филос. наук, доцент департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** kupryashkin.iv@dvfu.ru

МАЛКОВА Наталья Юрьевна, канд. филос. наук, доцент департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** malkova.nyu@dvfu.ru

ОРЛОВА Надежда Александровна, канд. социол. наук, доцент департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** orlova.na@dvfu.ru

ПАНФИЛОВА Анна Олеговна, канд. социол. наук, доцент департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** panfilova.ao@dvfu.ru

ПАРФЕНОВА Ольга Афанасьевна, канд. ист. наук, доцент, зав. кафедрой "История, обществознание и политология" Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова (г. Якутск). **E-mail:** oa.parfenova@s-vfu.ru

РАДЧЕНКО Наталья Николаевна, канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры "Всемирная, отечественная история, этнология, археология" Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова (г. Якутск). **E-mail:** nn.radchenko@s-vfu.ru

ЯКОВЛЕВ Айтал Игоревич, канд. ист. наук, доцент кафедры "Всемирная, отечественная история, этнология, археология" Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова (г. Якутск). **E-mail:** ai.yakovlev@s-vfu.ru

ЯЧИН Сергей Евгеньевич, д-р. филос. наук, профессор, профессор департамента философии и религиоведения Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** yachin.se@dvfu.ru

тивы урбанизации; зарубежные концепции и исследования городов; феномен города в российском научном наследии и т.п.;

– **методы изучения современных городских проблем и процессов:** методики качественных и количественных исследований города и прилегающих территорий;

– **современное развитие городов:** восприятие городского ландшафта и образы города; социальная структура и мобильность в городском пространстве; городское публичное пространство; городской образ жизни (качество, уровень, стили жизни в городе), городская "доброжелательность", процессы субурбанизации и т.п.

Винокурова А. В.: В настоящее время основной научный тренд, в том числе и в изучении городов и городской проблематики, – это междисциплинарность. Соответственно, актуальным становится поиск общего языка для исследователей социально-гуманитарного профиля – философов, историков, социологов, культурологов. Поэтому хотелось бы начать с того, что представляет собой город с точки зрения современного социально-гуманитарного знания, что сейчас в мейнстриме научного осмысления города, городского пространства?

Ячин С. Е.: Действительно, методологическая акцентировка городской проблематики на сегодняшний день является едва ли не самым важным. В чем состоит суть проблемы? Я думаю, что это несоизмеримость человеческого и социального бытия людей. Это примерно как в круг вписать квадрат. Круг – это городская среда, а квадрат – человек. Сегодня мы можем назвать тысячу причин того, почему человеку некомфортно жить в городской среде. И мы можем спросить себя: "В чём видит человек место несоизмеримости бытия?" Если говорить более конструктивно, на что бы я обратил внимание методологически, это то, что человеческое бытие многослойное. И главная проблема сегодня состоит в том, каким образом мы должны связать эти слои. Можно предложить такую схему: есть организации, есть коммуникации и есть мотивации, которые привели людей к данной коммуникации. Эту схему я бы наложил на ситуацию жизни в городе. Мы можем изучать, насколько эти степени мотивации влияют на степени коммуникации и каким образом организационная среда, вещественная среда позволяет нам совместить то и другое.

Яковлев А. И.: На наш взгляд, главный объект исследования это, конечно, человек, место и роль человека в городской среде, как человек воспринимает город. И все те социальные, культурные процессы, которые мы наблюдаем в городах, пронизаны, скажем так, политическими проблемами.

Парфёнова О. А.: Конечно, с точки зрения политологии, культурный ландшафт, который нас окружает, определяет нашу политическую идентичность. И действительно, как справедливо отметил Сергей Евгеньевич, очень трудно в круг вписать квадрат. Здесь на средней Лене, когда ещё не было государственности, культурный ландшафт был очень гармонично вписан в природную среду. С появлением государственности возникают разные типы культурного ландшафта, которые могут между собой даже и не пересекаться. В настоящее время время мы "зажаты" в некотором смысле теми политическими событиями, которые произошли в девяностые годы. Повсеместно происходила этнизация городского пространства. Другими словами, в городах появился свой национальный колорит, города приобрели свое индивидуальное лицо, они стали не такими стереотипными. Но идентичность должна быть многослойной, а этого ещё недостаточно в наших российских городах.

Винокурова А. В.: Хотелось бы продолжить эту мысль касательно ландшафтов городской среды, в том числе и культурной составляющей. Коллеги, как вы предполагаете, есть ли какие-то сходства, различия, какая специфика характерна именно для культурной составляющей ландшафта городской среды?

Малкова Н. Ю.: Об этом говорить достаточно сложно. Почему? Потому что, прежде чем высказывать какое-либо утверждение, необходимо проводить достаточно серьёзный сбор эмпирического материала. Чего, к сожалению, во многих современных отечественных исследованиях не хватает. Дело в том, что очень часто используются западные теории, которые вырастают из своей определённой среды, и пытаются под этот фрейм использовать те материалы,

которые имеем. Поэтому, конечно, различия будут. Также необходимо учитывать, что в любом современном городе будут присутствовать разные формы и стили жизни. Например, временное проживание. Соответственно, и повседневное проживание будет различным. Почему? Потому что современный город существует в современной цивилизации, а это цивилизация модерна, где одновременно, в одной точке может присутствовать несочетаемое.

Ячин С. Е.: Если продолжить методологический ход, мы применительно к конкретной стране, к конкретному региону рисуем образ идеального города, а потом спрашиваем: "Чего не хватает для того, чтобы в легкой степени соответствовать этому идеальному городу?". Я предполагаю, конечно же, для Приморья свой идеальный город, для Якутии – свой. Но это чисто теоретическая конструкция.

Яковлев А. И.: Я бы тоже хотел на это обратить внимание. Если мы строим идеальный образ города в Сибири и на Дальнем Востоке конкретно, то основными вопросами у нас будут: как человек проживает в городе, как протекает его повседневная жизнь в этом городе?

Ермолаева Ю. Н.: Повседневная жизнь современного города во многом определяется социально-демографическими характеристиками и национальным составом населения. В частности, получается, что город Якутск основывался как мужской город в гендерном отношении. Долгое время сохранялся высокий уровень женской и детской смертности. Ещё в конце XIX в. исследователями-историками ставился вопрос: "А не вымирает ли якутский народ?" И только в середине тридцатых годов двадцатого века была поставлена точка по поводу того, что "нет, это не вымирание". Таким образом, получается до середины 1930-х гг. Якутск – это мужской город. В дальнейшем наблюдается определённое увеличение доли женского населения, и теперь ставится вопрос: "Является ли Якутск городом с женским лицом?" И этот вопрос остаётся открытым. А какой характер носит наш город в национальном плане? Получается, что общероссийский. Примечательны в этом ключе захоронения, погребения. Якутск в этом отношении, с одной стороны, мусульманский, т.е. татарский, а с другой стороны – еврейский. Если будем смотреть по захоронениям даже XIX в., мы никоим образом не скажем, что это якутский город. У нас наблюдается такое смешение, такой конгломерат, что какую-то однозначную картину нарисовать очень сложно.

Гончарова С. В.: Всё же мы говорим о современном развитии города, и я хотела бы обратить ваше внимание на такие направления в исследованиях, которые связаны с активизацией деятельности и федеральных, и региональных властей на Дальнем Востоке. Получается, что развитие дальневосточных территорий является объектом внимания самых разных и научных, и политических кругов. Мы проанализировали существующую нормативно-правовую базу в различных регионах Дальнего Востока и выявили, что есть, например, в Якутии документы, которые касаются развития арктических территорий. В ряде других регионов Дальнего Востока есть документы, которые касаются развития сельских территорий, жилищного строительства. Создается основа, по крайней мере, делаются попытки для формирования благоприятной городской среды. Люди хотят ощущать себя счастливыми, видеть комфорт вокруг себя. И, в связи с этим, интерес представляют межрегиональные исследования, направленные на выявление мнений, в частности, молодёжи по поводу того, что хотят видеть молодые люди в городе, какие им нужны публичные пространства, каких пространств не хватает. Это могло бы стать основой для предложений по усовершенствованию городской среды.

Орлова Н. А.: Поставленные региональным властям Правительством Российской Федерации экономические и социальные задачи развития Дальневосточного федерального округа (ДФО) поднимают целый комплекс проблем городского развития. Сейчас накоплен разнообразный теоретический и практический материал о структуре города и его отдельных подсистемах, о динамических процессах, происходящих в городах (в том числе и о тех, которые непосредственно не наблюдаются), об отдельных феноменах городской жизни.

Яковлев А. И.: Если брать картину всего Дальнего Востока и Сибири, то город – это среда, где, в основном, живет молодёжь. И эмпирически мы можем это наблюдать в программах, например, города Кызыла, в городах Бу-

рyтии. И в Якутске работают такие программы. Но всё равно всё сводится к вопросам: как мы понимаем город и городскую среду, что такое социокультурная городская среда. И далее, что такое современность, как мы видим понятия "современность" и "современный город"?

Радченко Н. Н.: Разные, конечно, понимания современности существуют. Но в исторических работах мы говорим о современности в контексте именно постсоветского периода, начиная где-то с 1992 г.. И, продолжая разговор о городе, городской среде, я хотела сказать, что очень интересная идея прозвучала относительно конструирования идеального города. И в рамках нашей магистерской программы "Историческая урбанистика" мы как раз со студентами попытались создать проект идеального города. Были представлены разные варианты. Например, идеальный город – это город-курорт, расположенный в хорошем месте, где есть прекрасная природа, где есть возможность поправить здоровье и т. д. Другой пример – наукоград, центр образования и науки, где город развивается за счет каких-то инновационных разработок, научных идей. Но все исходило из традиционной городской среды, где обязательно в центре города находилось публичное пространство, площадь, место для встречи горожан, молодёжи и т. д. При конструировании идеального города основной упор делался на то, что городская среда должна быть удобной, комфортной, чтобы были перспективы для развития молодёжи в этом городе, т. е. образовательные учреждения, место приложения своих сил, возможности для трудоустройства.

Ячин С. Е.: Можно дополнить, что современность в широком смысле слова – это мобильность.

Винокурова А. В.: Поддерживаю. Собственно говоря, на всём протяжении развития городов мобильности всегда присутствуют, в той или иной степени. И, так или иначе, большинство городов Дальнего Востока качественного рывок в своём развитии получили в советское время. Соответственно, встаёт вопрос сравнения тех трендов, которые были характерны для советского периода, и тех, которых мы наблюдаем сейчас.

Власов С. А.: Да, я хотел бы обратить внимание, что в советское время было построено много городов на Дальнем Востоке. Но проблема состояла в том, как вписать человека в городскую среду. Актуальной была проблема массового жилищного строительства. Перманентной была проблема товарного дефицита и т. д. Эти проблемы были. Сейчас, можно сказать, что эти проблемы во многом решены и решаются. В советский период всё решало государство, люди как бы были отстранены от возможности решать свои проблемы. А сейчас, я думаю, нужно давать больше возможностей самим горожанам участвовать в решении своих проблем, которые существуют в конкретных городских поселениях. Тогда мы уж точно привнесём комфорт в городскую среду.

Купряшкин И. В.: Самое главное, на мой взгляд, как живут горожане в городе. Можно посмотреть на город с точки зрения исследования неравенства. Например, мы знаем, что в менее развитых странах мира, 80% городского населения живет в трущобах. Более того, уже возник такой феномен как "трущобы в трущобах". Есть более престижные трущобы, есть менее престижные трущобы и т. д. К слову о молодёжи, около половины жителей трущоб – это люди моложе 20 лет. Например, около 10 лет назад был такой прогноз от Центра глобального мониторинга городов, что к 2020 г. более 50% населения городов мира будет жить в бедности, соответственно, в трущобах. Иными словами, города растут в мире, в основном, благодаря трущобам. Когда мы говорим, например, об идеальном городе или о благоприятной городской среде это значит, что город должен быть удобен для всех. Город – он вообще разный, он для разных. И в городе возникают эти разные процессы, разные группы, которых не было, разные потребности. Если говорить об идеальном городе, то это, скорее, должен быть какой-то "город-конструктор". Я имею в виду то, что это должен быть город, который мог бы приспосабливаться и мог бы давать одновременно потребности и возможность закрыть эти потребности. И город должен быть таким проактивным и мобильным. Потому что скорость сегодня так высока, что пока мы будем создавать город вчерашнего дня, все наши потребности, коммуникации и т. д. изменятся максимальным образом.

На Дальнем Востоке есть пример весьма специфического города – это Комсомольск-на-Амуре. Действительно, плановая экономика позволяла сде-

лать из него город юности не на словах, а на деле. Но рыночная стихия все расставляет по своим местам. Креативный класс не едет в Комсомольск-на-Амуре. Если приедет креативный класс, то рано или поздно город оживёт. Но вот в случае с Россией следует обратить внимание на то, что наша страна в мировой экономической системе – это полупериферия, её структурное место таково. И более того, историческое наследие – это наследие имперское. И в нашем случае культурная, экономическая, политическая периферии совпадают. В империи может быть только один развитый город – столичный город. Во всех остальных городах, даже если мы будем стараться развивать городскую среду, то максимум это филиалы.

Нужно сказать про большие данные, которые сегодня помогают изучать город. Недавно опубликовали сведения о том, что правительство Москвы полмиллиарда заплатило за последние несколько лет сотовым операторам. Они видят перемещения и т. д. В черте города Москвы живет и работает 25 млн человек. Они видят транспортные потоки, они видят, кто, где пересаживается, соответственно, можно предположить, как будет меняться транспортная структура и т. д.

Парфёнова О. А.: Действительно, процессы джентрификации сейчас актуальны для многих городов. Вот у нас в Якутии имеет место очень высокий уровень внутренней миграции. И само качество города и городской жизни меняется. В последние 10 лет Якутск испытывает большой приток сельских жителей. Ежегодно Якутск пополняется на 50 тысяч жителей за счет сельско-городской миграции в направлении село – город. И для городских властей это достаточно серьезная проблема, так как страдают, прежде всего, коммуникации, социальные объекты. Кроме того, держится очень высокая стоимость на вторичное жильё. И, в то же время, горожане второго, третьего поколения отселяются на окраины, т.е. строят уже индивидуальные дома повышенной комфортности.

Яковлев А. И.: Да, сейчас развитие пригородов идёт очень активными темпами. Исторически сложилось такое мнение, что город – это место, где человек идёт из дома на работу и с работы домой. А сейчас, складывается позиция, что город – это место, где человек должен жить. Не просто идти из дома на работу, а город должен быть средой, где человек не только работает, но и отдыхает, проводит досуг. И тут начинаются специфичные для Дальнего Востока проблемы – климат, особый ландшафт, особый менталитет и пр.

Ардальянова А. Ю.: Вот поэтому очень интересно сравнить разные города Дальнего Востока с точки зрения методов исследования городского пространства. Конечно, в основном, историки апеллируют к качественной методологии, но в то же время если дополнить её количественными исследованиями, то это будет только плюс и более полный анализ. И хочу продолжить мнение, высказанное Ильёй Владимировичем по поводу исследования больших данных. Получается, что человек в современном городском пространстве, по большому счёту, – путешественник, т. е. все мы, в той или иной степени, путешественники. И все эти траектории движения как раз и определяют скопления, какие-то модальные вещи, которые связаны с организацией, обустройством, ландшафтом городского пространства. Основная проблема состоит в доступе к большому данным. Нет данных, нечего исследовать. Исследования, которые опираются на устоявшиеся социологические методы – квартирные опросы, уличные опросы, отходят на второй план и уступают место методам более современным с использованием геолокации, инновационных технологий и т.п. Поэтому сейчас основная исследовательская задача состоит в построении этих методов и возможности их апробации на конкретных пространствах, на конкретных городских объектах.

Ячин С. Е.: Я всячески поддерживаю, что сегодня без методологии big data исследование городской проблематики невозможно.

Костина Е. Ю.: Относительно методов, я бы хотела сказать, что вопрос больших данных – это вопрос мышления в рамках данной парадигмы. Нам еще сложно работать с big data, потому что мы не до конца понимаем, какие процессы надо снимать, и, может быть, поэтому не знаем, как эти сведения получить. Здесь нам надо научное мышление менять.

И очень значимый аспект – это безопасность в городском пространстве. Город – продукт человеческой деятельности. Наши предки, мы с вами его де-

лали. Все хотели сделать среду комфортнее, лучше, качественнее. Есть мнение, что современный город некомфортен, небезопасен, что ты находишься среди людей, и ты чувствуешь себя в большей опасности, чем на пляже или в лесу. В результате получилось, что мы хотели сделать как лучше, мы же стремились к этому, а получилось, что мы загнали себя в самые некомфортные, небезопасные для человека условия.

Панфилова А. Ю.: Города сегодня – это места очень концентрированной социальной жизни. Это пространства, где сходятся, пересекаются, взаимодействуют, развиваются жизненные устремления, мотивации очень большого числа людей. Соответственно, имеется сопряжённость с очень большим количеством проблем, основанных на издержках современности самого различного характера. Кстати, мы говорили о месте и роли молодёжи в современном городе. Но в городах проживет и развивается не только молодёжь, но и представители других социально-демографических групп. Сейчас имеет место очень низкая степень вовлечённости людей в процессы проектирования, развития городской среды. И зачастую то, что нам провозглашают как реальную общественную активность, на деле имеет декоративный характер в плане привлечения внимания и некоторой демонстрации того, что действительно происходит. А на самом деле, к ряду мнений, потребностей людей, прислушиваются очень мало. Необходимо активнее развивать общественные слушания, дискуссии, взаимодействия, создание открытых площадок для обсуждения и т.д. Город – это среда, которая развивается стихийно. Её развитие необходимо направлять, им надо управлять. Для этого привлекать больше людей – представителей различных демографических, профессиональных, социальных групп. И здесь на помощь могут прийти качественные исследования – методы визуальной социологии, методы интервьюирования с высказываниями, пожеланиями об идеальном городе.

Яковлев А. И.: Очень продуктивно будет исследовать современный город с позиции количественного и качественного подходов. Нужны междисциплинарные и межрегиональные подходы.

Купряшкин И. В.: Важен диалог власти и населения, а если смотреть шире, то наука – власть – гражданское общество.

Феномен города в фокусе гуманитарных наук.

The phenomenon of the city in the focus of humanities.

Для цитирования: Ардалянова А. Ю., Винокурова А. В., Власов С. А., Гончарова С. В., Ермолаева Ю. Н., Костина Е. Ю., Купряшкин И. В., Малкова Н. Ю., Орлова Н. А., Панфилова А. О., Парфенова О. А., Радченко Н. Н., Яковлев А. И., Ячин С. Е. Феномен города в фокусе гуманитарных наук // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 3. С. 105–110. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-3/105-110

For citation: Ardalyanova A. Yu., Vinokurova A. V., Vlasov S. A., Goncharova S. V., Ermolaeva Y. N., Kostina E. Yu. Kupryashkin I. V., Malkova N. Yu., Orlova N. A., Panfilova A. O., Parfenova O. A., Radchenko N. N., Yakovlev A. I., Yachin S. E. The phenomenon of the city in the focus of humanities // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 3. P. 105–110. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-3/105-110

Исследование проблемы отождествления вторичной социализации с такими социальными процессами, как ресоциализация и альтернатива

Термин "вторичная социализация" довольно часто используется в социологическом дискурсе, описывая социализационные процессы, следующие за первичной социализацией в современном обществе. Однако можно заметить тенденцию, что авторы, пишущие на эту тему, по-разному интерпретируют это понятие, наделяя его разными характеристиками и признаками. Как нам кажется, вследствие такой неправильной интерпретации происходит замена понятием "вторичная социализация" других социальных процессов, особенно этого касается ресоциализации и в меньшей степени альтернативы. Например, в определении вторичной социализации А. И. Ковалевой ставится знак равенства между вторичной социализацией и ресоциализацией: "вторичная социализация", или ресоциализация, — своеобразная перестройка личности (правда, не столь существенная) уже в период ее социальной зрелости" [11]. По нашему мнению, такая ситуация является следствием того, что эти феномены еще четко не разделены между собой, не определены границы, где заканчивается одно явление и начинается другое.

Поэтому цель нашей работы — постараться определить признаки вторичной социализации, ресоциализации и альтернативы, которые делают их уникальными явлениями, это даст возможность определить границы между ними, что в дальнейшем позволит избежать ошибочного отождествления этих явлений. Проблему, когда вторичную социализацию прямо или опосредованно некоторые исследователи ассоциируют с другими социальными процессами, отмечают и другие исследователи. Например, Р. А. Костин и А. Е. Климанова в своей статье "Вторичная социализация: понятие, проблемы и тенденции развития" констатируют: "Анализируя далее тенденции развития научных представлений о вторичной социализации, следует отметить, что в современной социологии феномен вторичной социализации не рассматривается в полной мере как один из социализационных процессов, а исследуется более в терминах социальной адаптации как приспособления к изменениям социокультурных, жизненных и возрастных ситуаций" [6].

Выше мы привели пример отождествления вторичной социализации и ресоциализации в работе 2016 г. А. И. Ковалевой. То, что поставленная проблема актуальна и на данный момент, показывает наличие подобной позиции и в работах 2018 г.. Например, в статье Н. В. Шевелевой, Г. Н. Попова "Ресоциализация семей с детьми, перенесших насилие, как актуальная педагогическая проблема" [12] можно встретить как утверждение, что ресоциализация — это направление вторичной социализации, так и что "вторичная социализация — ресоциализация" [12]. То есть даже в рамках одной работы мы видим путаницу и постановку знака равенства между этими социальными процессами. Что касается альтернативы, то можно встретить утверждения подобного рода: "альтернатива как механизм ресоциализации в значительной степени актуальна в профессиональной ресоциализации личности" [4]. То есть, если взять утверждения, приведенные выше, мы можем прийти к констатации, что альтернатива — это механизм вторичной социализации.

Новизна работы заключается в том, что на данный момент нет работ, рассматривающих вторичную социализацию, ресоциализацию и альтернативу как феномены, с одной стороны, близкие друг другу, с другой стороны,

как оригинальные процессы, не дублирующие друг друга. Особенно мало информации об альтернативе как социальном процессе, тем более не рассматривается вопрос отождествления вторичной социализации и альтернативы. Методологически наше исследование будет опираться на положения феноменологической социологии, а именно на работу последователей А. Шютца П. Бергера и Т. Лукмана "Социальное конструирование реальности: трактат по социологии сознания" [1]. Опираясь на идеи П. Бергера и Т. Лукмана с привлечением работ отечественных и зарубежных исследователей, мы попробуем определить сущность вторичной социализации, ресоциализации и альтернативы, а также те отличительные черты, которые делают каждое из этих феноменов уникальным.

Для того чтобы изучить проблему ассоциации вторичной социализации с ресоциализацией и альтернативой, сначала определим, что собой представляет вторичная социализация, затем рассмотрим ресоциализацию и альтернативу как социальные процессы, которые часто отождествляются с вторичной социализацией, и проанализируем, насколько обоснованно отождествлять вторичную социализацию с указанными выше социальными процессами. Анализ изучения феномена вторичной социализации показывает, что теорий интерпретирующих вторичную социализацию не так уж и много как в России, так и за рубежом. Хотя этот термин применяется достаточно широко, и о самом процессе вторичной социализации часто упоминается как в случаях с социализацией в целом, так и о как самостоятельном явлении.

На проблему слабой проработанности феномена вторичной социализации указывают и уже упоминавшиеся нами выше Р. А. Костин и А. Е. Климанова в своей работе 2011 г. "Вторичная социализация: понятие, проблемы и тенденции развития", посвященной анализу самой вторичной социализации и теорий, ее рассматривающих. Эти исследователи констатируют: "Понятие вторичной социализации в науке остается еще недостаточно разработанным, что может быть вызвано отрицанием необходимости понятийного оформления данного процесса вплоть до настоящего времени" [6]. И хотя вопрос вторичной социализации продолжает разрабатываться, в современных работах мы встречаем утверждение, что "понятие вторичной социализации остается недостаточно разработанным в науке" [14].

Рассмотрим некоторые подходы к пониманию феномена вторичной социализации. За основу возьмем идеи классиков социологической мысли, П. Бергера и Т. Лукмана, которые одни из первых обратили внимание на этот социальный процесс. Согласно П. Бергеру и Т. Лукману: "вторичная социализация – это каждый последующий процесс, позволяющий уже социализированному индивиду входить в новые сектора объективного мира его общества" [1, с. 213]. "Вторичная социализация представляет собой интернализацию институциональных или институционально обоснованных "подмиров"... "Подмиры", интернализируемые в процессе вторичной социализации, в основном представляют собой частичные реальности, в отличие от "базисного мира", приобретенного в процессе первичной социализации. Однако они тоже представляют собой более или менее целостные реальности, характеризующиеся нормативными, эмоциональными и когнитивными компонентами" [1, с. 225-226]. Еще одно важное замечание П. Бергера и Т. Лукмана относительно вторичной социализации заключается в том, что "...вторичная социализация всегда предполагает предшествующий ей процесс первичной социализации. Это значит, что приходится иметь дело с уже сформировавшимся Я и уже интернализированным миром" [1, с. 218].

Таким образом, исходя из посылок П. Бергера и Т. Лукмана, можно констатировать, что вторичная социализация существует на основе, сформированной первичной социализацией. Для того чтобы происходил процесс вторичной социализации, индивид уже должен пройти этап первичной социализации. То есть в рамках первичной социализации создается фундамент, на котором основывается социальное сознание индивида, в рамках вторичной – надстройка над фундаментом, которая достаточно легко изменяется в зависимости от ситуации. Индивид имеет возможность трансформироваться в изменяющемся мире ("входить в новые сектора объективного мира его общества"), но при этом не терять фундамента первичной социализации.

Отечественный исследователь А. И. Кравченко [7] в своем подходе к вторичной социализации предполагает, что процесс вторичной социализации начинается с того момента, как индивид получил формальное образование. То есть первичная социализация в значительной мере осуществляется в условиях родительской семьи. Как следствие, родители и ближайшее окружение ребенка осуществляют процесс передачи ему огромного объема знаний о мире, в котором он далее будет существовать, а также проецируют в его сознание ценности и нормы своих социальных групп. С того момента, как ребенок начинает ходить в школу, он включается в процесс вторичной социализации. Необходимо отметить, что согласно этому исследователю, в том случае, если ребенок начинает посещать детский сад, то вторичная социализация для этого ребенка начинается с этого периода.

Норвежский исследователь И. Френес (I. Frønes) высказывает мысль, что "в социологической теории первичная социализация прежде всего понимается как процесс, происходящий в семье и в течение первой части детства. С этой точки зрения социализирующими агентами в этом процессе являются родители, особенно мать. *Вторичная социализация* происходит позже и связана с такими агентами социализации, как значимые другие, образовательные учреждения и медиа" [15, с. 14].

Рассматривая подход П. Бергера и Т. Лукмана относительно вторичной социализации, можно отметить, что они предлагают отойти от этапов социализации, связанных с различными факторами, прежде всего с возрастом, и всю социализацию после первичной, считать одним непрерывным процессом (т. е. вторичной социализацией). Нам кажется, это наиболее конструктивная идея относительно социализационных процессов, идущих за первичной социализацией. Такая концепция избавляет исследователей от многих проблем, связанных с переходными зонами между этапами социализации. Так как точно устанавливается, что социализация после первичной – это по определению вторичная, и отсюда делаются все теоретические и эмпирические установки.

Основываясь на работе П. Бергера и Т. Лукмана, а также на исследованиях других ученых, попробуем найти наиболее актуальное понимание вторичной социализации. "Вторичная социализация – система социализационных и социально-адаптационных процессов, последующих после первичной социализации" [2]. Смысл вторичной социализации заключен в ситуативной трансформации надстройки мироощущения, которая имеет относительно нестабильный характер, в основании которой фундамент ценностей, норм, установок и т. п. данного социума, сформированных в процессе первичной социализации. Если опять взять воззрения П. Бергера и Т. Лукмана, то первичная социализация создает первичный, основной социальный мир человека, вторичная социализация – "подмиры", базирующиеся, с одной стороны, на фундаментальном мире первичной социализации и, с другой стороны, на осознании актуальной реальности в рамках текущей социальной действительности.

После того, как мы смогли определиться с тем, что собой представляет вторичная социализация, проведем сравнительный анализ этого явления с ресоциализацией и альтернативой. Начнем с ресоциализации, как явления, которое, наверно, наиболее часто используется как синоним вторичной социализации. Рассмотрим подходы к пониманию явления ресоциализации. А. И. Ковалева, Н. А. Перинская в своей статье "Ресоциализация" [5] высказывают мнение, что ресоциализация по своим характеристикам напоминает первичную социализацию, и в отличие от идеи о тождественности ресоциализации и вторичной социализации пишут о том, что, хотя вторичная социализация где-то приближается к ресоциализации, все-таки отлична от нее. Так как основанием для ресоциализации является настоящее, а для вторичной социализации – прошлое. Эта идея авторов была у взята у П. Бергера и Т. Лукмана в их "Социальном конструировании реальности", поэтому обратимся к первоисточнику и посмотрим, что писали по поводу ресоциализации П. Бергер и Т. Лукман.

Начнем с того факта, что П. Бергер и Т. Лукман считали, что ресоциализация и вторичная социализация – это разные феномены, которые имеют кардинальные различия. По их мнению, "в ресоциализации прошлое перетолковывается для того, чтобы оно соответствовало нынешней реальности, в прошлое переносятся разные элементы, которые субъективно в нем отсутство-

вали. Во вторичной социализации настоящее интерпретируется так, чтобы оно находилось в последовательном взаимоотношении с прошлым" [1, с. 264].

По П. Бергеру и Т. Лукману процессы ресоциализации "напоминают первичную социализацию, поскольку они должны радикально по-новому расставить акценты реальности, а потому должны в значительной степени воспроизвести сильную эмоциональную идентификацию с персоналом социализации, которая характерна для раннего детства" [1, с. 254]. Но в тоже время процессы ресоциализации отличаются от первичной социализации, "так как не начинаются *ex nihilo*, и в результате этого должны считаться с проблемой демонтажа, разрушения предшествующей номической структуры субъективной реальности" [1, с. 255].

Можно зафиксировать, что, по мнению этих исследователей, ресоциализация – это процесс сходный с первичной социализацией, только начинается он не с нуля, как первичная социализация, а в условиях, когда у индивида, который ресоциализируется, уже есть система ценностей, представлений о мире, своей роли в обществе и так далее. То есть в процессе ресоциализации сначала разрушаются уже существующие конструкты в сознании индивида, и уже потом на этом зачищенном поле начинается построение новой социализационной системы. Тут мы видим явное отличие от вторичной социализации, которая полностью базируется на имеющейся системе и только привносит отдельные изменения в эту систему, не претендуя на кардинальные изменения в сознании социализируемого индивида здесь и сейчас.

Еще одно направление понимания ресоциализации представлено большим количеством авторов, которое было, на наш взгляд, хорошо обобщено Е. М. Лемищак в статье "Интеграционный подход к определению термина "ресоциализация"": "Категорию "ресоциализация" можно определить как коррекционный процесс, на каждом этапе которого соответствующими субъектами (учреждениями, организациями, предприятиями, общественными формированиями) осуществляются целенаправленные меры (организационно-правового, педагогического, психологического, медицинского характера) для возвращения девианта в систему выработанных обществом ценностей и/или привития ему морально-ценностных установок, что в итоге приводит к осознанной добровольной правопослушности и восстановлению в социуме как полноценной личности" [8].

В рамках такого подхода подразумевается, что по тем или иным причинам ресоциализируемый индивид выпал из системы нормальных социальных отношений и за счет этого у него сформированная система ценностей, не совместимая с системой ценностей общества, в которое ему по тем или иным причинам необходимо вернуться. Поэтому для успешного возвращения такого индивида обратно в общество его необходимо заново социализировать, причем это будет процесс похожий на первичную социализацию, потому что индивида придется практически заново обучать тем вещам, которые для обычных членов общества являются давно пройденным материалом. Эту связь ресоциализации и социализации (в нашей интерпретации первичной социализации) отмечают и другие авторы. С. Ю. Зязин отмечает, что "термины "социализация" и "ресоциализация" используются для описания процессов, в ходе которых индивид обучается соблюдению социальных норм, правил поведения" [4]. Но даже в этом случае он определяет кардинальное отличие этих двух феноменов: "социализация не содержит элементов принуждения либо воздействия против воли самого человека, ресоциализация же носит всегда вынужденный характер" [4].

Рассмотрев представленные выше подходы, можно прийти к выводу, что ставить знак равенства между вторичной социализацией и ресоциализацией некорректно, так как это процессы в чем-то похожие, но по сути имеющие разную природу. Если вторичная социализация – это постепенное изменение элементов в системе социальных конструктов человека, то ресоциализация – это по большому счету первичная социализация, которая, однако, происходит в условиях, когда у социализируемого индивида уже существуют социализационные конструкты. Как пишет Н. В. Якса: "Ресоциализация ... предполагает повторное, более быстрое, во временном и психологическом аспектах, возвращение человеком утраченных навыков функционирования в социуме и ориентирует на возрождение тех частей социального или личност-

ного опыта, востребованность в которых ощущается на всех уровнях человеческого бытия" [13].

В связи с этим нам кажется, что наиболее правильное понимание термина "ресоциализация" заключается в рамках последнего рассмотренного подхода, который подразумевает, что когда-то ресоциализируемый индивид прошел нормальную первичную социализацию в обществе, но потом по каким-то причинам начал реализовывать, например, девиантную линию поведения в этом обществе и за счет этого выпал из нормальных общественных процессов. Поэтому для возвращения этого индивида к нормальной жизни в обществе его необходимо снова социализировать. В этом, по нашему мнению, и заключается процесс ресоциализации. Таким образом, можно констатировать, что ресоциализация и вторичная социализация различные социальные процессы, так как и в их основе лежат разные механизмы формирования социализационных конструктов в сознании человека.

Продолжим нашу работу анализом феномена "альтернатива". Термин "альтернатива" был представлен П. Бергером и Т. Лукманом в их книге "Социальное конструирование реальности". По их мнению, альтернатива является примером "крайнего случая, чуть ли не тотальной трансформации, когда индивид "переключается" с одного мира на другой" [1, с. 254]. То есть альтернатива представляет собой полностью изменения всей структуры социализационных конструктов в социальной системе человека.

По мнению П. Бергера и Т. Лукмана "альтернатива требует процесса ресоциализации" [1, с. 254]. Поэтому то, что мы писали выше относительно ресоциализации (с точки зрения П. Бергера и Т. Лукмана), верно и для альтернативы. Поэтому для альтернативы критически важен отказ индивида от его предыдущей системы воззрений, только в этом случае альтернатива произойдет максимально полно. Сами П. Бергер и Т. Лукман, в случае с альтернативой, приводили пример религиозного обращения, когда адепт, отказавшись об любого общения с прошлым миром, переходит в новую общину и начинает жить по-новому, отказавшись от старой мировоззренческой парадигмы.

Из современных авторов относительно альтернативы можно привести точку зрения А. Н. Тесленко: "Это своего рода социализация, в ходе которой усваиваются значения альтернативных областей конечных значений – альтернатива... Альтернативу нужно понять как модифицированную социализацию. Если первичная социализация есть процесс формирования личности, то альтернатива – это трансформация, т.е. уже усвоенные значения должны быть переосмыслены исходя из требований актуальной социальной жизни" [10].

До развала Советского Союза население в этом государстве социализировалось определенным образом, на основах так называемого социалистического строя. Такой строй подразумевал отсутствие наемных работников и владельцев предприятий, отсутствие частной собственности (в западном ее понимании), социальные гарантии, практически бесплатное пользование социальными благами и так далее. С момента начала "Перестройки" в советском обществе начались энтропийные процессы, которые завершились кардинальной ломкой существующей социальной системы. На наш взгляд, в этот период в российском обществе (рассматривать будем пример только России) как раз и начались процессы альтернативы, главной целью которых было перестроить жителей России, социализировать их в ключе появляющегося капиталистического строя.

Тут мы подходим к главной проблеме альтернативы – ее относительно безболезненное протекание возможно только в условиях, когда ломка уже существующего мира должна сопровождаться быстрым формированием нового мира, который является целью альтернативы. В ином случае как отдельные люди, так и целые общества могут входить в зону кризиса, который может закончиться для них критически. Например, как показала "Перестройка", большому количеству людей, во всяком случае в России, было сложно быстро изменить векторы своего духовного, социального и личностного развития. Быстрый переход привел к разрушению одной реальности, но не обязательно к быстрому формированию новой реальности. В результате индивиды как бы оказались в "подвешенном" состоянии: уже оторванными от одной реальности, но еще не в сформировавшейся новой.

Хотя некоторые исследователи отождествляют вторичную социализацию и альтернатию и считают, что некоторые феномены возникают "в процессе особого типа вторичной социализации, которую Питер Бергер и Томас Лукман определили как альтернатию" [9], по нашему мнению, принципиальное отличие вторичной социализации от альтернативы заключается в том, что вторичная социализация в своей основе имеет мягкое, постепенное изменение реальностей в сознании членов общества, один "подмир" меняется на другой. Плавность перехода от одних "подмиров" к другим, от одной реальности к другой позволяет избежать стрессового сценария, при котором как часть общества, так и отдельные индивиды просто не успевают приспособиться к изменившимся условиям социальной реальности, что ведет к деструктивным последствиям.

По нашему мнению, на примере Китая можно увидеть такой плавный перевод миропонимания населения из одного положения, если не кардинально в другое, то, во всяком случае, значительно от него отличающееся. После смерти Мао Цзэдуна в Китае начались модернизационные процессы, направленные на привнесение в целом коммунистическое общество капиталистических элементов. Но так как это происходило плавно и постепенно, такой процесс не повлек за собой дезориентационных последствий для общества, не было резкой ломки существующего порядка, поэтому китайское общество не заметило этих изменений, а вследствие этого не произошло болезненных реакций на эти изменения. И в то время пока Россия мучительно перестраивалась в рамках новой мировоззренческой парадигмы, Китай поступательно двигался вперед, стремительно развиваясь.

Завершая статью, мы можем констатировать, что вторичная социализация – самостоятельный социальный процесс, не являющийся аналогом ресоциализации или альтернативы. Во-первых, в основе феноменов ресоциализации и альтернативы лежит деструктивная составляющая. В рамках этих двух явлений, прежде чем начинается построение новых социализационных конструктов, сначала происходит разрушение старой социализационной системы. Наличие у этих двух явлений (ресоциализации и альтернативы) деструктивного бэкграунда говорит о том, что отождествляться с вторичной социализацией они не могут.

Во-вторых, ресоциализация и альтернатива подразумевают в том или ином виде выход индивида из жизни общества. Конечно, в каждом из случаев есть свои нюансы. Ресоциализация подразумевает отход от полноценной жизни в обществе чаще всего по причинам девиантологического характера, альтернатива – добровольный отказ от прежних связей с обществом и построение новой системы взаимоотношений. В случае же вторичной социализации разрыва между индивидом и обществом не происходит. Все изменения происходят с человеком в рамках его полноценной жизни в обществе, вторичная социализация в своем процессе не подразумевает никакого дистанцирования индивида от социума, в котором он существует.

Таким образом, можно говорить о том, что вторичная социализация – это самостоятельный социальный процесс, между которым и ресоциализацией или альтернативой не может ставиться знак равенства. По каким-то отдельным признакам вторичная социализация сходна и с ресоциализацией и с альтернативой, но, по сути, она не может с ними отождествляться. Результаты нашего исследования могут быть полезны для развития теоретической и практической социологии, направленной как на изучение вторичной социализации, так ресоциализации и альтернативы.

Литература

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии сознания. М: "Медиум", 1995. 232 с.
2. Захаркин Р. А. Вторичная социализация как один из базисных социальных процессов в современном обществе // Теория и практика общественного развития. 2018. № 1. С. 9–14.
3. Зязин С. Ю. Социализация и ресоциализация: к вопросу соотношения понятий // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. 2018. № 5(24). С. 1–4.

4. Клевцова Н. А., Чеснокова Е. В. Альтернатива как механизм трансформации субъективной реальности ресоциализирующейся личности // Вестник ТГУ. 2011. № 3 (95). С. 121–123.
5. Ковалева А. И., Перинская Н. А. Ресоциализация // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 1. С. 297–300.
6. Костин Р. А., Климанова А. Е. Вторичная социализация: понятие, проблемы и тенденции развития // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2011. № 3 (9). С. 47–58.
7. Кравченко А. И., Анулин В. Ф. Социология. СПб.: Питер, 2008. 432 с.
8. Лемещак Е. М. Интеграционный подход к определению термина "ресоциализация" // Балтийский гуманитарный журнал. 2014. № 2. С. 24–27.
9. Тендит К. Н. Социальные аспекты культовой реальности // Вестник Московского государственного областного университета. 2010. № 4–5. С. 101–107.
10. Тесленко А. Н. Реализация прав ребенка как альтернатива детства в современном обществе // Право и государство. 2016. № 4 (73). С. 108–114.
11. Энциклопедия молодежи: энцикл. словарь/ РАН, Ин-т соц.-полит. исслед. [и др.]. М.: Academia, 2008. 606 с.
12. Шевелева Н. В., Попов Г. Н. Ресоциализация семей с детьми, перенесших насилие, как актуальная педагогическая проблема // Успехи современной науки и образования. 2018. № 4. С. 55–55.
13. Якса Н. В. Социальный опыт как составляющая социализации личности // Научный вестник Крыма. 2018. № 1 (12). С. 1–7.
14. Янцен М. А. Специфика и проблемы вторичной социализации пожилых людей в процессе социального обслуживания // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. № 1. С. 43–46.
15. Frønes I. The Autonomous Child: Theorizing Socialization. Springer International Publishing, 2016. 199 p.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 система Б

1. Berger P., Lukman T. Sotsial'noe konstruirovanie real'nosti: traktat po sotsiologii soznaniya. M: "Medium", 1995. 232 s.
2. Zakharkin R. A. Vtorichnaya sotsializatsiya kak odin iz bazisnykh sotsial'nykh protsessov v sovremennom obshhestve // Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya. 2018. № 1. S. 9–14.
3. Zyazin S. YU. Sotsializatsiya i resotsializatsiya: k voprosu sootnosheniya ponyatiy // Rossijskaya nauka i obrazovanie segodnya: problemy i perspektivy. 2018. № 5(24). S. 1–4.
4. Klevtsova N. A., Chesnokova E. V. Al'ternatsiya kak mekhanizm transformatsii sub'ektivnoj real'nosti resotsializiruyushhejsya lichnosti // Vestnik TGU. 2011. № 3 (95). S. 121–123.
5. Kovaleva A. I., Perinskaya N. A. Resotsializatsiya // Znanie. Pnimanie. Umenie. 2016. № 1. S. 297–300.
6. Kostin R. A., Klimanova A. E. Vtorichnaya sotsializatsiya: ponyatie, problemy i tendentsii razvitiya // Teoriya i praktika servisa: ehkonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii. 2011. № 3 (9). S. 47–58.
7. Kravchenko A. I., Anurin V. F. Sotsiologiya. SPb.: Piter, 2008. 432 s.
8. Lemishhak E. M. Integratsionnyj podkhod k opredeleniyu termina "resotsializatsiya" // Baltijskij gumanitarnyj zhurnal. 2014. № 2. S. 24–27.
9. Tendit K. N. Sotsial'nye aspekty kul'tovoj real'nosti // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. 2010. № 4–5. S. 101–107.
10. Teslenko A. N. Realizatsiya prav rebenka kak al'ternatsiya detstva v sovremennom obshhestve // Pravo i gosudarstvo. 2016. № 4 (73). S. 108–114.
11. EHntsiklopediya molodezhi: ehntsikl. slovar'/ RAN, In-t sots.-polit. issled. [i dr.]. M.: Academia, 2008. 606 s.
12. Sheveleva N. V., Popov G. N. Resotsializatsiya semej s det'mi, perenesshikh nasilie, kak aktual'naya pedagogicheskaya problema // Uspekhi sovremennoj nauki i obrazovaniya. 2018. № 4. S. 55–55.
13. Yaksa N. V. Sotsial'nyj opyt kak sostavlyayushhaya sotsializatsii lichnosti // Nauchnyj vestnik Kryma. 2018. № 1 (12). S. 1–7.
14. Yantsen M. A. Spetsifika i problemy vtorichnoj sotsializatsii pozhilykh lyudej v protsesse sotsial'nogo obsluzhivaniya // Obshhestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika. 2017. № 1. S. 43–46.
15. Frønes I. The Autonomous Child: Theorizing Socialization. Springer International Publishing, 2016. 199 r.

Захаркин Р. А. Исследование проблемы отождествления вторичной социализации с такими социальными процессами, как ресоциализация и альтернатива.

Статья посвящена изучению проблемы отождествления вторичной социализации с другими социальными процессами. Автор на примере сопоставления вторичной социализации, ресоциализации и альтернативы доказывает, что вторичная социализация – самостоятельный социальный процесс, который не является аналогом указанных выше двух социальных процессов. В статье рассматриваются феномены вторичной социализации, ресоциализации и альтернативы, дается сравнительная характеристика этих явлений. Анализ делается как на основе изучения труда классиков социологической мысли П. Бергера и Т. Лукмана "Социальное конструирование реальности", так и исследований современных отечественных и зарубежных исследователей.

Ключевые слова: *вторичная социализация, ресоциализация, альтернатива, П. Бергер, Т. Лукман, "Социальное конструирование реальности"*

Zakharkin R. A. The problem of correlating secondary socialization with such social processes as resocialization and alternation.

The article is devoted to the study of the problems of identifying secondary socialization with other social processes. The author, in the case of a comparison of secondary socialization, resocialization and alternation, proves that secondary socialization is an independent social process that it is not analogous to the mentioned above two other social processes. The article discusses the phenomena of secondary socialization, resocialization and alternation, gives a comparative description of these phenomena. The analysis is done on the study of the work of the sociological classics P. Berger and T. Luckmann "The Social Construction of Reality", and the studies of contemporary domestic and foreign researchers.

Key words: *secondary socialization, resocialization, alternation, P. Berger, T. Luckmann, "The Social Construction of Reality"*

Для цитирования: Захаркин Р. А. Исследование проблемы отождествления вторичной социализации с такими социальными процессами, как ресоциализация и альтернатива // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 3. С. 111–118. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-3/111-118

For citation: Zakharkin R. A. The problem of correlating secondary socialization with such social processes as resocialization and alternation // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 3. P. 111–118. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-3/111-118

Совершенствование федеративных отношений в России в контексте национальной и региональной политики

Постановка проблемы

Одна из атрибутивных характеристик и основ конституционного строя России – федеративная форма политико-территориального устройства. В современном мире до сих пор, если учитывать общее количество государств, она не является существенно распространенной. Вместе с тем мы можем наблюдать феномены международной активности субрегиональных территориальных структур (образований), трансграничного сотрудничества, прежде всего в рамках европейской интеграции [4, с. 10, 12], регионализации унитарных государств, сопровождающейся децентрализацией управленческих функций на основе субсидиарности. Для федерализма как принципа территориальной организации и государственного управления субсидиарность ещё более органична по его природе. Кроме того, федерализм справедливо трактуется как важный способ урегулирования этнополитических противоречий и гармонизации этнополитических отношений в целом. Особенно это применимо к государствам, отличающимся сочетанием специфических социокультурных и пространственно-территориальных параметров – многоэтничностью и многоконфессиональностью населения, значительными размерами, протяженностью границ, обширностью субъектного состава с той или иной степенью асимметрии. В России они выражены весьма отчётливо, и представляется, что сопряжение федеративной политики с национальной и региональной (политикой регионального и пространственного развития) безусловно необходимо. Отметим, что такая взаимосвязь отражалась уже в довольно ранних документах, например, в Основных положениях региональной политики 1996 г. Здесь, в частности, употреблялось выражение "региональная политика в области национально-этнических отношений", ориентированная, помимо прочего, на формирование модели федеративного устройства, "отвечающей современным социально-экономическим и политическим реалиям и историческому опыту России" [11].

В анализе исследуемой корреляции следует, на наш взгляд, учитывать также специфику политической мотивации. Неслучайно встречаются интерпретации федерализма в русле "инструментальной" модели как функциональной формы отношений внутри администрации, тактической и временной уступки этническим элитам [18, с. 54–81].

На протяжении всей постсоветской эпохи вопросы совершенствования названных сфер государственной политики находились в увязке с процессом трансформации общества и государства в ракурсе переплетения внутренних и внешних тенденций, выступая константой и нередко – доминантой кон-

© Бахлов И. В., Бахлова О. В., 2019

БАХЛОВ Игорь Владимирович, д-р полит. наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (г. Саранск). **E-mail:** bahlov@mail.ru

БАХЛОВА Ольга Владимировна, д-р полит. наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (г. Саранск). **E-mail:** olga.bahlova@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ, проект № 19-011-31009 "Профессиональная экспертиза в области государственной национальной и региональной политики и совершенствование механизмов оценки эффективности территориального управления"

цептуальных допущений и дискурсивных практик политических акторов. Образовались устойчивые, хотя и не бесспорные акцентирующие их смысловые конструкции, порой противоречивые: "аномалии развития российского федерализма", "федерация без федерализма", "квази-федерализм", "унитарная федерация", "фантомный федерализм", "новый федерализм", "реальный федерализм" и пр. [см. напр., 3]. Нередко утверждается, что практика центрально-региональных отношений в России не соответствует классическим моделям федерализма, фиксируются переход к реализации стратегии "варягов", сокращение ресурсной и институциональной автономии губернаторов [16; 17; 19] и т. п. В официальном же дискурсе сложилась фактически презумпция властной вертикали, базирующаяся на идее "сильного государства", закрепившаяся в начале новой эпохи на рубеже 1990-х – 2000-х гг.

Сегодняшний мир и сегодняшняя Россия развиваются под влиянием изменившихся факторов. Уже нет безоговорочной приверженности "либеральной демократии" и абсолютного превосходства "коллективного Запада", при том, что манипулирование ценностными категориями и попытки продвинуть некую универсальную модель стали привычными и обыденными. Размывается грань между внутренними и внешними процессами. Продолжается перераспределение статусов, сил, влияния, происходит переосмысление устоявшихся прежде моделей и алгоритмов поведения, союзов и механизмов реагирования на вызовы и угрозы, многие из которых транснационального происхождения. Космополитизму бросает вызов традиционализм, выдвигаются и реализуются различные интеграционные проекты и одновременно проявляются новые линии конфронтации и фрагментации. На внешние опасности накладываются внутренние уязвимости (социальная стратификация, межрегиональное неравенство, внутрирегиональные различия и пр.). По нашему мнению, на этом фоне, несмотря на преодоление регионального "нигилизма" 1990-х гг. и относительную стабилизацию этноконфессиональной ситуации, рискованная составляющая в области федеративных отношений, регионального и пространственного развития России по-прежнему актуальна.

Цель нашего исследования – показать отражение обозначенной взаимосвязи в дискурсе власти и нормативных документах текущего политического цикла с учётом особенностей внутренней и внешней среды. Данный цикл соотносится с двумя масштабными федеральными кампаниями – выборами в Государственную Думу VII созыва и Президента РФ в 2018 г., протекавшими в новых геополитических и социально-экономических реалиях, на которые их участники были вынуждены оперативно реагировать, формулируя приоритетные цели, задачи и механизмы их практического осуществления.

Дискурс власти и нормативные документы

Принципиальным для позиции власти "срезом" дискурса можно признать послания Президента РФ Федеральному Собранию. Его смысловые константы в рамках анализируемого цикла – это производные от ключевого понятия "развитие" – "повестка развития", "успешное развитие", "прорывное развитие", "динамика развития", "решительный прорыв", "долгосрочный рост", "созидательная мощь" и т. п. Одновременно подчёркивается специфика момента как рубежного, поворотного и т.д. Соответственно этим ориентирам намечаются цели и задачи в русле национальных проектов.

Здесь обнаруживается несколько нюансов. Во-первых, формулируются общие сюжеты о развитии страны, раскрываемые в упомянутых или подобных категориях и терминах, притом в их интерпретации наблюдается отсылка и к внешнему измерению. Типичны указания на озабоченность по поводу возникновения в мире "новых разломов и конфликтов на политической, национальной, религиозной, социальной почве". Во-вторых, территориальные вопросы рассматриваются в прагматичном ключе и на основе комплексного подхода: например, с акцентом на проблемы санитарной авиации Сибири, Севера, Дальнего Востока, поддержки регионов по реализации программ создания новых мест в общеобразовательных организациях, благоустройства и т.п., разработки программ сбережения уникальных природных символов России (Волга, Байкал, Алтай) [7].

Одна из примечательных центральных инициатив власти – масштабная программа пространственного развития России, также в увязке с решени-

ем проблем в сфере здравоохранения, образования, экологии, транспорта. Артикулируется тема инфраструктуры, в том числе применительно к развитию сельских территорий, русской Арктики, регионов Дальнего Востока. Ещё один значимый аспект – призыв к укреплению общего пространства просвещения и культуры, поддержке проектов, связанных с краеведением, народным творчеством, сохранением исторического наследия народов страны [8; 9].

Аналогично воплощается и корреляция изучаемых сфер. Так, совершенствование федеративных отношений фактически увязывается с повышением самостоятельности регионов в определении приоритетов использования федеральных субсидий на поддержку агропромышленного комплекса и одновременным акцентом на повышении их ответственности за результаты и эффективное вложение полученных ресурсов. Вообще тема эффективности территориального управления в современном официальном дискурсе является одной из сквозных. Иллюстрирующие её выражения – "качество работы региональных команд", "лучшие региональные практики". Отметим концентрацию на местном уровне, "на земле", где "реализуется основной массив конкретных задач". Ему соответствует трактовка проектов развития не как федеральных или ведомственных, а как именно национальных, результаты которых "должны быть видны в каждом субъекте Федерации, в каждом муниципалитете" [8; 9].

Обобщающий образ России в исследуемом контексте – "огромная многонациональная страна со сложным федеративным устройством, с многообразием культур, с памятью об исторических разломах и труднейших испытаниях, которые выпали на ее долю" [8].

Резюмируя, можно утверждать, что исследуемая нами проблематика интерпретируется в официальном дискурсе в системе общих координат построения и функционирования российского государства в его внутреннем и внешнем измерениях. Очевидно ослабление внимания к вопросам политико-территориального устройства, совершенствования федерализма, центрально-региональных отношений как самостоятельным, но это объяснимо прохождением соответствующего пика в начале 2000-х гг., когда властью были решены наиболее срочные задачи. Явная тенденция – прагматизация позиции высшего политического руководства. Отметим, что налицо также значительное совпадение её содержания и расстановки приоритетов с дискурсивными практиками ведущих политических партий РФ, хотя здесь скорее надо говорить об обратном взаимовлиянии ввиду специфики политической системы РФ. Исследование партийной программтики показывает, что даже партии "системной оппозиции" демонстрируют лояльность многим заявленным инициативам власти [2].

Подобный консенсус в среде политической элиты благоприятствовал принятию нескольких ключевых документов в интересующей нас области, адаптированных к современной ситуации. Не вдаваясь в их подробный анализ, обозначим некоторые пункты, акцентирующие взаимосвязь федерализма, национальной и региональной политики.

Примечательна в этом плане обновленная Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. [13]. Её содержание буквально пронизано осознанием подобной взаимосвязи. Сам документ, как здесь подчёркивается, основывается на принципах демократического федеративного государства и носит комплексный межотраслевой социально ориентированный характер. Среди проблем в сфере межнациональных (межэтнических) и межрелигиозных отношений выявляются, в частности, гиперболизация региональных интересов и сепаратизм, развивающиеся в том числе вследствие целенаправленного вмешательства из-за рубежа; непреодоленные последствия межэтнических или этнотерриториальных конфликтов и противоречий в отдельных субъектах РФ; отток русского и русскоязычного населения из регионов Северного Кавказа, Сибири и Дальнего Востока. Дается высокая оценка принятия в Российскую Федерацию Республики Крым и образования в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя. Предлагается учитывать этнокультурный фактор при обеспечении сбалансированного, комплексного и системного развития субъектов РФ и муниципальных образований. В целом

Стратегия ориентирована на развитие духовного и гражданского единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации).

В текущий период продолжается работа по совершенствованию действующих федеральных законов ("О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации" (1999) [14] и др.) и программных документов федерального и регионального уровней. Предусматривается запуск новых проектов, осуществление которых будет содействовать региональному развитию. В то же время нормативное регулирование сферы государственной национальной политики в сопряжении с поставленной проблемой, на наш взгляд, остаётся неполным. На анализируемый цикл приходится отказ законодателя от принятия резонансного законопроекта "О единстве российской нации и управлении межэтническими отношениями" (в том числе вследствие конфликта интересов между "русскими" и "национальными" регионами) и затягивание решения вопроса о судьбе законопроекта "Об основах государственной национальной политики" [1, с. 132–133].

В области государственной региональной политики также заметны существенные новации. Введено новое название – "государственная политика регионального развития", содержание которой определяется соответствующим документом [12]. Рассматриваемая взаимосвязь обнаруживается в ряде его положений. Так, федеративное устройство России и самостоятельное осуществление органами государственной власти субъектов РФ своих полномочий называется среди главных факторов и условий формирования и реализации государственной политики регионального развития. Её принципы предполагают, в частности, разграничение полномочий между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления на основе субсидиарности. Многие приоритетные задачи фиксируют направленность на совершенствование механизмов бюджетного федерализма, оптимизацию системы территориальных органов федеральных органов исполнительной власти и некоторых других.

Намеченную линию продолжает Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. [10]. Она ориентирована на обеспечение территориальной целостности, единства правового и экономического пространства Российской Федерации, учет этнокультурного фактора при обеспечении социально-экономического развития субъектов РФ, развитие сети историко-культурных заповедников, способствующей сохранению этнокультурной идентичности народов России и др. В Стратегии зафиксированы многие инициативы, прозвучавшие ранее в посланиях Президента и партийных документах (инфраструктурные проекты и пр.). Закреплена категория "геостратегические территории Российской Федерации", подразделяющиеся на "приоритетные геостратегические территории" (характеризующиеся эксклюзивным положением, расположенные на Северном Кавказе, Дальнем Востоке и входящие в Арктическую зону РФ), а также "приграничные геостратегические территории" (граничащие с Европейским союзом, Евразийским экономическим союзом и / или с другими странами). Представляется, что усиление межрегионального сотрудничества и координация социально-экономического развития субъектов РФ в рамках предусматриваемых Стратегией макрорегионов положительно скажутся на возрождении интереса к кооперативной модели федерализма. С другой стороны, создание макрорегионов потенциально допускает усложнение ярусности системы управления и структуры пространственной организации страны, а также уменьшение важности в социально-экономическом плане статуса собственно региона (субъекта РФ).

В законодательной плоскости работа профильных и ответственных комитетов обеих палат федерального парламента на исследуемых направлениях сосредоточена на рассмотрении законопроектов, затрагивающих аспекты развития отдельных российских регионов (Арктической зоны, Дальнего Востока). В их повестке на данный момент нет базовых (специальных) федеральных законов. В декабре 2017 г. был отклонён законопроект "Об основах государственного регулирования регионального развития в Российской Федерации" [6]. Однако стоит вспомнить, что прежними legislатурами было принято несколько важных федеральных законов также в корреляции с данными вопросами, например, "О стратегическом планировании в Российской Федерации" (2014) [15].

Касаясь непосредственно плоскости федеративных отношений, предположим, что законодатель во многом убежден в сформированности их необходимых нормативных основ. Действительно, огромная работа была проделана преимущественно в период с 2000 по 2008 гг. Было восстановлено единство политико-правового пространства Российской Федерации, упорядочены центрально-региональные отношения, инструментарий бюджетного федерализма. В рамках текущего этапа внимание власти сосредоточено больше на обеспечении скоординированности различных направлений и сфер, без инициирования кардинальных перемен в федеративном устройстве.

Заключение

С определенной степенью вероятности можно говорить о возможном появлении скорее в среднесрочной, нежели краткосрочной перспективе предложений федеральной власти по частичной коррекции институтов российского федерализма, не затрагивающих фундаментальных принципов и основ. Если исходить из логики и трендов реформ начала 2000-х гг., в первую очередь они могут быть связаны с дальнейшими изменениями в субъектном составе РФ за счёт нового укрупнения. Однако поле для манёвра здесь очень невелико, к тому же обнаружались негативные последствия проведённого ранее укрупнения – как для элит регионов, утративших федеративную правосубъектность, так и для их населения. Так, отечественные авторы выявляют складывание "дискурса обманутых надежд" в ликвидированных автономиях [5]. Вряд ли центр будет посягать на статус национально-государственных образований: это может быть сопряжено с более ощутимыми социально-политическими и этноконфессиональными рисками, нежели с ожидаемыми экономическими преимуществами и выгодами. На наш взгляд, стоит ещё просчитать траектории перехода к взаимодействию субъектов РФ в рамках макрорегионов и предусмотреть необходимые компенсаторные и стимулирующие механизмы в этой области.

Думается, среди главных приоритетов федерального центра на ближайшее будущее будет находиться повышение эффективности и ответственности управляющих субъектов разного уровня благодаря оценочным, бюджетным и прочим инструментам воздействия. Это направление также может рассматриваться в контексте совершенствования федеративных отношений по вертикали и горизонтали, поскольку содержит предпосылки гармонизации взаимодействия региональных властей и населения и оптимизации конкурентоспособности самих регионов в пространстве Федерации.

Литература

1. Бахлов И. В., Бахлова О. В. Правовая политика РФ в области нацестроительства: направления и результаты деятельности парламентских комитетов // Сравнительный федерализм. Ежегодник-2018: Сборник научных трудов / Под ред. А. Д. Гулякова, А. Ю. Саломатина, А. В. Малько. Пенза: Пензенский государственный университет, 2018. С. 125–133.
2. Бахлов И. В., Бахлова О. В. Региональная политика как компонент стратегии пространственного развития России: позиции парламентских партий // Социально-политические науки. 2018. № 2. С. 45–49.
3. Курлевский И. В. Модернизация государства и территориального устройства России в официальном и партийном дискурсе. Саранск: [б. и.], 2014. 159 с.
4. Лебедева М. М. Трансформация роли городов и внутригосударственных регионов в мировой политике // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 1. С. 7–16. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-1/7-16
5. Окунев И. Ю., Осколков П. В., Тисленко М. И. Объединение регионов Российской Федерации: институциональные и социальные последствия // Полис. Политические исследования. 2018. № 2. С. 8–28. DOI: 10.17976/jpps/2018.02.02
6. Паспорт проекта Федерального закона 18259-З "Об основах государственного регулирования регионального развития в Российской Федерации" // СПС КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.06.2019).
7. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.12.2016 // СПС КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.06.2019).

8. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.03.2018 // СПС КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.06.2019).
9. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 20.02.2019 // СПС КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.06.2019).
10. Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р "Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года" // СПС КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.06.2019).
11. Указ Президента РФ от 03.06.1996 № 803 "Об Основных положениях региональной политики в Российской Федерации" (утратил силу) // СПС КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.06.2019).
12. Указ Президента РФ от 16.01.2017 № 13 "Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года" // СПС КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.06.2019).
13. Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 (ред. от 06.12.2018) "О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года" // СПС КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.06.2019).
14. Федеральный закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ "О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации" (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.06.2019).
15. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ "О стратегическом планировании в Российской Федерации" (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.06.2019).
16. Шкель С. Н. Бастионы традиции: этнический фактор и политические машины в регионах России // Полис. Политические исследования. 2019. № 1. С. 49–70. DOI: 10.17976/jpps/2019.01.05
17. Busygina I. How Does Russian Federalism Work? Looking at Internal Borders in the Russian Federation // Journal of Borderlands Studies. 2017. Vol. 32(1). P. 105–119. DOI: 10.1080/08865655.2016.1197790
18. Heinemann-Grueder A. Federal discourses, minority rights, and conflict transformation // Federalism and Local Politics in Russia / C. Ross., A. Campbell (eds). London; New York: Routledge, 2009. P. 54–81.
19. Moses J. Russian Center-Periphery Relations from Khrushchev to Putin, 1957–2018 // Demokratizatsiya. 2019. Vol. 27(2). P. 215–236.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 система Б

1. Bakhlov I. V., Bakhlova O. V. Pravovaya politika RF v oblasti natsiestroitel'-stva: napravleniya i rezul'taty deyatel'nosti parlamentskikh komitetov // Sravnitel'nyj federalizm. Ezhegodnik-2018: Sbornik nauchnykh trudov / Pod red. A. D. Gulyakova, A. YU. Salomatina, A. V. Mal'ko. Penza: Penzenskij gosudarstvennyj universitet, 2018. S. 125–133.
2. Bakhlov I. V., Bakhlova O. V. Regional'naya politika kak komponent strategii prostranstvennogo razvitiya Rossii: pozitsii parlamentskikh partij // Sotsial'no-politicheskie nauki. 2018. № 2. S. 45–49.
3. Kurlevskij I. V. Modernizatsiya gosudarstva i territorial'nogo ustrojstva Rossii v ofitsial'nom i partijnom diskurse. Saransk: [b. i.], 2014. 159 s.
4. Lebedeva M. M. Transformatsiya roli gorodov i vnutrigosudarstvennykh regionov v mirovoj politike // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2019. № 1. S. 7–16. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-1/7-16
5. Okunev I. YU., Oskolkov P. V., Tislenko M. I. Ob"edinenie regionov Rossijskoj Federatsii: institutsional'nye i sotsial'nye posledstviya // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2018. № 2. S. 8–28. DOI: 10.17976/jpps/2018.02.02
6. Paspport proekta Federal'nogo zakona 18259-Z "Ob osnovakh gosudarstvennogo regulirovaniya regional'nogo razvitiya v Rossijskoj Federatsii" // SPS Konsul'tantPlyus. [EHlektronnyj resurs]. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.consultant.ru/> (data obrashheniya: 10.06.2019).
7. Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu ot 01.12.2016 // SPS Konsul'tantPlyus. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.consultant.ru/> (data obrashheniya: 10.06.2019).
8. Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu ot 01.03.2018 // SPS Konsul'tantPlyus. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.consultant.ru/> (data obrashheniya: 10.06.2019).

9. Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu ot 20.02.2019 // SPS Konsul'tantPlyus. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.consultant.ru/> (data obrashheniya: 10.06.2019).
10. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 13.02.2019 № 207-r "Ob utverzhdenii Strategii prostranstvennogo razvitiya Rossijskoj Federatsii na period do 2025 goda" // SPS Konsul'tantPlyus. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.consultant.ru/> (data obrashheniya: 10.06.2019).
11. Ukaz Prezidenta RF ot 03.06.1996 № 803 "Ob Osnovnykh polozheniyakh regional'noj politiki v Rossijskoj Federatsii" (utratil silu) // SPS Konsul'tantPlyus. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.consultant.ru/> (data obrashheniya: 10.06.2019).
12. Ukaz Prezidenta RF ot 16.01.2017 № 13 "Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj politiki regional'nogo razvitiya Rossijskoj Federatsii na period do 2025 goda" // SPS Konsul'tantPlyus. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.consultant.ru/> (data obrashheniya: 10.06.2019).
13. Ukaz Prezidenta RF ot 19.12.2012 № 1666 (red. ot 06.12.2018) "O Strategii gosudarstvennoj natsional'noj politiki Rossijskoj Federatsii na period do 2025 goda" // SPS Konsul'tantPlyus. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.consultant.ru/> (data obrashheniya: 10.06.2019).
14. Federal'nyj zakon ot 30.04.1999 № 82-FZ "O garantiyakh prav korennykh malochislennykh narodov Rossijskoj Federatsii" (poslednyaya redaktsiya) // SPS Konsul'tantPlyus. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.consultant.ru/> (data obrashheniya: 10.06.2019).
15. Federal'nyj zakon ot 28.06.2014 № 172-FZ "O strategicheskom planirovanii v Rossijskoj Federatsii" (poslednyaya redaktsiya) // SPS Konsul'tantPlyus. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.consultant.ru/> (data obrashheniya: 10.06.2019).
16. SHkel' S. N. Bastiony traditsii: etnicheskij faktor i politicheskie mashiny v regionakh Rossii // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2019. № 1. S. 49–70. DOI: 10.17976/jpps/2019.01.05
17. Busygina I. How Does Russian Federalism Work? Looking at Internal Borders in the Russian Federation // *Journal of Borderlands Studies*. 2017. Vol. 32(1). P. 105–119. DOI: 10.1080/08865655.2016.1197790
18. Heinemann-Grueder A. Federal discourses, minority rights, and conflict transformation // *Federalism and Local Politics in Russia* / C. Ross., A. Campbell (eds). London; New York: Rutledge, 2009. P. 54–81.
19. Moses J. Russian Center-Periphery Relations from Khrushchev to Putin, 1957–2018 // *Demokratizatsiya*. 2019. Vol. 27(2). P. 215–236.

Бахлов И. В., Бахлова О. В. Совершенствование федеративных отношений в России в контексте национальной и региональной политики.

В статье исследуется проблема взаимосвязи сфер государственной политики России в плоскости федеративного устройства, регионального и пространственного развития. Поясняется корреляция их ориентиров и механизмов в политическом дискурсе и нормативных документах. Акцентируются особенности внутренней и внешней среды, побуждающие к тем или иным решениям. Определяются тенденции, характерные для текущего политического цикла, а также некоторые вероятные направления эволюции политики федерального центра. Выявляются ее прагматизация и приоритетность комплексного подхода в разных сферах.

Ключевые слова: *национальная политика, политико-территориальное устройство, региональная политика, пространственное развитие, региональное развитие, Российская Федерация, федерализм, федеративные отношения*

Bakhlov I. V., Bakhlova O. V. Improving Federal relations in Russia in the context of national and regional policies.

The article examines the problem of the relationship of the spheres of state policy of Russia in the plane of the federal structure, regional and spatial development. The correlation of their landmarks and mechanisms in political discourse and regulatory documents is explained. It emphasizes the features of the internal and external environment, prompting one or another solution. It identifies trends characteristic of the current political cycle, as well as some possible directions for the evolution of the policy of the federal center. Its pragmatization and the priority of an integrated approach in various fields are revealed.

Key words: *national policy, political-territorial structure, regional policy, spatial development, regional development, Russian Federation, federalism, federal relations*

Для цитирования: Бахлов И. В., Бахлова О. В. Совершенствование федеративных отношений в России в контексте национальной и региональной политики // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 3. С. 119–126. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-3/119-126

For citation: Bakhlov I. V., Bakhlova O. V. Improving Federal relations in Russia in the context of national and regional policies // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 3. P. 119–126. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-3/119-126

УДК 328.34

Антюшин Н. А.

Роль "верхних" палат в бикамеральных парламентах в укреплении парламентаризма в условиях обновления их состава (на примере России, Казахстана и Франции)

Распространение традиций представительной демократии выражается в укреплении роли национальных и региональных парламентов в странах, имеющих длительный опыт развития парламентаризма, а также не так давно взявших на вооружение в государственном строительстве реализацию его принципов. В академическом сообществе сохраняют актуальность дискуссии институционального и структурно-функционального характера о теории и практике парламентаризма. Для политической науки приобретает востребованность вопрос о весомости верхних палат парламентов для реализации принципов парламентаризма и эффективной реализации задач, стоящих перед законодательным органом, что связано с представлением о невысокой роли в структуре бикамеральных законотворческих учреждений. Периодические переходы от однопалатности к многопалатности свидетельствуют об отсутствии четкой позиции о значимости верхней палаты для политической системы государства.

В конце 2017 г. в 195 государствах мира, согласно статистике Межпарламентского союза, функционировало 78 бикамеральных (40,41 %) и 115 однопалатных (59,59 %) парламентов [9]. За последние несколько лет увеличилась доля однопалатных парламентов, хотя в XIX в. практически все существовавшие законодательные учреждения имели двухпалатную структуру. В связи с этим не уместно говорить о тренде бикамерализма, равно как и "волнах монокамерализма", хотя значение верхних палат в условиях разных типов парламентаризма является одним из направлений исследовательской деятельности [11, с. 48].

Первые обоснования потребности в функционировании верхних палат относятся к эпохе возникновения теории разделения властей. Потребность в таких палатах была обусловлена слабостью парламентов в системе сдержек и противовесов ввиду попадания представительных учреждений в зависимость от исполнительной власти или риска получения значительной части мандатов представителями правящей власти. Представителями либеральной традиции (Ж.-Ж. Руссо, И. Бентам, Б. Констан, Дж. Локк, Ш. Монтескье) бикамерализм рассматривался как один из институциональных механизмов обеспечения принципа разделения властей [17, с. 37]. Последователями американской традиции политической науки обосновывалась потребность в двухпалатной парламентской системе способностью членами верхней палаты более тщательно прорабатывать законотворческие акты, "удерживая систему от крайностей" [3, с. 7], разделяя деятельность палат, каждая из которых приобретала свою сферу ответственности [18, с. 27]. Дж. Мэдисон, предвидя возможность концентрации власти в законодательном органе, обосновывал необходимость наличия более консервативной палаты как альтернативного механизма защиты демократии от тирании большинства [10, с. 17].

Также важным аргументом в пользу выбора модели парламентского устройства выступил вопрос территориального устройства государства.

Считается, что многопалатная структура парламента наиболее типична для федеративных государств, а монокамеральная для унитарных или стран, переживающих нестабильный или переходный периоды [5, с. 103]. Однако значительная часть представительных учреждений Старого света развива-

лась от многопалатных к однопалатным парламентам. Палаты таких парламентов осуществляли взаимное сдерживание посредством права вето для предотвращения "всеомощества представительного учреждения".

Рядом исследователей было отмечено, что бикамеральная конструкция парламента естественна только для федеративных государств как органично вписываемая в традиции современных федераций [5, с. 100]. Институт бикамерализма теоретиками парламентаризма воспринимался как элемент парламентского права в условиях федеративного или децентрализованного государства.

В условиях федерализма двухпалатный парламент выступает институциональной основой гарантии прав и самостоятельности народов [4, с. 450]. Верхние палаты часто обеспечивают представительство регионов, а принцип партийности уходит на второй план. Нередко в монокамеральных парламентах практикуется формирование подпалат, ведущее к квазикамеральной модели парламентаризма, которая, по мнению сторонников данного варианта устройства учреждения, обеспечивает "самоконтроль" института.

Вторая палата в унитарных государствах может свидетельствовать о демократизме общества, стремлении представлять интересы групп, не институционализированных государственными образованиями [5, с. 10]. Однако при распространении в отдельных современных государствах неконституционных органов (консультативные органы, общественные институты) этот тезис теряет актуальность.

К аргументам в пользу функционирования вторых палат уместно отнести наличие у них особых процедур и полномочий: "разные палаты в парламенте должны отличаться по способам представительства" [1, с. 40]. При формировании верхних палат распространена практика делегирования регионом представителей; также применяется многоступенчатая система, предполагающая голосование и назначение кандидата после согласования с региональными институтами. Реже применяется прямое голосование.

Ряд исследователей уделяет внимание полному, перфектному бикамерализму, при котором обеспечивается равенство полномочий палат. В этом случае принцип равенства статусов служит для формального отказа деления "разработчиков" и "контролёров" законопроектов. В случае разногласий парламентариями создаётся согласительная комиссия для достижения компромисса. Ввиду редкости на практике данного феномена и тенденции к отказу от него (к примеру, Италия до 2016 г., где права и полномочия обеих палат были равны; советский Верховный Совет, равенство палат которого было подчеркнуто в Конституции 1977 г.) подвергнуть анализу парламенты, реализовавшие модель совершенного бикамерализма, невозможно [2, с. 10].

Полномочия верхних палат в обобщённом виде описываются в аналитических материалах Межпарламентского союза. Наиболее типичными являются право вето (отлагательное или вето на внесение изменений в законопроект), право выступления с законодательной инициативой, обсуждение бюджета. К контрольным полномочиям, встречающимся у многих верхних палат, относится возможность предложения рекомендаций правительству, а также вопрос о доверии его деятельности [9].

Преимуществами бикамеральной структуры парламентов являются возможность обеспечения большего представительства интересов граждан за счёт учёта специфики территориального фактора, более глубокой проработки политического решения [1, с. 41]. Внимание к территориальным особенностям выступает одним из свидетельств развитости гражданского общества. Однако это нередко подвергается сомнению ввиду наличия территориального представительства в государствах с условно демократическими и недемократическими режимами. В целом, верхняя палата рассматривается как собрание государственных деятелей, имеющих весомый политический или административный опыт.

К недостаткам бикамеральной модели законодательного органа уместно отнести увеличенные сроки рассмотрения вопросов, риск использования исполнительной властью верхней палаты в своих интересах, атрофирование института и его превращение в "место почётной отставки" политиков. Палата создаёт дополнительную нагрузку на бюджет и институционально нуждается в многочисленном административном аппарате. Она также склонна к риску

утраты функции представительства и безответственности представителя перед делегировавшим его регионом.

Различия в аргументах за и против институционализации двухпалатных парламентов для развития парламентаризма в XXI в. формируют потребность анализа функциональной роли верхних палат в бикамеральных учреждениях. Исследуемыми кейсами, критериями анализа в которых выступают нормативно определённые полномочия, правовой статус, способ избрания членов и функции палаты, будут рассмотрены примеры России, Казахстана и Франции. Выбор обозначенных стран обусловлен тем, что в 2017 г. в них существенно обновились составы палат, которые чаще именуют "верхними", а в региональных сообществах и среди национальных политических элит сохраняются дискуссии о необходимости их реформирования. Обновления палат в рассматриваемых странах отличались высокой медийностью, но вызвали разный интерес у внутренней (общество, неправительственный сектор, национальные наблюдатели) и внешней (международные наблюдатели) аудитории.

Автором собрана часть исследовательского материала посредством включённого наблюдения, реализованного в ходе совместной работы с международными наблюдателями от Миссии СНГ, наблюдавшей выборы в Сенат Республики Казахстан в июне 2017 г.

Российская парламентская система на разных этапах своей эволюции опиралась на монокамеральный и бикамеральный законодательный орган. Первый представительный институт, от которого берёт начало российский парламентаризм, появился в 1906 г. вследствие преобразования Государственного Совета Российской империи во вторую, более консервативную палату. Нижняя – Государственная Дума – была выборная и более типична для законосовещательного и представительного учреждения. Выбор двухпалатной структуры отвечал веяниям эпохи, когда бикамеральные парламенты были распространены в странах Старого света. Однако о реальной самостоятельности у парламента не было, хотя данный конституционный эксперимент некоторые исследователи признают удачным [8, с. 45]. Парламент не имел возможности участвовать в реализации внешнеполитического курса, хотя уже практиковались контакты с парламентариями других стран; в Межпарламентском Союзе была образована русская парламентская группа [16, с. 3–4]. С формированием парламентской традиции зарождается и практика наблюдения за выборами, хотя в то время она не выступала инструментом дополнительной легитимации обновления власти, а в условиях проведения выборов только в Государственную Думу процесс формирования верхней палаты в России практически не вызывал интереса.

После установления Советской власти бикамеральная структура представительного учреждения оказалась невостребованной, хотя в 1936 г. был сформирован двухпалатный Верховный Совет. Возвращение к формальным традициям парламентаризма в России было осуществлено в 1989 г. с появлением высшего органа государственной власти – Съезда народных депутатов [12, с. 255].

Процесс формирования верхней палаты парламента современной России и институционализация политической системы с бикамеральным законодательным учреждением осуществлялся остро и противоречиво. Вследствие противостояния исполнительной и законодательной ветвей власти на фоне конституционного кризиса 1993 г. Федеральное Собрание получило ряд контрольных полномочий, однако президент сохранял за собой рычаги воздействия на парламента и часть важных политических институтов.

Конституция РФ декларирует функционирование двухпалатного парламента с равным статусом палат по отношению друг к другу, в связи с чем терминологическое разделение на "верхнюю" и "нижнюю" выглядит некорректно. В исследовательском сообществе также существует скепсис в отношении адекватности применения в отношении членов Совета Федерации наименования "сенатор", так как в российской традиции сенат являлся органом исполнительной власти, подчинённым императору.

Согласно переходным положениям Конституции РФ, Совет Федерации первого созыва функционировал два года, формировался прямым путём и работал на непостоянной основе. Установление разных сроков и принципов

обновления палат Федерального Собрания отвечало принципу постепенной смены парламентариев и стабильности политического курса. Представительство регионов являлось позитивным аспектом укрепления начал парламентаризма и развития совершенного (полного) парламентаризма, однако центробежные процессы и перманентные конфликты по линии "центр-регионы", "власть-бизнес", а также национальных республик и федерального центра не способствовали качественной работе палаты. С 1995 г. изменился порядок формирования Совета, представительство в данной палате получали руководители законодательных и исполнительных органов власти по должности. Новая модель оказалась неэффективной из-за снижения демократичности процедуры формирования и функционирования института, а также распространённости практик лоббизма региональных интересов, не отвечавших интересам населения регионов в целом.

Возвращение регионов в "орбиту влияния" федерального центра осуществлялось путём выстраивания "вертикали власти" – комплекса административных реформ 2000–2002 годов. Вместо руководителя региона по квоте от исполнительной власти стал назначаться его представитель, от законодательной власти – представитель законодательного органа. Палата приобрела многоступенчатую систему формирования и функционирования на профессиональной основе, обеспечивая представительство интересов региона при сохранении устойчивой связи с федеральным центром.

Последовавшие в 2012 г. изменения в порядок формирования Совета Федерации были направлены на повышение статуса членов данной палаты, снижения степени их зависимости от региональных органов власти.

Дополнительными аргументами в пользу "консервативности" палаты российского парламента являются более высокие требования к кандидату в члены Совета Федерации, приведённые в сравнительной таблице. Поэтапное обновление состава палаты, состоящей из 170 членов, отвечает задаче сохранения преемственности деятельности её членов, позволяет вводить новых парламентариев в специфику работы. Средний возраст членов Совета Федерации выше, чем у депутатов, и составляет 57,7 лет, при этом значительная часть парламентариев, заседающих в данной палате, имеет внушительный опыт административной, экономической, общественной деятельности как на региональном, так и федеральном, а также международном уровнях.

Полномочия Совета Федерации за время существования Федерального Собрания значительно не изменились: палата по-прежнему рассматривается как фильтр законопроектов, прошедших обсуждение в Государственной Думе, при этом используется процедура "челночного" внесения правок в проект нормативного акта.

По сравнению с 1990-ми гг. объём противоречий между палатами снизился, а законопроекты к моменту готовности претерпевают значительные изменения, о чем можно сделать вывод на основании статистики.

В ходе работы Совета Федерации:

II созыва – подготовлено 1045 законопроектов, отклонён 441 (Советом Федерации – 141 документ – 13%, совместно с Президентом – 113, Президентом – 187 актов);

III созыва – из 781 подготовленных законопроектов Совет Федерации отклонил 61 документ – 7%, Президент – 31;

IV созыва – из 1087 законопроектов Советом Федерации отклонено 27 – 2%, Президентом – 7, Президентом и Советом Федерации – 3;

V созыва – из 1068 законопроектов Советом Федерации отклонено 19 – 1%, вместе с Президентом – 1;

VI созыва – из 2200 законопроектов Совет Федерации отклонил 23 – 1%, Президент отклонил один законопроект [15].

Согласно статистике законодательного процесса, за весь период своего функционирования Совет Федерации самостоятельно "отфильтровал" 271 документ из 6181 законопроектов, что не превышает 4%. Смена принципов формирования и роли данной палаты в системе российского парламентаризма вела к сокращению неконформизма и серьёзных противоречий с другой палатой и иными политическими институтами.

Автор склонен считать, что доля отфильтрованных Советом Федерации законопроектов, рассмотренных Государственной Думой, не составляет

значимой величины, но способствует дополнительной проверке актов, передаваемых на подпись президенту. Разграничение полномочий палат и, в определённом смысле, "специализация" способствуют самостоятельности парламента, в том числе в тех сферах, где использование традиционных инструментов затруднительно.

Конституция России содержит 24 статьи (17,5%), в которых отражены полномочия и место в политической системе Совета Федерации, из них 16 статей (11%) размещены в главе, посвящённой Федеральному Собранию. Палата имеет рычаги воздействия на президента за счёт назначения выборов и отрешения его от должности, хотя данная конституционная процедура достаточно сложна для реализации. Разделение между палатами контрольных полномочий в отношении нескольких ключевых политических институтов отвечает эффективности данной деятельности и препятствует чрезмерной концентрации власти в законодательном органе.

Во внешнеполитической деятельности наиболее типичными полномочиями парламента выступают ратификация международных договоров, участие в решении вопросов войны и мира, изменении границ. Как правило, верхние палаты имеют более широкие полномочия во внешнеполитической сфере. Наиболее сильные парламента имеют право "законодательной инициативы по вопросам международных отношений", назначения главы внешнеполитического ведомства, а также расследования и контроля в рамках данных полномочий [13, с. 139].

Специфическими видами деятельности Совета Федерации является реализация внешнеполитических задач и осуществление парламентской дипломатии. Автор считает, что существующая форма активности Совета Федерации и депутатов Государственной Думы помогают эффективно отстаивать и продвигать национальные интересы, имея свои преимущества перед инструментами традиционной дипломатии. Данная деятельность не только повышает значение парламента в иерархии институтов политической системы, но и формирует новые практики парламентаризма. Создание временных проблемных комиссий, результатами деятельности которых становятся конкретные предложения и рекомендации, используемые в государственных программах и концепциях средней и долгосрочной перспектив, позволяет говорить о том, что российский парламента допустимо отнести к группе институтов с сильной внешнеполитической ролью. Совет Федерации, реализуя внешнюю политику государства в рамках своих полномочий, дополняет субъектов внешнеполитической деятельности России, активно применяя механизмы "мягкой силы", в частности разнообразные формы нетрадиционной дипломатии (парламентская, культурная, спортивная и прочие).

В данном случае уместно особо выделить деятельность по международному наблюдению за электоральными процессами, в соответствии с которой российских парламентариев как экспертов приглашают для оценки избирательных кампаний на предмет их соответствия стандартам демократических выборов.

Ввиду неоднородности регионов по численности населения, отраслевой специфике и экономическому благосостоянию можно согласиться с некоторыми исследователями, выступающими за пересмотр принципов формирования Совета Федерации. Равное для всех субъектов федерации число представителей сейчас оценивается позитивно, однако квотирование числа представителей в зависимости от численности населения административной единицы, могло бы сделать палату репрезентативнее и снять часть нагрузки с законодателей. Вместе с тем Совет Федерации имеет ряд сходств в институциональном аспекте с Сенатом Казахстана, имеющим меньшую историю развития.

Парламент Республики Казахстан, состоящий из Мажилиса и Сената, также по Конституции не имеет деления на верхнюю и нижнюю палаты. Исследователи, склонные рассматривать годы существования Верховного Совета Казахстана как первые этапы встраивания парламента в политическую систему страны, отмечают, что властные институты строились с учётом рыночных отношений и политического опыта стран Западной Европы. Однако сложная экономическая ситуация, с которой столкнулась республика, как и многие постсоветские страны в 1990-е гг., растущий скепсис по отношению к эффективности рыночных преобразований вкупе с быстро назревающим

национальным вопросом поставили вопрос о необходимости консолидации общества и обеспечении межэтнического, межгруппового консенсуса. Конституцией, принятой на всенародном референдуме в 1995 г., был создан двухпалатный парламент. Вместе с консультативно-совещательным органом – Ассамблеей народов Казахстана – Сенат обеспечивает учёт региональных, национально-культурных интересов общества на государственном уровне. Единственным изменением, произошедшим в ходе эволюции Сената Казахстана, стало оформленное в 2007 г. поправкой в Конституцию увеличение корпуса представителей с 40 до 48 сенаторов.

Конституция Казахстана в 20 статьях (20%) определяет роль Сената в политической системе страны, из них 11 статей (11%) размещены в разделе, посвящённом парламенту. Хотя по сравнению с другими ветвями власти бикамеральному парламенту в Конституции отведено больше места, данный институт не обладает значительными полномочиями в политической системе страны.

Процесс формирования Сената с момента его образования не претерпел трансформаций. Посредством избрания косвенным путём двух представителей от каждой области, а также столицы и города республиканского значения обеспечивается баланс национального, социального и регионального многообразия сенаторов. Также 15 сенаторов назначаются президентом (до 2007 г. он назначал семь представителей). Помимо этого, бывшие президенты республики автоматически становятся пожизненными сенаторами.

Сенаторы от областей и городов проходят баллотировку через выборщиков, представляющих маслихаты. Вместе с тем проводится полноценная избирательная кампания: ведётся агитация, информируются избиратели, кандидатам предоставляется эфирное время и иные агитационные площадки, к процессу голосования приглашаются национальные и международные наблюдатели. Однако подобный подход формирования Сената критикуется как не обеспечивающий ответственности сенаторов перед избирателями: нормативная база не предусматривает ответственности избранника, наличие президентской квоты ослабляет самостоятельность политического института, акимы, назначаемые президентами, имеют влияние на депутатов маслихатов, формирующих группы выборщиков.

К казахским сенаторам предъявляются более высокие требования по сравнению с депутатами Мажилиса, что также сделано для представительства в данной палате более опытных и профессиональных деятелей. В отличие от России, средний возраст сенаторов Казахстана ниже и составляет 51,5 год, снизившись на три года с момента последнего обновления палаты. Специфической чертой и российской, и казахстанской палат, которые именуются как "верхние", является отказ от принципа партийного представительства в силу того, что приоритетным фактором является презентация интересов региона, а не партийной идеологии и платформы.

Недостаток полномочий и сильная власть президента не позволяют Сенату как высшему представительному органу обеспечить себе существенный политический вес. Ряд казахстанских исследователей признаёт, что авторитет парламента невысок, он не может характеризоваться как самостоятельный и независимый орган власти [16, с. 47], хотя формируются предпосылки к расширению реальных его полномочий с повышением значимости в политической системе. Сенат имеет право вето на законопроекты, рассмотренные Мажилисом, однако статистика использования этого права сенаторами и голосование по наиболее значимым для государства и общества документам не представлены в открытых источниках.

Конституционно декларируется специализация каждой из палат парламента с определением вопросов общей и исключительной компетенции. Сенат имеет влияние на значимые государственные должности, но не имеет возможности контролировать правительство, реализовывать иные контрольные функции, не может инициировать импичмент президенту. На внутривнутриполитическом треке и во внешнеполитической деятельности парламент Казахстана обладает примерно теми же полномочиями, что и Федеральное Собрание России, однако более высокий по отношению к Мажилису статус Сената подчёркивает, что роспуск парламента может быть осуществлён либо в полном объёме, либо досрочно прекращены полномочия палаты, сформированной путём

прямого голосования. В этом случае Сенат наделяется правом осуществлять законотворческую деятельность.

Автор констатирует, что пример казахстанского бикамерализма в условиях конституционно определённого полупрезидентского режима не отражает зависимости между наличием второй палаты и ростом тенденций парламентаризма. Создание Сената способствовало укреплению национального единства, представительству разных групп и регионов, однако наличие в руках президента многих рычагов влияния на элементы политической системы не даёт возможности говорить о воплощении основных принципов парламентаризма. Иначе выглядят межпалатные отношения и место Сената во Франции – страны с богатым опытом развития бикамерального парламента.

Сенат Французской Республики воплощает собой давние традиции бикамерализма, восходя к Совету старейшин, учреждённому Конвентом в III году. Состоящий из 250 членов и обновляемый на треть каждый год, он составлял вместе с Советом пятисот законодательный орган страны. Верхняя палата парламента присутствует во всей французской конституционной истории, за исключением Второй Республики и режима Виши. Институционализация верхней палаты оправдана необходимостью представительства местных органов власти, чьи интересы отличны от тех, которые отстаивают депутаты Национального собрания.

С основанием в 1875 г. Третьей республики условие функционирования двухпалатного парламента стало компромиссным условием принятия Республики монархистами, которые обосновывали потребность в институте "опекуна консервативных интересов". Конституция 1875 г. устанавливала институт "несменяемых сенаторов", фиксируя неравенство в парламентском процессе.

В Четвёртой республике Сенат (Совет Республики) имел лишь консультативную роль.

Пятая республика, получившая институциональное оформление Конституцией 1958 г., сформировала новую систему сильной исполнительной власти в руках президента и законодательной власти, имеющей большие контрольно-надзорные функции. Данная структура позволяет Сенату играть ключевую роль во французском законодательном процессе. Вместе с тем Конституция также не указывает на иерархическое положение палат, что исключает правомочность употребления наименований "верхняя" и "нижняя".

По сравнению с Россией и Казахстаном Сенат Франции имеет большее количество мест – 348, претендовать на которые могут граждане не моложе 24 лет, что имеет минимум отличий от квалификационных требований к кандидатам в депутаты Национальной ассамблеи. Вместе с тем французский Сенат более возрастной по сравнению с другими объектами анализа: средний возраст сенаторов республики составляет 64 года.

Сенаторы избираются коллегией выборщиков, состоящей из 150 000 "великих избирателей" – региональных, ведомственных и муниципальных представителей, избранных прямым путём. Для департаментов, которым необходимо избрать менее трёх сенаторов, предусмотрена мажоритарная система в два тура и пропорциональная для административных образований, избирающих более четырёх представителей в данную палату. С 2011 г. Сенат обновляется каждые три года наполовину, что ориентировано на обеспечение преемственности работы и повышения эффективности палаты.

Сенат проводит парламентскую процедуру совместно с Национальным собранием, обращаясь к практике "челночного" рассмотрения законопроектов. Законопроект должен быть принят одинаково обеими палатами, при отсутствии консенсуса правительством созывается согласительный комитет. Если соглашение не достигается, право последнего решения остаётся за Национальной ассамблеей. Напротив, в Казахстане парламентская процедура отменяется, если соглашение достигается; поэтому в случае участия правительства в парламентской процедуре французский Сенат обладает меньшим объёмом власти.

Политические группы Сената, сохраняющие партийную ориентацию, играют важную роль в функционировании палаты, в отличие от России и Казахстана, где члены палат отходят от принципа партийного представительства. Вместе с тем палата, члены которой представляют в основном сельскую,

заморскую Францию и более консервативные слои общества, критикуется за отсутствие реальной репрезентативности.

Из-за слабой информированности гражданского общества об этом учреждении – как в России и Казахстане, граждане часто не осведомлены о своих представителях – Сенат критикуют за слабую реализацию репрезентативных функций. Последний аргумент значим ввиду того, что в Сенат в основном рекрутируются вышедшие на пенсию политики, ранее хорошо зарекомендовавшие себя, но ныне не отражающие многообразия французского общества.

Символическая роль французского Сената для государственности Пятой республики состоит в том, что он воплощает собой преемственность государственного курса. Сенат является важной альтернативной силой, способной обеспечить демократический контроль, но не контроль над исполнительной властью.

Политическая история России и Казахстана, связанная с постсоветским этапом развития, явно отличается от эволюции трендов во Франции, чаще сталкивавшейся со сменами режима. Роль верхних палат в этих странах отличается, но бикамерализм стремится к достижению общих целей территориального представительства, которые коррелируют с местными особенностями.

Автор заключает, что наличие двухпалатного парламента не всегда способствует реализации принципов парламентаризма, хотя и обеспечивает "разделение труда в законотворческой деятельности". Общеупотребимое разделение палат на "верхнюю" и "нижнюю" является условным – чаще подчёркивается их равный статус. Вместе с тем частота использования палатами, представляющими регионы, своих "фильтрующих" полномочий, зависит от наличия и остроты межинституциональных противоречий, самостоятельности избранников и их связи с регионами, наделившими сенатора полномочиями. При этом высокая степень самостоятельности региональных представителей, наличие постоянной связи с административной единицей, делегатом которой он является, делают таких политиков и институт в целом сильнее.

На силу представительного органа также влияет его самостоятельность в отдельных сферах: в условиях устаревания отдельных инструментов традиционной дипломатии на помощь приходят нетрадиционные методы, одним из которых выступает парламентская дипломатия. Активное включение парламентариев в реализацию задач, осуществляемых посредством парламентской дипломатии, повышает авторитет и данных политиков, и института, и страны в целом. В данном случае автор констатирует, что палаты, формируемые косвенным путём, чаще специализируются именно на внешнеполитическом функционале, утверждая парламент в качестве эффективного канала поддержания диалога и отстаивания национальных интересов.

Кейсы обновления палат рассмотренных стран свидетельствуют о том, что значительного влияния на укрепление парламентаризма процесс выборов или ротации сенаторов не оказал. "Верхние" палаты, отвечая своему функциональному и идейному назначению, обеспечивают консервативность парламента в целом в системе органов государственной власти, несмотря на отдельные попытки усиления данного института, исходящие от "нижней" палаты или отдельных парламентариев. Медийный эффект, возникающий вследствие различных законодательных инициатив или действий сенаторов, связан исключительно с эффектом персонализации власти (или персонализации политики по М. Дюверже), и не способен оказывать влияния на существенную трансформацию места парламента в политической системе или восприятия образа законодательного института в глазах электората, что подтверждает невысокий интерес во всех трёх странах к деятельности Сенатов.

Приложение

Таблица 1. Сравнительный анализ институционализации верхних палат парламентов России, Казахстана и Франции

	Совет Федерации, Россия	Сенат, Казахстан	Сенат, Франция
Численность палаты	170	48	348
Цензы для кандидата на должность	Граждане России не моложе 30 лет, проживающие не менее 5 лет на территории, которую намерены представлять в палате	Граждане Казахстана не моложе 30 лет, имеющие высшее образование, стаж работы не менее 5 лет, проживающие не менее 3 лет на территории, которую намерены представлять в палате	Граждане Франции не моложе 24 лет
Срок полномочий членов палаты	5 лет, обновление в соответствии с истечением срока полномочий представителя	6 лет, частичное обновление каждые 3 года	6 лет, обновление на ½ состава каждые 3 года
Способ формирования палаты	Косвенные выборы; есть возможность назначения членов палаты	Косвенные выборы; есть возможность назначения членов палаты; Президент после окончания полномочий становится пожизненным сенатором	Косвенные выборы, коллегией выборщиков при избрании не менее 4 сенаторов; прямые выборы, мажоритарная система в два тура при избрании не более 3 сенаторов; есть возможность назначения членов палаты
Возможность отзыва представителя	Нет	Нет	Нет
Право самостоятельной законодательной инициативы	Есть	Нет	Нет
Право контроля исполнительной власти	Назначение и освобождение от должности отдельных федеральных государственных служащих	Назначение и освобождение от должности отдельных республиканских государственных служащих	Нет
Участие во внешнеполитической деятельности	Есть	Есть	Есть
Наличие партийного принципа структурирования	Нет	Нет	Есть

Источник: составлено автором.

Литература

1. Автономов А. С. Истоки и смысл двухпалатности парламентов // Вісник Маріупольського державного університету. Серія: право. 2013. № 5. С. 35–42.
2. Аналитический вестник Совета Федерации № 10 (667). Роль и место верхних палат парламентов в современных государствах (материалы заседания научно-методического семинара Аналитического управления 30 марта 2017 года). М., 2017.
3. Ачкасов В. А., Куликов В. В. Сравнительный анализ современного бикамерализма // ПОЛИТЭКС. 2005. № 3. С. 6–15.
4. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. М., 2001.
5. Булаков О. Н. Бикамерализм как структурная организация современного парламента // PolitBook. 2013. № 3. С. 99–107.
6. Законодательная активность Сената Парламента Республики Казахстан. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.parlam.kz/ru/senate/legislative-activity> (дата обращения: 18.12.2017).
7. Косачев К. И. Межпарламентский союз и Россия: история сквозь века // Международная жизнь. 2017. № 9. С. 1–16.
8. Кравец И. А. Парламентаризм и бикамерализм в теории и российской истории // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 4. С. 42–46.
9. Межпарламентский союз. [Электронный ресурс]. URL: <http://archive.ipu.org/parline-e/ParliamentsStructure.asp?REGION=All&LANG=ENG> (дата обращения: 26.11.2017).
10. Мельвиль А. Ю. Как измерять и сравнивать уровни демократического развития в разных странах? (По материалам исследовательского проекта "Политический атлас современности"). М., 2008.
11. Могунова М. Скандинавский парламентаризм: теория и практика. М., 2001.
12. Парламентаризм в государствах-участниках Межпарламентской ассамблеи Содружества Независимых Государств. Под общ. ред. Ткаченко С. Л., Гладея Д. Г. СПб, 2017.
13. Покровский Д. С. Внешнеполитические полномочия верхних палат парламентов зарубежных стран // Власть. 2009. № 4. С. 136–139.
14. Статистика деятельности Сената Французской Республики. [Электронный ресурс]. URL: http://www.senat.fr/plateau/tableaux_bord/index.html (дата обращения: 20.12.2017).
15. Статистика законодательного процесса Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.duma.gov.ru/legislative/statistics/> (дата обращения: 5.12.2017).
16. Толубеков А. Т. Конституционно-правовой статус парламента Республики Казахстан: дисс...к. юридич. наук. М., 2015. 209 с.
17. Филиппова Н. А. Бикамерализм в постсоветских государствах: тенденции развития института // ПОЛИТЭКС. 2005. № 3. С. 37–48.
18. Чечелев С. В. Конгресс федеративных штатов Америки: особенности организации и деятельности // Правоприменение. 2017. № 3. Т. 1. С. 25–41.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 система Б

1. Avtonomov A. S. Istoki i smysl dvukhpalatnosti parlamentov // Visnik Mariupol's'kogo derzhavnogo universitetu. Seriya: pravo. 2013. № 5. S. 35–42.
2. Analiticheskij vestnik Soveta Federatsii № 10 (667). Rol' i mesto verkhnikh palat parlamentov v sovremennykh gosudarstvakh (materialy zasedaniya nauchno-metodicheskogo seminarana Analiticheskogo upravleniya 30 marta 2017 goda). M., 2017.
3. Achkasov V. A., Kulikov V. V. Sravnitel'nyj analiz sovremennogo bikameralizma // POLITENKS. 2005. № 3. S. 6–15.
4. Baglaj M. V. Konstitutsionnoe pravo Rossijskoj Federatsii. M., 2001.
5. Bulakov O. N. Bikameralizm kak strukturnaya organizatsiya sovremennogo parlamenta // PolitBook. 2013. № 3. S. 99–107.
6. Zakonodatel'naya aktivnost' Senata Parlamenta Respubliki Kazakhstan. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.parlam.kz/ru/senate/legislative-activity> (data obrashheniya: 18.12.2017).
7. Kosachev K. I. Mezhpaparlamentskij soyuz i Rossiya: istoriya skvoz' veka // Mezhdunarodnaya zhizn'. 2017. № 9. S. 1–16.
8. Kravets I. A. Parlamentarizm i bikameralizm v teorii i rossijskoj istorii // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. 2015. № 4. S. 42–46.
9. Mezhpaparlamentskij soyuz. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://archive.ipu.org/parline-e/ParliamentsStructure.asp?REGION=All&LANG=ENG> (data obrashheniya: 26.11.2017).

10. Mel'vil' A. YU. Kak izmeryat' i sravnivat' urovni demokraticeskogo razvitiya v raznykh stranakh? (Po materialam issledovatel'skogo proekta "Politicheskij atlas sovremennosti"). М., 2008.
11. Mogunova M. Skandinavskij parlamentarizm: teoriya i praktika. М., 2001.
12. Parlamentarizm v gosudarstvakh-uchastnikakh Mezhparlamentsoj assamblei Sodrzhestva Nezavisimykh Gosudarstv. Pod obshh. red. Tkachenko S. L., Gladeya D. G. SPb, 2017.
13. Pokrovskij D. S. Vneshnepoliticheskie polnomochiya verkhnikh palat parlamentov zarubezhnykh stran // *Vlast'*. 2009. № 4. S. 136–139.
14. Statistika deyatel'nosti Senata Frantsuzskoj Respubliki. [Электронный ресурс]. URL: http://www.senat.fr/plateau/tableaux/tableaux_bord/index.html (data obrashheniya: 20.12.2017).
15. Statistika zakonodatel'nogo protsesssa Gosudarstvennoj Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federatsii. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.duma.gov.ru/legislative/statistics/> (data obrashheniya: 5.12.2017).
16. Toleubekov A. T. Konstitutsionno-pravovoj status parlamenta Respubliki Kazakhstan: diss...k. yuridich. nauk. М., 2015. 209 s.
17. Filippova N. A. Bikameralizm v postsovetskikh gosudarstvakh: tendentsii razvitiya instituta // *POLITEHKS*. 2005. № 3. S. 37–48.
18. Shechelev S. V. Kongress federativnykh shtatov Ameriki: osobennosti organizatsii i deyatel'nosti // *Pravoprimenenie*. 2017. № 3. Т. 1. S. 25–41.

Антюшин Н. А. Роль "верхних" палат в бикамеральных парламентах в укреплении парламентаризма в условиях обновления их состава (на примере России, Казахстана и Франции).

В статье затрагивается вопрос о связи верхних палат двухпалатных парламентов с усилением принципов парламентаризма. Автор обращает внимание на институционализацию современных бикамеральных парламентов и их функциональное назначение, в том числе через осуществление ими парламентской дипломатии. Рассмотрение примеров российского, казахского и французского парламентов осуществляется на проверке гипотезы о том, что открытый способ формирования верхних палат способствует большему политическому весу бикамерального парламента. Вместе с тем активное участие парламента или одной из его палат в реализации внешнеполитического курса государства способствует росту значения института в политической системе.

Ключевые слова: парламентаризм, парламентская дипломатия, бикамерализм, сенат, выборы, СНГ, международное наблюдение выборов, Россия, Казахстан, Франция

Antyushin N. A. The role of the "upper" chamber in the bicameral parliaments on strengthening parliamentarism in the conditions of updating their composition on the example of Russia, Kazakhstan and France.

The article touches upon the connection between the upper chambers of bicameral parliaments and the strengthening of the principles of parliamentary system. The author draw attention to the institutionalization of modern bicameral parliaments and their functional purpose, including through the implementation of parliamentary diplomacy. Examination of examples of the Russian, Kazakh and French parliaments is carried out to test the hypothesis that an open way of forming upper chambers contributes to the greater political weight of the bicameral parliament. At the same time, the active participation of the parliament or one of its chambers in the implementation of the foreign policy of the state contributes to the growth of the importance of the institution in the political system.

Key words: parliamentary system, parliamentary diplomacy, bicameralism, senate, elections, CIS, international observation of elections, Russia, Kazakhstan, France

Для цитирования: Антюшин Н. А. Роль "верхних" палат в бикамеральных парламентах в укреплении парламентаризма в условиях обновления их состава (на примере России, Казахстана и Франции) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 3. С. 127–137. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-3/127-137

For citation: Antyushin N. A. The role of the "upper" chamber in the bicameral parliaments on strengthening parliamentarism in the conditions of updating their composition on the example of Russia, Kazakhstan and France // *Ojkumena. Regional researches*. 2019. № 3. P. 127–137. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-3/127-137

НТС и спецслужбы Запада: союзники по холодной войне

Народно-Трудовой Союз российских солидаристов (НТС) является старейшей политической организации из непрерывно существующих в России. Созданный детьми белоэмигрантов в 1930 г. (истоки восходят к 1924 г.), НТС связал все этапы противостояния режиму КПСС и стал своеобразным мостом между оппозиционными кругами в СССР, российской эмиграцией и Западом.

Подробно не останавливаясь на истории проблемы, отметим, что существует уже целый ряд исследований об НТС и русской эмиграции, от научных статей и монографий до кандидатских и докторских диссертаций, среди которых три монографии и кандидатская диссертация принадлежат автору данной статьи [2; 3; 4; 5].

До 1990 г. существовало два основных взгляда на НТС: советский и антисоветский. Представители первого стремились доказать, что НТС – это предатели родины, пособники фашистов и наймиты западных спецслужб. Наиболее типичными примерами являются монографии Н. Н. Яковлева и Л. К. Шкаренкова [15, 17]. Впрочем, по словам активного деятеля НТС и историка Ю. С. Цурганова, считающего работу Шкаренкова лучшим, что было выпущено по этой теме в СССР, сам Шкаренков "сожалел о тональности своей книги" [13, с. 53].

Антисоветский подход представляли в основном эмигранты (в большинстве своём действующие или бывшие члены НТС), а также западные учёные и пропагандисты, которые пытались представить российских солидаристов героями борьбы с тоталитарным режимом. Квинтэссенцией второго подхода можно считать брошюру "НТС: Мысль и дело", вышедшую под редакцией тогдашнего председателя НТС Б. С. Пушкарёва [10].

Среди более поздних работ можно выделить коллективный труд "Эмиграция и репатриация в России", кандидатскую диссертацию Ю. С. Цурганова "Российская военная эмиграция в Европе 1939–1945 гг." (2001), кандидатскую диссертацию Л. В. Климович "Идеология и деятельность молодёжных организаций русского зарубежья в 1920-е – начале 1940-х годов (на материалах Союза младороссов и Национального союза нового поколения) (2010), монографию профессора Г. И. Каневской об истории русской диаспоры в Австралии, докторскую диссертацию ещё одного члена НТС К. В. Александрова "Генералитет и офицерские кадры вооружённых формирований Комитета освобождения народов России 1943–1946 гг." (2016), сборник "В поисках истины" под общей редакцией А. В. Попова, сборник "Эмиграция и репатриация в России", а также сборник "От зарубежья до Москвы. Народно-Трудовой Союз (НТС) в воспоминаниях и документах", вышедший под редакцией тогдашнего председателя исполнительного бюро НТС В. А. Сендерова [6; 7; 8; 9; 13; 16]. Следует отметить, что НТС организация затухающая, в последнее время он сосредоточился в основном на издательской и культурно-просветительской деятельности, поэтому свежих исследований об этом политическом движении не столь много.

Одной из наиболее спорных, острых и малоисследованных проблем, связанных с Народно-Трудовым Союзом российских солидаристов (НТС), является его взаимоотношение с иностранными спецслужбами. В советские времена считалось аксиомой, что НТС состоял на содержании зарубежных спецслужб, отработывая доллары подрывной работой в области идеологии [17].

Спустя десятилетия после падения власти КПСС и распада СССР эмоциональный накал вокруг этой проблемы значительно снизился, и настало

время в спокойной обстановке внести ясность в данный вопрос. Поскольку рамки этой статьи не позволяют охватить взаимоотношения НТС со всеми государствами мира, сосредоточимся на связях Союза со спецслужбами США и Великобритании в период "холодной войны".

С самого своего создания в 1930 г. НТС был вынужден искать союзников, так как противостоять в одиночку самому мощному тоталитарному режиму было нереально. Поиск союзников шёл как в среде русской эмиграции, так и среди иностранцев. В то же время до Второй мировой войны эти контакты ограничивались в основном Европой. По свидетельству бывшего Председателя НТС *Е. Р. Островского (Романова)*, в США до войны у НТС были лишь считанные люди [12, с 77-78].

После начала Второй мировой войны руководство НТС решает наладить прочные связи с западными державами. При посредничестве представителя польского правительства в изгнании В. Степневского в Лондон должен был выехать секретарь исполнительного бюро НТС *М. А. Георгиевский*, который поддерживал также связь с членами Союза в США. Однако быстрая оккупация Югославии (довоенный центр НТС находился в Белграде) странами фашистского блока в апреле 1941 г. сорвала этот план. В дальнейшем США и Великобритания стали союзниками Советского Союза по антигитлеровской коалиции и не были заинтересованы в сотрудничестве с антисоветскими организациями.

Ситуация кардинально изменилась после завершения Второй мировой войны и начала "холодной войны". Реалии двухполюсного мира и наличие общего врага неизбежно должны были сблизить лидеров западного блока и самую активную антикоммунистическую организацию русской эмиграции.

К 1948 г. из-за "холодной войны" в американской политике произошёл перелом, который отразился и на отношении Запада к русской эмиграции. Прежде запрещённая антикоммунистическая деятельность стала поощряться.

С целью получения средств и на основе совпадения интересов НТС в послевоенные годы идёт на сотрудничество с западными спецслужбами, включившись в идеологическую борьбу, ставшую составной частью "холодной войны". Впрочем, солидаристы никогда не прекращали этой борьбы.

Сначала они вступили в контакт с английской спецслужбой "Интеллидженс сервис". Началось с того, что в 1947 г. англичане арестовали за антисоветские листовки активиста НТС А. А. Тенсона, который около года пробыл в английском концлагере [5, с. 220].

К 1948 г. политика Запада, как уже отмечалось, стала меняться. Англичане не только выпустили Тенсона, но и заинтересовались его организацией. Они предложили ей поддержку в обмен на информацию. Так началось финансирование НТС, но финансировали непосредственно ту или иную конкретную операцию.

В частности, НТС издавал небольшую информационную газету для советской армии: "Известия правды". Англичане финансировали её, выставив условие: никаких призывов к антисоветским действиям, только правдивая информация. Они просили печатать также свои сообщения о происходящих событиях. НТС распространял эту газету вместе со своим журналом "Посев", ставшим главным русским политическим изданием в эмиграции. Потом солидаристы напечатали, так называемый, "Армейский штамп" на четырёх страницах "Посева": главные сведения о том, против чего, за что и как следует бороться. Его сфотографировали на уменьшенное издание, которое НТС и стал распространять [12, с. 106].

Кроме того, в английском секторе Берлина, где власти гарантировали неприкосновенность, был открыт Комитет помощи беженцам. Англичане давали бесплатные талоны на бензин, право летать их самолётами. Они приглашали представителей НТС на допросы перебежчиков, солидаристы получали таким путём информацию, которую потом использовали для пропаганды [12, с. 107].

В конце 1940-х годов вслед за "Интеллидженс сервис" на контакт с НТС выходит и ЦРУ.

Англичане, по словам Островского, рассчитывали, что под влиянием пропаганды НТС увеличится количество перебежчиков. Но НТС не призы-

вал к переходу на сторону Запада. Кроме того солидаристы не хотели предоставлять британцам секретную информацию, которая могла бы пойти во вред их родине. По мнению Н. Н. Яковлева, недовольство "Интеллидженс сервис" было вызвано отсутствием видимых результатов и нецелевым использованием средств со стороны НТС: "деньги, отпускаемые на борьбу с коммунизмом, энтэсовцы прокручивают в кабаках" [17, с. 125]. Однако никаких фактов, подтверждающих это обвинение, он не смог привести.

В феврале 1956 г. англичане сочли, что семилетний период совместной работы был "очень непродуктивным" и "полученные результаты ни в коей мере не компенсируют то время и те средства, которые были затрачены", и отказались от дальнейшего сотрудничества [17, с. 126].

После встречи с английскими коллегами 28–29 февраля 1956 г. финансирование НТС полностью взяли на себя спецслужбы США [17, с. 125–126].

Ещё до этого 10 октября 1951 г. Конгресс США принял закон "О взаимной помощи", предусматривавший поддержку организациям, ведущим борьбу с коммунизмом "за железным занавесом" [10, с. 32].

Американцы, создав "Американский Комитет борьбы за свободу народов России", хотели объединить эмиграцию, чтобы включить её в "холодную войну" на своей стороне. Эмигранты также преследовали свои цели. Они надеялись получить материально-техническую базу для ведения борьбы с большевизмом.

НТС исходил из того, что американцы, в отличие от немецких нацистов, не собирались истреблять русский народ. В то же время у США существовали планы по расчленению СССР, и НТС об этом открыто говорил, высказывая своё несогласие с подобными намерениями.

Американцы начали переговоры с эмигрантскими организациями, пообещав финансирование, технические средства, радио и т. д., поставив условие объединения с нерусскими организациями российской политической эмиграции. Поэтому русским предстояло договориться между собой о принципах, на которых можно вести переговоры с националами.

Необходимо отметить, что после окончания Второй мировой войны и прекращения насильственной репатриации в СССР в российской эмиграции в короткое время появился целый спектр политических группировок. В них входили представители как первой, так и второй волны эмиграции. Политические взгляды новых объединений были самыми разными: от неомарксистов до монархистов и черносотенцев.

Только на обломках возглавлявшегося генералом А. А. Власовым "Русского Освободительного Движения" (РОД) возникло сразу пять политических организаций. На правом фланге были созданы "Комитет объединённых власовцев" (КОВ) и ещё правее "Союз Андреевского Флага" (САФ).

КОВ образовался в 1950 г. в Мюнхене под руководством генерала А. В. Туркула, который пытался связать власовскую и белую традиции. КОВ имел печатный орган газету "Доброволец" (1950–1957). Его идейной позицией было непредрешенчество с симпатиями к монархизму. КОВ нередко выступал вместе с Высшим Монархическим Советом (при этом Пражский манифест КОНР 1944 г. трактовался непредрешенчески, лишь как упоминающий Февральскую революцию, но не призывающий к принятию её идеологии для будущего). Своему названию он не соответствовал, так как объединил лишь небольшую часть власовцев. САФ был основан в январе 1948 г. генералом П. В. Глазенапом как военная организация в расчёте на поддержку бывших немецких военных кругов. Просуществовал до середины 1950-х годов [12, с. 294–295].

Новые организации были рыхлые, политически неопытные, из непроверенных людей. НТС практически не имел с ними никаких отношений.

Из САФ приезжала делегация из 5 человек (в основном полковники РОА), предлагали вхождение САФ в НТС, при условии, что им дадут 5 мест в Совете НТС. Но переговоры не привели к соглашению [12, с. 101].

С четырьмя другими политическими организациями отношения у НТС были более плодотворными.

Наиболее крупной и активной из них был созданный 13 августа 1947 г. молодыми офицерами Русской Освободительной Армии (РОА) Боевой Союз Молодёжи Народов России (БСМНР). 19 мая 1948 г. эта организация была

переименована в Союз Борьбы за Освобождение Народов России (СБОНР). Возглавил СБОНР майор Н. А. Троицкий (Нарейкис). Организация стояла на платформе Пражского манифеста (Комитета освобождения народов России (КОНР) 1944 г.) и позиционировала себя как леводемократическая. Поначалу СБОНР отмежевался от Белого движения, считая его "контрреволюционным", и вёл традицию от Кронштадского восстания: "Советы без большевиков". СБОНР издавал журнал "Борьба", затем "Голос народа", основал в Канаде издательство "Заря" и просуществовал до 1980-х годов [6, с. 24, 57].

В 1948 г. в Париже близкий по взглядам к НТС историк С. П. Мельгунов (в прошлом народный социалист) основал Союз Борьбы за Свободу России (СБСР), а бывший глава Временного правительства А. Ф. Керенский – Российское Народное Движение (РНД). В 1949 г. меньшевики Р. А. Абрамович и Б. И. Николаевский создали Лигу Борьбы за Народную Свободу (ЛБНС) [10, с. 31–32].

Эти четыре организации и стали партнёрами солидаристов на переговорах по созданию Совета по Освобождению Народов России (СОНР), которые начались в январе 1951 г. в Фюссене (ФРГ). СОНР должен был стать общим координационным центром, объединяющим всю демократическую эмиграцию для активной борьбы, направленной на ликвидацию диктатуры большевиков и установление демократического строя [11, с. 54].

Единая платформа была выработана в августе 1951 г. в Штутгарте пятью главными организациями русской эмиграции. В резолюции по национальному вопросу от 21 августа 1951 г. подчёркивалось: "Единственно правильным и единственно отвечающим интересам всех, без исключения народов России, по мнению Сопещения, является не раздробление, а сохранение единства семьи свободных народов России, построенной на основе федерации и культурно-национальной автономии" [6, с. 271].

Вместе с тем, Платформа СОНР предусматривала право народов на отделение путём всенародного плебисцита. Впервые такое положение появилось в программе НТС в 1946 г..

В ноябре 1951 г. в Висбадене (ФРГ) начались переговоры русских с сепаратистскими организациями. В числе последних были: Совет Белорусской Народной Республики, Азербайджанское Национальное Объединение, Грузинский Национальный Совет, Туркестанский Национальный Совет, Союз за Свободу Армении, Северокавказское Антибольшевистское Национальное Объединение [4, с. 77-78].

Украинские организации от переговоров отказались. Но и с остальными сепаратистами договориться не удалось.

На Висбаденской конференции русские организации отказались признавать якобы уже существующие независимые государства в лице Армении, Грузии и т. д., которые ссылались на свою независимость в 1920-е гг.. Поэтому соглашение так и не было достигнуто. На этом закончились все переговоры с участием НТС.

В октябре 1952 г. на основе оставшихся организаций американцы создали "Координационный Центр Антибольшевистской Борьбы" (КЦАБ). КЦАБ имел бюро в Мюнхене под председательством С. П. Мельгунова. Был принят устав со ссылкой на принципы ООН, на Февральскую революцию и с подчёркиванием права народов на самоопределение (для этого допускались все взаимоисключающие варианты: плебисцит, решение отдельного национального парламента, решение всероссийского парламента). КЦАБ должен был получить в распоряжение созданную американцами радиостанцию "Освобождение" в Мюнхене. Там же под руководством Н. А. Троицкого (Б. А. Яковлева) был создан "Институт изучения СССР" (проработавший до 1972 г.) [12, с. 299].

Однако бесконечные споры эмигрантских организаций между собой вывели американцев из терпения. Они отбросили политический камуфляж, и в 1955 г. руководство КЦАБ и их американские советники поменялись местами: "бывшие американские советники при эмигрантских начальниках стали начальниками, а эти бывшие начальники их советниками". Соответственно изменился и статус радиостанции "Освобождение" (выходящей в эфир с 1 января 1953 г.): она создавалась как рупор антибольшевистских сил, но стала

американской пропагандистской радиостанцией (в 1959 г. переименована в "Свободу") [1, с. 713].

Такая смена ролей привела к серии демаршей со стороны русских эмигрантов. Н. А. Троицкий в 1955 г. в знак протеста против откровенного вмешательства американцев в дела возглавляемого им института оставил пост директора "Института изучения истории и культуры СССР" и уехал в США [6, с. 23–24].

В том же году НТС отозвал своего наблюдателя в бюро КЦАБ профессора Я. В. Буданова, мотивировав это тем, что "бюро не являлось хозяином ни института, ни радиостанции" [12, с. 113].

Несмотря на это, сотрудничество НТС и спецслужб США продолжалось, поскольку обе стороны нуждались друг в друге. Многие члены НТС нашли работу на радиостанциях "Свобода" и "Голос Америки" (начавшей своё русское вещание в 1947 г.). При этом солидаристы принципиально отказывались пропагандировать идеи независимости Украины и Белоруссии.

В 1952–1953 гг. при помощи ЦРУ и частично "Интеллидженс сервис" в СССР было заброшено для ведения антикоммунистической пропаганды и отстройки "каркаса" подпольной организации тринадцать парашютистов-членов НТС (11 из них арестовано, Н. А. Олехнович при задержании раскусил ампулу с ядом, о судьбе П. П. Маликова сведений нет). Однако после захвата и расстрела в мае 1953 г. четверых солидаристов подобные акции были прекращены [10, с. 38, 40].

Американцы готовы были тратить деньги на НТС, чтобы использовать его в "холодной войне". На долларовые дотации поставили на ноги издательство "Посев" и одноимённый журнал, радиопропаганду НТС. Основная информация, получаемая ЦРУ от НТС, касалась настроений среди советских министров и генералов. Из разведывательной информации НТС согласился предоставлять сведения только по одному пункту. Руководствуясь общечеловеческими ценностями, солидаристы готовы были сообщить о готовящемся ядерном ударе против Запада, если к ним попадёт такая информация [12, с. 117].

ЦРУ, в отличие от других спецслужб Запада, помимо технической и военной занималось ещё и политической разведкой. ЦРУ было инструментом политического воздействия и психологической войны. Это и стало пересечения интересов с НТС. Ради совместной борьбы ЦРУ терпело национальный дух НТС, для них весьма нежелательный. Хотя среди американцев были люди, симпатизировавшие этой позиции Союза.

Следует отметить, что НТС своими оценками и информацией оказывал определённое влияние на политику ЦРУ. Например, по инициативе солидаристов началось массовое издание книг для СССР, чтобы приблизить советскую интеллигенцию и правящую элиту к ценностям, которые существуют в западной культуре и эмиграции. Философские, публицистические и другие труды вызывали интерес даже у функционеров, что облегчало доставку этих книг в СССР. НТС сам издавал и распространял то, что считал нужным. Часть тиража закупалась и распространялась американцами вместе с другой литературой. Во многом в результате этой деятельности западное влияние на умы россиян сохраняется до сих пор.

После падения коммунистического режима американцы прекратили свою помощь: с окончанием "холодной войны" НТС оказался не нужен. Потеря финансирования со стороны американцев и неумение найти новые источники во многом привели к тому, что организация не сумела завоевать прочные позиции в посткоммунистической России.

Такова краткая история взаимоотношений НТС со спецслужбами США и Великобритании. Данная тема требует дальнейшей разработки с привлечением новых источников. Но уже сегодня можно сказать, что западные спецслужбы практически всю "холодную войну" финансировали НТС, что подтверждает даже его бывший председатель Е. Р. Романов (Островский). Удивительно, что это попытался отрицать Ю. С. Цурганов на страницах журнала "Посев" [14, с. 2].

Сотрудничество НТС и западных спецслужб в период "холодной войны" было закономерным и обусловлено наличием общего врага в лице коммунистического режима и общих интересов. Оно началось в 1948 г., когда из-за

"холодной войны" в американской политике произошёл перелом и прежде запрещённая антикоммунистическая деятельность стала поощряться, а закончилось с окончанием "холодной войны", когда коммунистический режим рухнул и НТС оказался не нужен. При этом сотрудничество НТС и английской разведки продолжалось всего 7 лет (1948–1956), после чего англичане сочли его непродуктивным.

Американцы хотели использовать НТС и другие эмигрантские организации, включив их в "холодную войну" на своей стороне. НТС надеялся получить материально-техническую базу для ведения борьбы с большевизмом.

По сути, такое сотрудничество стало продолжением политики КОНР и самого НТС времён Великой Отечественной, когда во имя "создания новой свободной народной государственности без большевиков и эксплуататоров" власовцы, среди которых было много членов НТС, пошли на союз с фашистской Германией против своей страны [4, с. 75–76].

НТС исходил из того, что американцы, в отличие от немецких нацистов, не собирались истреблять русский народ, хотя в США были силы, готовые сбросить атомные бомбы на советские города. С самого начала выявились разногласия в подходах: у США существовали планы по расчленению СССР, что было неприемлемо для НТС.

По инициативе американцев начались переговоры русских и национальных организаций, представляющих бывшую Российскую империю. НТС и четырёх другим русским организациям удалось выработать общую платформу, но договориться с национальными организациями не удалось.

Тем не менее, сотрудничество НТС и ЦРУ продолжилось. В основном оно сводилось к совместной антисоветской пропаганде, а также обмену информацией. Как известно, СССР проиграл "холодную войну", что привело не только к падению коммунистического режима, но и к распаду Советского Союза.

Литература

1. Авторханов А. Г. Мемуары / обл. А. В. Русака. Франкфурт на Майне: Посев, 1983. 767 с.
2. Алексеев Д. Ю. Народно-Трудовой Союз российских солидаристов в борьбе против тоталитарного режима автореферат дис.... Кандидата политических наук / Дальневосточ. Гос. Ун-т. Владивосток, 1998.
3. Алексеев Д. Ю., Печерица В. Ф. Российский солидаризм: теория, история и современность. Уссурийск: Издательство УГПИ, 2000. 184 с.
4. Алексеев Д. Ю. Российский солидаризм: теория, практика, люди. Владивосток: Издательство ТГЭУ, 2010. 272 с.
5. Алексеев Д. Ю. Российские солидаристы в борьбе против тоталитарного режима. Saarbruecken: LAP, 2011. 240 с.
6. В поисках истины. Пути и судьбы второй эмиграции. Сб. статей и документов. / Под общей редакцией А. В. Попова. М., РГГУ, 1997. 376 с.
7. Каневская Г. И. "Мы ещё мечтаем о России..." история русской диаспоры в Австралии. Владивосток: Издательство ДВГУ, 2010. 372 с.
8. Климович Л. В. Документы по истории Народно-Трудового Союза российских солидаристов в историческом архиве исследовательского центра Восточной Европы при Бременском университете (Германия) // Инновационные процессы в научной среде. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Уфа: Аэтерна, 2015. С. 98–101.
9. От Зарубежья до Москвы. Народно-Трудовой Союз (НТС) в воспоминаниях и документах. 1924–2014. М.: Посев, 2014. 384 с.
10. НТС: Мысль и дело 1930–2000. М.: Посев, 2000. 128 с.
11. Платформа Союза Борьбы за Свободу России. Сборник российских политических программ 1917–1955. Клайпеда, 1990. 184 с.
12. Романов (Островский) Е. Р. В борьбе за Россию. Воспоминания. М.: Голос, 1999. 319 с.
13. Цурганов Ю. С. Народно-Трудовой Союз (НТС). Ступенчатый снос диктатуры / Русское зарубежье: история и современность. Сборник статей. РАН. ИНИОН. Центр комплексных исследований русской эмиграции; Ред.- сост. Вып. Мухачёв Ю. В., Петрова Т. Г. М., 2016. С. 35–58.
14. Цурганов Ю. С. Так на чьи же деньги развалился Советский Союз? // Посев. 2016. № 12. С. 2.

15. Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. 2-е издание, исправленное и дополненное. М.: Мысль, 1986. 272 с.
16. Эмиграция и репатриация в России. В. А. Ионцев, Н. М. Лебедева, М. В. Назаров, А. В. Окорокков. М.: Попечительство о нуждах российских репатриантов, 2001. 490 с.
17. Яковлев Н. Н. ЦРУ против СССР. М.: Правда, 1983. 464 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 система Б

1. Avtorkhanov A. G. Memuary / obl. A. V. Rusaka. Frankfurt na Majne: Posev, 1983. 767 s.
2. Alekseev D. YU. Narodno-Trudovoj Soyuz rossijskikh solidaristov v bor'be protiv totalitarnogo rezhima avtoreferat dis.... Kandidata politicheskikh nauk / Dal'nevostoch. Gos. Un-t. Vladivostok, 1998.
3. Alekseev D. YU., Pecheritsa V. F. Rossijskij solidarizm: teoriya, istoriya i sovremennost'. Ussurijsk: Izdatel'stvo UGPI, 2000. 184 s.
4. Alekseev D. YU. Rossijskij solidarizm: teoriya, praktika, lyudi. Vladivostok: Izdatel'stvo TGEHU, 2010. 272 s.
5. Alekseev D. YU. Rossijskie solidaristy v bor'be protiv totalitarnogo rezhima. Saarbruecken: LAP, 2011. 240 s.
6. V poiskakh istiny. Puti i sud'by vtoroj eh migratsii. Sb. statej i dokumentov. / Pod obshhej redaktsiej A. V. Popova. M., RGGU, 1997. 376 s.
7. Kanevskaya G. I. "My eshhyo mechtaem o Rossii..." istoriya russkoj diaspory v Avstralii. Vladivostok: Izdatel'stvo DVGU, 2010. 372 s.
8. Klimovich L. V. Dokumenty po istorii Narodno-Trudovogo Soyuz rossijskikh solidaristov v istoricheskom arkhive issledovatel'skogo tsentra Vostochnoj Evropy pri Bremenskom universitete (Germaniya) // Innovatsionnye protsessy v nauchnoj srede. Sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii. Ufa: Aehterna, 2015. S. 98–101.
9. Ot Zarubezh'ya do Moskvy. Narodno-Trudovoj Soyuz (NTS) v vospominaniyakh i dokumentakh. 1924–2014. M.: Posev, 2014. 384 s.
10. NTS: Mysl' i delo 1930-2000. M.: Posev, 2000. 128 s.
11. Platforma Soyuza Bor'by za Svobodu Rossii. Sbornik rossijskikh politicheskikh programm 1917–1955. Klajpeda, 1990. 184 s.
12. Romanov (Ostrovskij) E. R. V bor'be za Rossiyu. Vospominaniya. M.: Golos, 1999. 319 s.
13. TSurganov YU. S. Narodno-Trudovoj Soyuz (NTS). Stupenchatyj snos diktatury / Russkoe zarubezh'e: istoriya i sovremennost'. Sbornik statej. RAN. INION. TSentr kompleksnykh issledovanij russkoj eh migratsii; Red.- sost. Vyp. Mukhachyov YU. V., Petrova T. G. M., 2016. S. 35–58.
14. TSurganov YU. S. Tak na ch'i zhe den'gi razvalilsya Sovetskij Soyuz? // Posev. 2016. № 12. S. 2.
15. SHkarenkov L. K. Agoniya belo j eh migratsii. 2-e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe. M.: Mysl', 1986. 272 s.
16. EH migratsiya i repatriatsiya v Rossii. V. A. Iontsev, N. M. Lebedeva, M. V. Nazarov, A. V. Okorokov. M.: Popechitel'stvo o nuzhdakh rossijskikh repatriantov, 2001. 490 s.
17. YAKovlev N. N. TSRU protiv SSSR. M.: Pravda, 1983. 464 s.

Алексеев Д. Ю. НТС и спецслужбы Запада: союзники по холодной войне.

На основе различных данных анализируются взаимоотношения старейшей политической организации из непрерывно существующих в России Народно-Трудового Союза российских солидаристов (НТС) со спецслужбами США и Великобритании. Автором рассматриваются актуальные вопросы финансирования непримиримой оппозиции, попытки объединить русские политические организации с сепаратистскими для общей борьбы с большевизмом, совместные операции НТС, ЦРУ и "Интеллидженс сервис", а также моральную сторону этого сотрудничества.

Ключевые слова: *НТС, Народно-Трудовой Союз российских солидаристов, политические организации, русская эмиграция, "холодная война"*

Alekseev D.Yu. NTS and Western intelligence: cold war allies.

On the basis of various data, the relationship of the oldest political organization of the continuously existing in Russia people's Labor Union of Russian solidarists (NTS) with the us and UK intelligence services is analyzed. The author considers the topical issues of financing the irreconcilable opposition, attempts to unite Russian political organizations with separatist ones for the common struggle against Bolshevism, joint operations of the NTS, CIA and "intelligence service", as well as the moral side of this cooperation.

Key words: *NTS, people's Labor Union of Russian solidarists, political organizations, Russian emigration, "cold war"*

Для цитирования: Алексеев Д. Ю. НТС и спецслужбы Запада: союзники по холодной войне // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 3. С. 138–145. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-3/138-145

For citation: Alekseev D.Yu. NTS and Western intelligence: cold war allies // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 3. P. 138–145. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-3/138-145

Обзор монографии "Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России" (под ред. А. В. Торкунова, Д. В. Стрельцова)

Рецензируемая работа [1] является одной из редких монографий, посвященных исследованию комплекса международных отношений в Северо-Восточной Азии (СВА) и национальным интересам России в этом важнейшем геополитически и быстро растущем экономическом регионе мира. За последние годы выходили монографии, посвященные анализу международной безопасности, экономического развития и месту России в более обширном (и аморфном) Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Однако для решения поставленных руководством РФ задач ускоренного развития Дальнего Востока страны актуальной задачей является укрепление политических и экономических отношений именно со странами т.н. "большой тройки" СВА (Китаем, Японией и Республикой Корея), а также решение проблемы безопасности Корейского полуострова. И поэтому выбор научным коллективом в качестве региона для глубокого исследования именно Северо-Восточной Азии представляется абсолютно обоснованным и очень своевременным.

Данное исследование, осуществленное под руководством авторитетных востоковедов А. В. Торкунова и Д. В. Стрельцова, отличается логичной и новаторской структурой. Важно то, что целых три главы из шести посвящены глубокому и детальному исследованию позиций и интересов России в этом регионе (её подходов к безопасности, двусторонних отношений со странами-соседами и участию в проектах экономической интеграции СВА), при том что чисто российской проблематике в схожих по замыслу монографиях обычно посвящалась лишь последняя глава.

Ключевое значение в работе играет самая объемная первая глава, посвященная проблематике международных отношений в СВА. Она задает тон и ставит остальные главы в глубокий политический и исторический контекст, который объясняет нерешенность долговременных проблем в регионе. Глава начинается с характеристики военно-политической ситуации в СВА, для которой, по мнению авторов, характерно формирование двух групп государств, соперничающих за лидерство в политических и экономических процессах региона. С одной стороны, это США и их военно-политические союзники Япония и РК, а с другой – стратегические партнеры Китай и РФ, к которым примыкает связанная с первым договорными обязательствами КНДР.

Рассмотрение страновых аспектов авторы начинают с США – внерегионального актора, который стремится не допустить ослабления своей ключевой роли в решении проблем региональной безопасности. Дается характеристика начатой ещё при президентстве Б. Обамы и в целом продолженной Д. Трампом стратегии "перебалансировки" США в АТР. При этом последний отказался от одного из компонентов этой стратегии – участия США в Транстихоокеанском партнерстве (ТТП), так как посчитал, что Вашингтон добьется более выгодных для себя условий торгово-экономических отношений, действуя не на многосторонней, а на двусторонней основе.

Китай по воздействию на региональную политику уже претендует на лидерство и стремится ограничить военную деятельность ВС США в жизнен-

© Севастьянов С. В., Лукин А. Л., 2019

СЕВАСТЬЯНОВ Сергей Витальевич, д-р полит. наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). E-mail: sevastyanov.sv@dvfu.ru

ЛУКИН Артём Леонидович, канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). E-mail: artlugin@mail.ru

но важных для себя Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. В этой связи авторы делают важный вывод о том, что высокий уровень финансово-экономической зависимости между двумя странами не может гарантировать от возможности острой военной конфронтации между ними [1, с. 23]. Что касается переговоров между Вашингтоном и Пхеньяном по ядерной проблеме Корейского полуострова, то в понятие поддерживаемой сторонами денуклеаризации они вкладывают разный смысл. При этом ещё большую угрозу для процесса денуклеаризации будет представлять проблема верификации, что делает решение проблем ядерной безопасности полуострова в обозримом будущем очень проблематичным.

Среди территориальных споров наиболее значимым для общей обстановки в СВА является спор по поводу островов Сэнкаку/Дяоюйдао, который делает практически невозможным долговременное улучшение отношений между Китаем и Японией. Не менее пессимистичны авторы и в оценке проблем исторического прошлого, которые и в дальнейшем будут определять напряженную атмосферу международных отношений СВА, чреватую острыми кризисами в отношениях Японии с КНР и РК. Не стремясь к выдаче желаемого за действительное, авторы правомерно полагают, что с течением времени и сменой поколений актуальность этих проблем не будет снижаться, так как они не могут быть решены путем дипломатических переговоров, поскольку на кону вопросы национальной идентичности и достоинства, особенно с учетом роста националистических настроений [с. 135].

Во второй главе охарактеризованы процессы экономической интеграции в СВА, в том числе политика основных государств в отношении региональных интеграционных соглашений и проектов. Особенностью рыночной интеграции в СВА является то, что долгие годы она развивается вне четко институционально оформленных рамок, а определяющими являются торгово-экономические связи между странами "большой тройки". Для развития и стабильности СВА ключевое значение имеет состояние японо-китайских экономических отношений, при этом росту экономической взаимозависимости (в СВА она ниже, чем в Восточной Азии в целом) препятствуют и политические мотивы, в том числе соперничество за лидерство между Китаем и Японией.

В этой связи подавляющее большинство региональных интеграционных соглашений (РИС) стран СВА носят внесубрегиональный характер. Китайские интеграционные соглашения подписываются в основном на двусторонней основе. Среди многосторонних соглашений Пекин наиболее активно продвигает проект создания Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП), который включает десятку стран АСЕАН, Китай, Японию, РК, Австралию, Новую Зеландию и Индию и предусматривает более мягкий по сравнению с ТТП вариант интеграции. Тем не менее, подписание этого соглашения несколько раз откладывалось из-за различий между участниками в подходах к свободной торговле и её региональной архитектуре. Для Японии приоритетом является участие в ТТП, которое было заключено в 2016 г. 12 странами (Австралией, Брунеем, Канадой, Чили, Японией, Малайзией, Мексикой, Новой Зеландией, Перу, Сингапуром, Вьетнамом и США) и отличается более жестким, по сравнению с нормами ВТО, подходом к либерализации норм и правил торговли. После выхода США из ТТП остальные страны заключили новое торговое соглашение под названием "Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве", которое сохранило большинство положений ТТП и вступило в силу в декабре 2018 г. С учетом весомого экономического потенциала и влияния Японии в АТР, именно Токио становится лидером этого нового интеграционного соглашения. Что касается РК, то для неё приоритетами стали двусторонние соглашения о свободной торговле, подписанные с США и Китаем, а также переговоры по ВРЭП.

Несмотря на различия в подходах к свободной торговле и многосторонним институтам, призванным реализовывать их в регионе, Китай, Япония и РК договорились о необходимости подписания трехстороннего соглашения о свободной торговле (ССТ) и с 2008 г. ведут переговоры. Последние неоднократно прерывались, в первую очередь, из-за политических проблем во взаимоотношениях между ними, но через какое-то время возобновлялись снова, что свидетельствует о решимости сторон довести до завершения процесс экономической интеграции в СВА и противостоять торговому протекционизму.

Важнейшую роль для раскрытия темы монографии играет третья глава, посвященная подходу ведущих стран СВА к проблемам международных отношений в регионе. Она начинается с характеристики политики США в АТР, которая с приходом к власти Д. Трампа существенно изменилась. В ходе предвыборной кампании он давал понять, что в отношении Китая не будет придерживаться доктрины "вовлечения и сдерживания" Обамы и будет рассматривать в качестве главной жизненной угрозы США не Россию, а Китай, обладающий огромными финансово-экономическими возможностями и приступивший к реформатированию мировой торговой и валютно-финансовой системы, вытесняя Вашингтон с лидерских позиций. Для отражения этих угроз он декларировал лозунг "Америка превыше всего" и начал реализовывать курс, с одной стороны, на отказ от многосторонних торговых соглашений, ограничивающих возможности американского бизнеса и быстрое возрождение американской производственной базы, а с другой стороны – на введение масштабных экономических санкций против Китая [1, с. 185, 193]. При этом авторы справедливо отмечают, что Пекин, выдвинувший концепцию построения "сообщества с единой судьбой", стал и идеологическим соперником Вашингтона, продвигая китайскую, а не американскую модель развития для его формирования. Отличительной особенностью политики Д. Трампа в отношении Японии и РК стало сочетание курса на укрепление этих двусторонних союзов безопасностью с требованием, чтобы они брали на себя большее бремя по обеспечению собственной и региональной безопасности.

Для главного союзника США в СВА и АТР в целом – Японии – ведущую роль во внешней политике играет военно-политический союз с США и находящиеся на её территории американские военные базы. Для Токио геополитическое значение этого альянса продолжает только усиливаться, что связано как с военным и экономическим подъемом Китая, так и потенциальными угрозами безопасности со стороны КНДР.

В двусторонних отношениях Японии с Китаем и РК продолжают сохраняться серьезные противоречия, вызванные, главным образом, нерешенностью проблем исторического прошлого Японии. Для этих пар двусторонних отношений характерно волнообразное развитие, характеризующееся поочередной сменой периодов потепления и похолодания в политической сфере при активном развитии экономических связей. Японо-китайские отношения несколько улучшились с приходом к власти в Китае в 2013 г. Си Цзиньпина и на фоне повышения уровня напряженности в отношениях Пекина и Вашингтона. Что касается взаимоотношений Японии и РК, то недавно между ними разгорелся острый конфликт, катализатором которого стало принятое в ноябре 2018 г. решение Верховного суда РК присудить компенсацию корейцам, привлеченным к принудительному труду японскими компаниями в военное и колониальное времена. Во многом ответственность за разгорающийся кризис несет президент РК Мун Чже Ин, который реанимировал урегулированную предыдущей администрацией президента Пак Кын Хе тему узниц японских борделей и поддержал вышеупомянутое решение Верховного суда. При этом для Демократической партии РК, к которой принадлежит президент Мун, резко критическое отношение к Японии является нормой, и он декларировал его во время предвыборной кампании.

Существенное внимание в работе правомерно уделено оценке меняющейся роли и месту Китая в международных отношениях в СВА и в мировой системе в целом, при этом возвышение Китая рассматривается как комплексный феномен увеличения экономической, а затем политической и военной мощи. В этой связи авторы подробно охарактеризовали изменения в стратегии Пекина при пятом поколении руководства КНР, а также китайские подходы к тайваньскому вопросу, ситуации на Корейском полуострове и политику Пекина в Южно-Китайском море.

Как уже отмечено, важнейшей положительной особенностью монографии является глубокое и системное исследование российских позиций и интересов в СВА, которым посвящены три полноценных главы. Авторы справедливо формулируют, что российские приоритеты в СВА состоят в обеспечении безопасности дальневосточных рубежей и налаживании экономического сотрудничества со странами-соседями в интересах ускоренного развития дальневосточных регионов страны (последнее Президент РФ В. Путин определил

как важнейшую национальную задачу в XXI в.). В сфере безопасности страны СВА видят большую значимость нашей страны в качестве государства, поддерживающего баланс сил в регионе. В отличие от Европы, ни одна из этих стран не рассматривает РФ в качестве угрозы своей или региональной безопасности. В свою очередь, для России отсутствует угроза безопасности со стороны стран СВА, и только лишь США (внерегionalный актор) могут рассматриваться в качестве "потенциального противника" с восточного направления [1, с. 300].

В четвертой главе авторы дают подробную характеристику российских подходов к проблемам безопасности в регионе, в том числе: к урегулированию ядерной проблемы Корейского полуострова и к территориальным конфликтам в СВА. По их мнению, ключом к разрешению противоречий в сфере безопасности может стать выстраивание в АТР новой архитектуры безопасности, основанной на коллективных внеблоковых началах и нормах международного права, а в качестве возможных прообразов подобной архитектуры Москва рассматривает региональные диалоговые форматы в сфере безопасности, включая АРФ, Совещание министров обороны АСЕАН и др. [1, с. 318].

В пятой главе, посвященной двусторонним отношениям РФ со странами СВА, главный приоритет отдается оценке всего комплекса взаимодействия России с ключевым партнером – Китаем. В ней детально изложена суть и динамика развития этих отношений с 90-х годов прошлого века по настоящее время. Сформулированы как шесть принципов, на которых основано российско-китайской стратегическое партнерство, так и вызовы и препятствия для углубления взаимодействия на высшем страновом уровне и в сфере приграничного сотрудничества [1, с. 330, 350]. На основе своего анализа авторы отмечают, что развитие стратегического партнерства с Китаем является главной гарантией поддержания и роста военно-политического влияния России в Восточной Азии, так как именно эта страна, несмотря на наличие определенных проблем в двусторонних отношениях, способна вместе с РФ продвигать идею и принципы полицентричного мирового порядка, разработать формы взаимовыгодного сопряжения ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути (ЭППШ), а также быть самым значимым партнером РФ в развитии восточных районов страны.

При рассмотрении российско-японских отношений авторы исследуют внешне- и внутривнутриполитические причины, способствовавшие активизации в последние годы российского направления во внешней политике Токио, что, в свою очередь, привело к возобновлению диалога по проблеме мирного договора. В то же время они справедливо отмечают, что у двух стран отсутствуют значимые экономические интересы, связанные со страной партнером. При этом страны расходятся в целях расширения двустороннего экономического и инвестиционного сотрудничества. Токио делает акцент на небольших по масштабу проектах, способных улучшить восприятие Японии гражданами России, а Москва ждет японских инвестиций в масштабные инфраструктурные проекты, что маловероятно в условиях экономических санкций Запада против РФ. В целом, вероятность решения территориального спора между двумя странами оценивается авторами как весьма низкая.

Глава завершается рассмотрением политических и экономических отношений России с государствами Корейского полуострова. Заслуживает внимания рекомендация авторов, что единственным политически уместным вариантом возможного вклада Москвы в сближении РК и КНДР является работа в рамках трехсторонних проектов. Несмотря на длительность их обсуждения и скептические оценки ряда экспертов о возможности их реализации, Москва должна поддерживать контакты по этим вопросам с корейскими государствами и быть готовой без раскочки приступить к реализации подобных планов, если и когда для этого сложатся благоприятные условия [1, с. 390].

Последняя шестая глава посвящена участию России в проектах экономической интеграции стран СВА, которая стала особенно актуальна для Москвы в связи с началом реализации Китаем планов построения ЭППШ, который предлагается сопрягать с ЕАЭС, что может положить начало реализации проекта "Большой Евразии". Приоритетной из возможностей сопряжения двух проектов авторы считают интеграционную модель, способную расширить экономические связи в экономике и транспорте и в среднесрочной перспек-

тиве сформировать на евразийском пространстве зону свободной торговли и единую транспортно-логистическую сеть. По данным Евразийской комиссии, первые шаги по сопряжению ЭПШП и ЕАЭС уже сделаны: разработан список из 39 приоритетных проектов с участием государств ЕАЭС в рамках реализации ЭПШП, включая сооружение новых железных дорог, транспортно-логистических центров и т.п. При этом Москва заинтересована во включение в это число проектов, обеспечивающих ускоренное развитие Дальнего Востока РФ, например, строительство транспортных коридоров "Приморье-1" и "Приморье-2", соединяющих порты Южного Приморья с китайскими провинциями Хейлунцзян и Цзилинь соответственно.

При оценке перспектив экономической интеграции России в СВА большое внимание уделено проекту Азиатского энергокольца, который был предложен РАО "ЕЭС России" странам региона ещё в 1998 г. Интерес к нему получил новый импульс лишь в 2016 г, когда в ходе Восточного экономического форума Президент РФ В. Путин предложил сформировать межправительственную рабочую группу из представителей стран СВА для его реализации. Однако и на этот раз заинтересованность потенциальных участников быстро сменилась охлаждением в силу ряда причин экономического и политического характера, включая наличие антироссийских экономических санкций.

Помимо этого, авторы проанализировали вероятность, а также плюсы и минусы от возможного подписания ЕАЭС ССТ с каждой из трех ведущих стран СВА (являясь членом ЕАЭС, РФ может участвовать в подобных соглашениях только в составе этой организации). В наибольшей степени страны ЕАЭС продвинулись в переговорах с РК. В 2016–2017 гг. этой теме были посвящены ряд меморандумов и несколько раундов межправительственных консультаций. В то же время анализ показывает, что, с экономической точки зрения, заключенные ССТ больше выгодно РК, чем странам ЕАЭС, так как рынки последних не готовы к открытию и в будущем ССТ потребуется включить большое количество изъятий и ограничений. В торговом сотрудничестве с Китаем страны ЕАЭС ещё в большей степени не готовы к открытию своих рынков и отказу от пошлин, подписание ССТ с этой страной в настоящее время не рассматривается. В силу действия ряда негативных политических и экономических факторов, переговоров о заключении ССТ с Японией странами ЕАЭС также не ведется.

При этом в данном разделе авторами не упомянут важный проект субрегионального экономического сотрудничества СВА – реализуемой с 1995 г. "Большой Туманганской инициативы" (Greater Tumen Initiative). Монография могла бы выиграть от включения в неё информации по знаковому для региона проекту, в котором за его длительную историю, как в зеркале, отразился весь комплекс сложных политических и экономических проблем, так и не преодоленных странами региона.

В целом, рецензируемая монография является исключительно качественной работой с точки зрения глубокого анализа трансформации международных отношений в СВА и представленной системной оценки меняющихся роли и интересов России в регионе, и в этом качестве рекомендуется самому широкому кругу читателей.

Литература

1. Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России: Монография / Под ред. А. В. Торкунова, Д. В. Стрельцова. М.: Издательство "Аспект Пресс", 2019. 432 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 система Б

1. Transformatsiya mezhdunarodnykh otnoshenii v Severo-Vostocnoi Azii i natsionalnie interesi Rossii: monographiya / pod red. A. V. Torkunova, D. V. Streltsova. M.: Izdatelstvo "Aspekt Press", 2019. 432 s.

Севастьянов С. В., Лукин А. Л. Обзор монографии "Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России" (под ред. А. В. Торкунова, Д. В. Стрельцова).

В обзоре монографии "Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России" (под ред. А. В. Торкунова, Д. В. Стрельцова) дана высокая оценка значимости работы как с точки зрения глубокого анализа трансформации международных отношений в СВА, так и актуальности системной оценки меняющихся роли и интересов России в этом регионе. Эта оценка обоснована глубиной и качеством представленных материалов по наиболее острым региональным проблемам (ядерной проблеме Корейского полуострова, территориальным спорам и др.) и другой важной особенностью работы – три из шести глав посвящены исследованию национальных интересов и позиций России в СВА (подходам к региональной безопасности, двусторонним отношениям со странами-соседями и участию в проектах экономической интеграции).

Ключевые слова: *международные отношения, Северо-Восточная Азия, национальные интересы России, региональная интеграция, Китай, Япония*

Sevast'yanov S. V., Lukin A. L. Monograph review: Transformation of international relations in Northeast Asia and national interests of Russia (ed. by A. V. Torkunov, D. V. Streltsov).

In the review of the monograph "Transformation of international relations in Northeast Asia and national interests of Russia" (ed. by A. V. Torkunov, D. V. Streltsov) the latter's importance has got a high rating both for deep analysis of ongoing transformation of the international relations in NEA and for relevance of systemic assessment of the changing role and interests of Russia in the region. This assessment is also based on high depth and quality of materials on most acute regional problems (Korean peninsula nuclear problem, territorial disputes, etc.), as well as on another key feature of the work – three of its six chapters are devoted to study of the Russia's national interests and positions in NEA (regional security approaches, bilateral relations with neighboring countries, and participation in regional integration projects).

Key words: *international relations, Northeast Asia, national interests of Russia, regional integration, China, Japan*

Для цитирования: Севастьянов С. В., Лукин А. Л. Обзор монографии "Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России" (под ред. А. В. Торкунова, Д. В. Стрельцова) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 3. С. 146–151. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-3/146-151

For citation: Sevast'yanov S. V., Lukin A. L. Monograph review: Transformation of international relations in Northeast Asia and national interests of Russia (ed. by A. V. Torkunov, D. V. Streltsov) // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 3. P. 146–151. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-3/146-151

**Рецензия на книгу В. Ц. Головачева
"Этнополитическая история Тайваня
в мировой историографии XVII–XXI вв."**

Научный интерес к "случаю" Тайваня не исчерпывается одними военно-политическими проблемами отношений с материковым Китаем и состоянием безопасности в регионе. Ведь в разное время этот остров, на котором существовало свое коренное население, оказывался в сфере интересов и освоения очень разных, таких как Португалия и Испания, а затем Китай и Япония. Поэтому трудно переоценить значение этнической истории и политики Тайваня для анализа ряда общих проблем, связанных с исследованием этнического феномена в определенном социально-политическом контексте [1]. Но, как справедливо указал сам автор, "в российском востоковедении история Тайваня изучена относительно слабо, непоследовательно и фрагментарно". В отношении же этнополитического аспекта этой истории следует признать, что мы делаем только первые шаги в ее осмыслении. Уже эти обстоятельства определяют актуальность рассматриваемой монографии В. Ц. Головачева. Важно также отметить, что автор взял на себя сложную задачу подготовить историографический анализ этнополитической истории Тайваня, да еще в ее мировом освещении XVII – начала XXI вв. Поэтому для выполнения поставленной исследовательской задачи В. Ц. Головачеву пришлось обработать внушительный корпус источников и публикаций по теме, часть из которых впервые стала известна российским специалистам с его подачи. О своевременности появления данной работы свидетельствует и тот факт, что после проведения демократических преобразований на Тайване, власти, некоторые политические партии и общественные движения стали уделять серьезное внимание проблемам этнической политики. Как положительный момент монографии следует также отметить раскрытие содержания использованных в ней базовых концептов. Так этнополитическая история определяется "как совокупность сложно взаимодействующих, этнических и политических процессов, определяемых балансом этнических интересов в политике... и спецификой политического управления в иерархизированных полиэтничных обществах" [1, с. 9].

Первая глава монографии освещает изучение этнополитической истории Тайваня россиянами в XVIII–XXI вв. Автор приводит данные, свидетельствующие, что о существовании острова Формоза в России стало известно еще с конца XVII в., первые же россияне смогли побывать на острове уже в XVIII в.. В. Ц. Головачев обстоятельно проанализировал работы наших соотечественников, лично побывавших на Тайване. Вполне обосновано были особо отмечены исследования П. И. Ибиса и А. К. Мольтрехт, которые имели возможность совершить длительные экспедиции в 1875 и 1908 гг. на острове. Автор отмечает, что после оккупации, а затем и введения военного положения на Тайване для российских ученых начался период "дистанционных исследований" на основе переводов иностранных публикаций. После восстановления российско-тайваньских связей в 1991 г. снова сложились условия для непосредственных исследований наших специалистов на Тайване (Б. Л. Рифтина, С. Кучеры, Ю. А. Азаренко, В. В. Малявина, В. Ц. Головачева). Приведенные источники и материалы являются убедительным основанием вывода по главе, согласно которому российские учёные одними из первых появились на острове и стали истинными пионерами в его научном изучении.

© Кузнецов А. М., 2019

Вторая глава монографии В. Ц. Головачева рассматривает исследования по этнополитической истории Тайваня в западной историографии XVII–XXI вв. Как отмечает автор, собственно научный интерес к Тайваню здесь был обусловлен опиумными войнами XIX в., а затем его японской аннексией. В главе продемонстрирована хорошая информированность об основных голландских и французских изданиях XVII–XVIII вв., включая "Потерю Формозы" (1675 г.), "Заметки Ж. де Майя о визите на Тайвань в 1715" и другие публикации. Одним из первых ученых, исследовавших остров, стал американский профессор Дж. Стир, находившийся в 1873–1874 гг. полгода на Тайване. Однако отмечается, что вышедшие до 1945 г. на Западе работы с данными по этнологии представляли собой в основном переводы сочинений японских учёных, колониальных чинов и политиков. После 1945 г. напряженность с КНР не стимулировала западных специалистов к этнополитическим исследованиям ситуации на Тайване. Но этот пробел, по данным автора, частично закрыли учившиеся на Западе выходцы из Китая.

Массовый рост западных исследований по Тайваню отмечается в 1980-е гг. В результате в 1990-х – 2000-х гг. появляются крупные исследования по рассматриваемой проблеме в Бельгии, Германии, Италии и США. Фокус же современных исследований, по мнению В. Ц. Головачева, под влиянием интернационализации и "тайванизации", демократизации политики на Тайване и перемен в этнополитических процессах смещается к условиям формирования, сути и перспективам эволюции так называемой "тайваньской идентичности" [1, с. 92]. Заслуживает внимания и вывод автора о том, что "...указанные сочинения на европейских языках уже нельзя отнести только к западной или только к восточной историографии, так как они принадлежат к обеим традициям и по сути объединили их" [1, с. 90].

В третьей главе, последовательно реализуя свой замысел, В. Ц. Головачев рассматривает этническую историю и этническую политику Тайваня в трудах японских ученых колониального и послевоенного периода (XIX–XXI вв.). Автор вполне обоснованно утверждает, что этнология возникла на Тайване лишь в годы японского господства (1895–1945). Её развитию способствовало стремление главы гражданской администрации острова Гото Симпэя проводить свою политику в отношении местного населения на основе этнологических рекомендаций. Не случайно, вопрос о поиске эффективных методов управления как китайской, так и коренными общностями населения острова стал одним из актуальных и для ученых, и администрации. Интересно, что, как показал В. Ц. Головачев, власти Японии регулярно издавали в переводе на европейские языки официальные отчёты, чтобы составить на Западе нужное им представление о своей деятельности на Тайване.

"Цивилизаторская миссия" в отношении населения Тайваня раскрыта на примере работ ряда японских авторов. Так Ино Канори описывал историю японо-туземных отношений в виде линейно-прогрессивного развития. Оригинальным образом этот автор разрешал противоречие, с которым пришлось столкнуться сначала администрации Тайваня. Как известно, японцы сами многому учились у китайцев, как же они могли их цивилизовать? В своих этноисторических работах Ино проводил ту идею, что династия Цин, обязанная хранить и олицетворять китайскую цивилизацию, оказалась "отсталой" и не сумела выполнить свою "цивилизаторскую миссию" среди туземцев на острове. Историк и парламентарий Такэкоси Иосабуро в своей книге "Японское правление на Формозе" критично отнесся к этнической политике администрации: "Это не значит, что мы не имеем никакой симпатии к дикарям. Это просто означает, что мы должны думать больше про наших 45 000 000 сыновей и дочерей, чем про примерно 104 000 дикарей. Мы не можем позволить терпеливое ожидание, пока они отбросят варварство". Другой критик политики властей – социалист Янайхара Тадао – привнес классовый подход в анализ отношений японцев, китайского и аборигенного населения острова. Не случайно его книга "Формоза под властью японского империализма" была переведена и издана в 1934 г. в СССР. После 1945 г. наблюдается понятный спад этнологических публикаций по Тайваню в Японии. Только с конца 1960-х гг. японские ученые снова смогли приезжать на остров, а после отмены в 1987 г. "Закона о военном положении" сложились нормальные условия для работы специалистов из этой страны на Тайване. Новые тенденции в осмыс-

лении этих непростых отношений получили, в частности, освещение в выпущенной в 2002 г. в Токио книге Киния Суэмицу "История Тайваня: Тайвань в эпоху японского господства".

Особый интерес для российского читателя представляет четвертая глава монографии "Изучение этнополитической истории острова в послевоенной и современной тайваньской историографии". С одной стороны, использованные в ней работы малодоступны в нашей стране, с другой, – В. Ц. Головачев констатировал, что развитие науки на Тайване представляет собой синтез японской, китайской, а затем и западной школ. Ведь и новые китайские власти в качестве источника информации для проведения политики в отношении местного населения сначала активно использовали работы японских ученых. В 1950-х гг. местными специалистами в основном разрабатывались темы, касавшиеся этнической истории и политики в отношении местного населения времён минского клана Чжэн (1661–1683) и династии Цин (1683–1895). Затем в соответствии с новыми тенденциями сотрудники Института этнологии Тайваня стали включать свои исследования в более широкий контекст "культуры тихоокеанского кольца". А получившие образование на Западе молодые тайваньские этнологи перенесли фокус внимания на изучение общностей тайваньских и зарубежных китайцев, используя методики социологии, психологии и пр. В этих исследованиях также участвовали ученые из Сингапура, Гонконга, США, Японии и других стран. Как отметил В. Ц. Головачев, полученные данные позволили дать достаточно полное описание четырёх основных этнических групп на острове: хокло, хакка, материковых китайцев из "внешних провинций" (вайшэн жэнь) и аборигенов. В целом, по мнению автора исследования, рубеж 1980-х – 1990-х гг. оказался связан с радикальными изменениями общих подходов к этнической истории Тайваня, обусловленными форсированной "тайванизацией" островной науки. Курс на тайванизацию сопровождался созданием концепций, представляющих остров с его сложной историей как активного, автономного субъекта региональной и мировой истории, а не периферию материкового Китая. Конструирование теорий тайваньской нации должно было привести, по мнению их авторов (Ян Ли-сянь, Цао Юн-хэ, Чэнь И-шэнь и др.), к "нормализации" трактовки тайваньской истории. Парадоксальным образом новые ее трактовки должны были выйти из ограничений "китаецентризма" и, фактически, означали призыв к "декитаизации" тайваньцев и формированию особой их идентичности [1, с. 139].

Как важный аргумент в пользу подобных настроений приводились результаты этнографического изучения общностей китайского происхождения – хакка и хокло [1, с. 165]. В последнее время стали также специально исследоваться прибывшие на остров с 1949 г. по 1956 г., так называемые, вайшэн жэнь (т.е. "люди внешних провинций"). В результате они теперь часто упоминаются в официальных и неофициальных материалах как одна из "четырёх главных этнических групп" на острове. При этом, как отмечает, В. Ц. Головачев, сохраняющиеся глубокие различия среди хакка и хокло и самих вайшэн жэнь порождают вопрос о правомерности поверхностной гомогенизации отдельных этнических групп и односторонней подачи "колониальной" истории. Такие данные определяют особый интерес к этнополитической ситуации на Тайване, характеризующейся дуализмом, по В. Ц. Головачеву, "гоминьдановского" (Тайвань – часть Китая) и "постколониального" (Тайвань – особый субъект истории) подходов к ее оценкам. В результате здесь наблюдается рост числа носителей "двойной идентичности", отождествляющих себя и с Китаем, и с Тайванем.

В заключительной пятой главе работы освещаются вопросы этнополитической истории Тайваня в работах ученых КНР (1949–2010). Автор разделяет точку зрения, что в течение этого периода исследования по этнической истории Тайваня прошли здесь четыре основных этапа:

1-й этап (1949–1966 гг.) – зарождение и становление "марксистских" исследований по данной теме.

2-й этап (1976–1989/90 гг.) – возрождение исследований, прерванных из-за "культурной революции".

3-й этап (1990–2000 гг.) – период "тайванизации китайского тайваневедения".

4-й этап (2000–2008 гг. и до настоящего времени) всекитайская мобилизация на борьбу с "декитаизацией" этнологии Тайваня.

Понятно, что значимость принципа территориальной целостности страны определяла особое значение оценки ситуации на Тайване для науки КНР. Неудивительно, что, как показал В. Ц. Головачев, после 2000 г. учёные КНР перешли к прямой критике "теории тайваньской нации" и её вариаций "тайванизации" и "декитаизации". В полемике со своими оппонентами учёные КНР сделали акцент на обоснование гармоничного сотрудничества разных этнических групп, включая отношения между китайскими эмигрантами и равнинными аборигенами пинцзу (Ши Лянь-чжу; Чэнь Го-цян; Лю Чжэн-ган; Чжан Чун-гэнь) [1, с. 192]. Позиция же тайваньских специалистов оценивается как отход островной этнологии от научной объективности и проявление некорректного применения фактов в интересах пронеэзависимой политики (Хао Ши-юань; Чжоу Дянь-энь).

В заключениях работы были обобщены данные об основных этапах, особенностях и перспективах развития мировой историографии этнополитической истории Тайваня.

Конечно, столь содержательная монография В. Ц. Головачева не свободна от некоторых недостатков, в частности, повтора некоторых положений в разных главах. Очень бегло у него отражен современный этап исследований по проблеме японскими специалистами. Представляется, что автору нужно было более критично отнестись к утверждению о развитии тайваньской науки в условиях глобализации. Корректнее здесь было бы видеть ситуацию вестернизации. При этом следует учитывать, что вариант теории политической системы Д. Истона сегодня уже является устаревшим. Однако в целом монография В. Ц. Головачева является бесспорным вкладом в российское востоковедение и его мало разработанный этнополитический раздел, представляя редкое у нас полифокусное видение проблемы.

Литература

1. Головачев В. Ц. Этнополитическая история Тайваня в мировой историографии XVII–XXI вв. М.: Институт востоковедения РАН. Издательство "МаксПресс", 2018. 320 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 система Б

1. Golovachev V. C. Etnopoliticheskaya istoriya Tajvanya v mirovoj istoriografii XVII–XXI vv. M.: Institut vostokovedeniya ran. izdatelstvo "Makspress", 2018. 320 s.

Кузнецов А. М. Рецензия на книгу В. Ц. Головачева "Этнополитическая история Тайваня в мировой историографии XVII–XXI вв."

В рецензии обсуждается монография В. Ц. Головачева, посвященная историографии этнополитической истории Тайваня (ethnic politics). Актуальность работы заключается в том, что эта тема мало изучена в российской науке. Несомненным ее достоинством является использование публикаций не только российских, но и западноевропейских, японских китайских и тайваньских авторов. Поэтому монография В. Ц. Головачева может быть рекомендована широкому кругу специалистов и студентов.

Ключевые слова: *Головачев В. Ц., Тайвань, этнополитика, история*

Kuznetsov A. M. Review of V. Ts. Golovachev's book "Ethnopolitical History of Taiwan in the World Historiography of the XVII–XXI Centuries".

In the review the monograph by V. Ts. Golovachev devoted to a historiography of ethnopolitical history of Taiwan (ethnic politics) is discussed. Relevance of this work is this subject is a little studied in the Russian science. Undoubted its advantage is using of publications not only of Russian, but also Western European, Japanese, Chinese and Taiwan authors. Therefore monograph of V. Ts. Golovachev can be recommended to a wide range of experts and students.

Key words: *Golovachev V. Ts., Taiwan, ethnic politics, history*

Для цитирования: Кузнецов А. М. Рецензия на книгу В. Ц. Головачева "Этнополитическая история Тайваня в мировой историографии XVII–XXI вв." // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 3. С. 152–156. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-3/152-156

For citation: Kuznetsov A. M. Review of V. Ts. Golovachev's book "Ethnopolitical History of Taiwan in the World Historiography of the XVII–XXI Centuries" // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 3. P. 152–156. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-3/152-156

Сведения о членах редакционной коллегии

- Римская Татьяна Григорьевна** (*главный редактор*) – кандидат исторических наук, доцент, директор филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка
- Барбенко Ярослав Александрович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Бурлаков Виктор Алексеевич** – кандидат политических наук, доцент департамента коммуникации и медиа Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Винокурова Анна Викторовна** – кандидат социологических наук, доцент департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Ганопольский Михаил Григорьевич** – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института проблем освоения Севера СО РАН (*г. Тюмень*)
- Григоричев Константин Вадимович** – доктор социологических наук, доцент, проректор по научной работе и международной деятельности Иркутского государственного университета (*г. Иркутск*)
- Демьяненко Александр Николаевич** – доктор географических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН (*г. Хабаровск*)
- Дударёнок Светлана Михайловна** – доктор исторических наук, кандидат философских наук, профессор департамента истории и археологии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Журбей Евгений Викторович** (*ответственный редактор*) – кандидат исторических наук, доцент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Золотухин Иван Николаевич** – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Караман Вадим Николаевич** – кандидат исторических наук, зав. библиотекой Приморского государственного объединенного музея им. В. К. Арсеньева (*г. Владивосток*)
- Киреев Антон Александрович** – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Кожевников Владимир Васильевич** – кандидат исторических наук, профессор кафедры страноведения Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Кристофферсен Гаё** – Ph.D., профессор Университета Джона Хопкинса (*г. Нанкин, КНР*)
- Кузнецов Анатолий Михайлович** – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Латушко Юрий Викторович** – кандидат исторических наук, заведующий Центром островной и прибрежной антропологии АТР Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (*г. Владивосток*)
- Лебедева Марина Михайловна** – доктор политических наук, кандидат психологических наук, профессор, заведующий кафедрой мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России (*г. Москва*)
- Литошенко Денис Александрович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, политологии и государственно-правовых дисциплин юридического факультета Морской академии Морского государственного университета им. адм. Г. И. Невельского (*г. Владивосток*)
- Лукин Артем Леонидович** – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Наумов Юрий Анатольевич** – кандидат геолого-минералогических наук, доктор географических наук, член-корреспондент Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности, доцент филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка
- Рыжова Наталья Петровна** – доктор экономических наук, заведующий Приморской лабораторией экономического развития и сотрудничества Института экономических исследований ДВО РАН, профессор Академического департамента Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Севастьянов Сергей Витальевич** – доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Филипова Александра Геннадьевна** – доктор социологических наук, профессор департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Шестак Ольга Игоревна** – кандидат исторических наук, доцент, начальник научного управления Дальневосточного государственного технического рыбохозяйственного университета (*г. Владивосток*)
- Шин Беом-Шик** – Ph.D., профессор кафедры политических наук и международных отношений Сеулского национального университета (*г. Сеул, Республика Корея*)
- Широ Сасаки** – Ph.D., профессор кафедры передовых исследований в антропологии Национального музея этнологии, директор Национального музея культуры айнов (*г. Сираой, Япония*)
- Ячин Сергей Евгеньевич** – доктор философских наук, профессор департамента философии и религиоведения Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)

К читателям

Редакция извещает читателей о возможности подписки на журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования".

Подписка принимается во всех почтовых отделениях.

Информацию о стоимости и условиях подписки Вы можете найти в Объединенном каталоге "Пресса России" (том 1. Газеты и журналы).

Подписной индекс журнала – **42354**.

Кроме того, подписка на журнал может быть оформлена в сети Интернет. Для того чтобы оформить подписку через Интернет, Вы можете зайти на начальную страницу сайта "Ойкумены" (www.ojkum.ru) и перейти по ссылке в раздел "Редакция журнала".

Уважаемые авторы!

С декабря 2006 года выходит в свет научно-теоретический журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования". Редакция журнала приглашает преподавателей вузов, сотрудников академических учреждений Приморского края и дальневосточного региона, а также всех заинтересованных исследователей публиковать свои статьи, материалы и методические разработки на страницах нашего издания.

Журнал будет включать в себя следующие тематические рубрики:

- ◆ Теория и методология регионоведческих исследований
- ◆ Историческое регионоведение
- ◆ Экономика и природопользование
- ◆ Социальные и демографические структуры
- ◆ Культурные и идеологические факторы регионализации
- ◆ Политические отношения и управление регионом
- ◆ Мировая система и международные регионы
- ◆ Междисциплинарные и системные исследования региона
- ◆ Регион в документах и свидетельствах
- ◆ Науковедение
- ◆ Дискуссия
- ◆ Рецензии и обзоры
- ◆ Научная жизнь

Научные специальности и соответствующие им отрасли науки, по которым издание включено в **Перечень рецензируемых научных изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук:

- 07.00.02 – Отечественная история (исторические науки)
- 22.00.01 – Теория, методология и история социологии (социологические науки)
- 22.00.03 – Экономическая социология и демография (социологические науки)
- 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)
- 23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки (политические науки)
- 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии (политические науки)
- 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития (политические науки)

Требования к объему и оформлению предоставляемых в редакцию материалов

1. Допустимые форматы файла: docx, odt.
2. Файл не должен содержать сложных стилей и форматирования, а также переносов. В заголовках не применять ПРОПИСНЫЕ символы. Простановка буквы ё обязательна.
3. Шрифт Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
4. Поля: верхнее и нижнее – 2 см., правое – 1,5 см., левое – 2,5 см.
5. Порядок оформления статьи: УДК, сведения об авторе (авторах) (Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы и должность, рабочий (домашний) телефон, e-mail), название статьи (не более 80 знаков), текст статьи, список литературы, аннотация (от 500 до 700 знаков), ключевые слова (от 5 до 10). Название, аннотация и ключевые слова предоставляются на русском и английском языках. Вся вышеуказанная информация высылается одним файлом. Файлу следует присваивать только имя (фамилию) автора.
6. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками **жирным шрифтом**. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведенной цитаты. Например: [2, с. 5]. Если страница не указывается, а дается ссылка на работы целиком, то их нумерация дается через точку с запятой. Например: [2; 5; 7]. Ссылка на неопубликованный архивный документ помещается только в тексте самой статьи в круглых скобках, также **жирным шрифтом**. Например: (ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4–5); (Рукопись Иванова А. К. Из архива автора).
7. Расшифровка сокращений и аббревиатур (кроме общепринятых) обязательна (дается в конце текста статьи). Например: ГАПК – Государственный архив Приморского края.
8. Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учета соавторов и хронологии. В списке сначала указывается литература на кириллице, затем на латинице, и после в других системах письма. Библиографическое описание должно включать полное наименование книги или статьи, место издания, издательство, год, общее количество страниц (для статьи – страницы, на которых она помещена). Ссылка на Интернет в списке литературы оформляется следующим образом: **Автор. Название материала // Название сайта, [Электронный ресурс]. URL: адресная строка (дата обращения: 31.12.2018).**
9. Объем статьи – от 0,5 до 1,0 п.л. (от 20 до 40 тыс. зн. с пробелами). Объем других материалов – до 0,3 п.л.
10. Рисунки, карты, графики и другой иллюстративный материал принимаются в наиболее распространенных (eps, ai, jpeg, bmp, tif) форматах, и предоставляются отдельными файлами. К графикам обязательно прилагать таблицу, на основании которой этот график сделан. Для всех подписей в графиках использовать только шрифт Arial Narrow. Указание источника иллюстраций – обязательно.
11. Ввиду черно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. не должна содержать более трех цветов (черный, белый, серый 50 %).
12. Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации по электронной почте (e-mail: ojkum@rambler.ru).

Статьи проходят обязательное рецензирование.

Редакция оставляет за собой право отбора публикаций.

Файлы, подготовленные с нарушением требований, не рассматриваются.

Плата за публикацию не взимается.

Научное издание

Ойкумена. Регионоведческие исследования
научно-теоретический журнал

2019 № 3 (50)

Подписано к печати 03. 09. 2019 г. Вышло в свет 24. 09. 2019 г. формат 70x108/16
Усл. п. л. 14,00. Уч. -изд. л. 15,62. Тираж 200 экз. Заказ
Цена свободная

Издательство Владивостокского государственного университета экономики и сервиса
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

Отпечатано во множительном участке ВГУЭС
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41